

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025, TOM 8, № 3

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2025, volume 8, No. 3

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2025, том 8, № 3

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации: ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail:kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутинина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннүллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурясов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2025, volume 8, No. 3

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakiryanov Alfat Magsumyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnulin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabitseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

- **Педагогика. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)**

Линь Люоань, Обдалова О.А. Инновационная модель обучения иностранным языкам в цифровой среде 309

Степашкина О.И., Трунова Е.Г. Практико-исследовательский проект в иноязычном образовании как средство формирования ценностно-смысовых установок обучающихся 320

Tursun-zadé S.T. Mode D'enseigner Le Verlan Aux Etudiants Specialisés En Linguistique 330

- **Филология. Литературы народов мира**

Patrakova O.N., Altashina V.D. De «La Belle au bois dormant» à «La Belle au doigt bruyant»: une réécriture moderne du sujet classique 336

Сашина Е.В. Сонет в поэзии Ш. Леконта де Лиля: к вопросу о «парнасском» сонете 348

- **Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Акай О.М. Лингвокультурологическая медиация: освобождая перевод от пут лингвистики 361

Аляева Л.С., Красавский Н.А. Коммуникативные тактики комплимента и самопрезентации в российских интервью представителей шоу-бизнеса 377

Ахметзянова П.А. Пропозициональное смягчение в немецком и британском политическом дискурсе: стратегия ассертивного смягчения 387

Ганеев Р.Р., Альжанова А.Ы. Изменение интерпретационного потенциала текста при переводе 398

Гуреева А.А., Новикова Э.Ю., Новожилова А.А. Перевод урбанонимов: факторы вариативности 411

Исмагилова А.Р. Эргонимы в лингвистическом ландшафте Белфаста 424

Тахтарова С.С., Мухаматшин А.Р. Манипулятивная функция модусов допущения и полагания в американском политическом медиадискурсе 433

Чжу Сун Мен. Перевод корейских катенативных глагольных конструкций на русский язык (по аспекту синтаксической трансформации) 445

CONTENT

- **Pedagogy. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)**

Lin Liyuan, Obdalova O.A. The Innovative Pathways of Foreign Language Teaching Model in the Digital Environment 309

Stepashkina O.I., Trunova E.G. Practical Research Project in Foreign Language Education as a Means of Forming Value-semantic Attitudes of Students 320

Tursun-zade S.T. Technique of Teaching Verlan to Students Majoring in Linguistics 330

Philology. Literature of the peoples of the world

Patrakova O.N., Altashina V.D. From “Sleeping Beauty” to “Noisy Beauty”: about One Modern Version of the Classic Tale 336

Sashina E.V. Sonnet in the Poetry of Ch. Leconte de Lille: to the Question of The “Parnassian” Sonnet 348

- **Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics**

Akay O.M. Linguocultural Mediation: Liberating Translation of Linguistics’ Bounds 361

Alyaeva L.S., Krasavsky N.A. Communicative Tactics of Compliment and Self-Presentation in Russian Interviews with Repré-Sentatives of Show Business 377

Akhmetzyanova P.A. Propositional Mitigation in German and British Political Discourse: Strategy of Assertive Mitigation 387

Ganeyev R.R., Alzhanova A.Y. Change in the Interpretive Potential of a Text in Translation 398

Gureeva A.A., Novikova E.Yu., Novozhilova A.A. Translation of Urbanonyms: Factors of Variation 411

Ismagilova A.R. Ergonyms in the linguistic landscape of Belfast 424

Takhtarova S.S., Mukhamatshin A.R. The Manipulative Function of the Assumption and Beliefs Modes in American Political Media Discourse 433

Ju Sun Mean. Translating Korean Catenative Verb Constructions into Russian: A Study in Syntactic Transformations 445

**ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И
ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)
PEDAGOGY. THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND
EDUCATION (BY AREAS AND LEVELS OF EDUCATION)**

Научная статья

УДК 378

Педагогические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

**ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Линь Лиоань¹, О.А. Обдалова²

Томский Государственный Университет, Томск, Россия

¹linliyuan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3095-380X>

²o.obdalova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5295-117X>

Аннотация. Стремительное развитие цифровых технологий, сосредоточенных на искусственном интеллекте (ИИ), в сочетании с глубокими трансформациями внутренней и международной образовательной среды в новую эпоху требует фундаментального пересмотра парадигм подготовки кадров и инновационных подходов к моделированию преподавания иностранных языков. Эти изменения необходимы для удовлетворения растущего социального спроса на разносторонних специалистов в области иностранных языков в условиях усиливающейся цифровизации. Фокусируясь на инновациях в моделях обучения иностранных языков и ставя целью подготовку многопрофильных лингвистических кадров, данное исследование использует программное обеспечение CiteSpace для библиометрического анализа 983 статей из базы данных Web of Science(WOS), опубликованных в период с 2005 по 2024 год. Интегрируя уникальные свойства цифровых технологий, исследование применяет смешанный метод (качественный и количественный анализ) для изучения инновационных путей развития иноязычного образования по четырём ключевым направлениям: педагогическая философия, динамика ролей преподавателя и студента, содержание учебных программ и методики обучения. Глобальная цель заключается в создании цифрово-ориентированной образовательной модели обучения иностранных языков, которая не только предоставляет теоретические и практические рекомендации для подготовки многопрофильных специалистов, повышения профессиональных компетенций преподавателей и совершенствования интегративных языковых навыков студентов, но и предлагает методологическую основу для формирования новой экосистемы цифрового иноязычного образования.

Ключевые слова: цифровые технологии; модели обучения иностранных языков; многопрофильные лингвистические кадры; цифровая интеграция; педагогическая философия; динамика ролей преподавателя и студента

Для цитирования: Линь Лиоань, Обдалова О.А. Инновационная модель обучения иностранным языкам в цифровой среде. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 309–319. (In Eng.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

THE INNOVATIVE PATHWAYS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING MODEL IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Lin Liyuan, O.A. Obdalova

Tomsk State University, Tomsk, Russia

linliyuan@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-3095-380X

Abstract. The rapid advancement of digital technologies centered on artificial intelligence (AI), coupled with the profound transformations in domestic and international teaching environments in the new era, necessitates a fundamental shift in talent cultivation paradigms and innovative approaches to foreign language teaching models. These changes are imperative to address the growing societal demand for diversified foreign language professionals in an increasingly digitalized era. Taking the innovation of foreign language teaching models as the focal point and the cultivation of diversified foreign language talents as the core objective, this study utilizes CiteSpace software to conduct a bibliometric analysis of 983 articles indexed in the Web of Science database between 2005 and 2024. By integrating the distinctive attributes of digital technologies, the research employs a mixed-methods approach (qualitative and quantitative analyses) to explore innovative pathways in foreign language education across four key dimensions: pedagogical philosophy, teacher-student role dynamics, curricular content, and instructional methodologies. The overarching goal is to establish a digitally empowered foreign language teaching framework that not only provides theoretical and practical insights for cultivating diversified language talents, enhancing teachers' comprehensive professional competencies, and improving students' integrative language capabilities but also offers methodological guidance for constructing a new ecology of digitally integrated foreign language education.

Keywords: digital technology; foreign language teaching models; diversified foreign language talents; digital integration; pedagogical philosophy; teacher-student role dynamics

For citation: Lin Liyuan, Obdalova O.A. The Innovative Pathways of Foreign Language Teaching Model in the Digital Environment. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(3): 309–319.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.309-319>

Digital technologies, including big data, artificial intelligence (AI), virtual reality (VR), and blockchain, are spearheading global scientific, technological, and industrial transformations. Concurrently, these advancements are driving profound shifts in foreign language teaching models and pedagogical philosophies. First, technology not only supports the development of all language skills—listening, writing, reading, speaking, grammar, and vocabulary [1]—but also enhances the quality of input, fosters authentic communication, and delivers timely, context-relevant feedback [2]. Second, technology improves language learners' academic performance through enhanced output, interaction, feedback, affective engagement, motivation, and meta-

linguistic knowledge, while providing more effective learning tools [3;4]. Additionally, technological integration creates enjoyable learning environments that boost student engagement [2]. Finally, the deep integration of technology necessitates radical reforms in foreign language curriculum design and teaching materials, while reshaping all relational dynamics within the teaching– learning process.

A teaching model is defined as the basic structure, procedures, and methods of instructional activities designed to achieve specific pedagogical objectives based on established teaching theories. In China, existing research has employed qualitative, quantitative, and case-study approaches to analyze and explore the conceptualization, construction, and application of foreign language teaching models from diverse perspectives, broadly categorizable into four types. The first category focuses on cultivating students' language skills, such as translation, audio-visual comprehension, reading, writing, speaking, and vocabulary acquisition. The second category comprises teaching models using specific instructional media, such as introduction immersion bilingual teaching, and multilevel progressive bilingual approaches [5]. The third category emphasizes competency development, including models for cultivating multi-dimensional foreign language competence [6], “Multidimensionalization of the “five in one” frameworks for nurturing student autonomous learning and cooperative learning ability[7;8]. The fourth category focuses on developing Chinese-specific foreign language teaching models to promote holistic talent development, such as Production-Oriented Approach(POA) [9] .

In the digital era, foreign language teaching models are undergoing transformative changes. Pedagogical concepts such as intelligent guidance and human–machine co-teaching provide new ideological resources for model innovation. Data-driven intelligent, precise, and personalized instruction has emerged as a key development trajectory, compelling foreign language teachers to adopt new roles as data analysts, activity organizers, and resource designers [10]. Technology creates “teacher–machine–student” interactive environments that transcend the temporal and spatial constraints of traditional classrooms, fostering hybrid reality language- learning scenarios and

supporting pedagogical modalities such as human-machine collaborative dual-teacher classrooms, immersive interactive learning, and open-flexible self-directed study [10].

In this study, we employ CiteSpace software to conduct a bibliometric analysis of 983 peer-reviewed articles indexed in the Web of Science (WOS) database from 2005 to 2024. Integrating the defining characteristics of digital technologies, we systematically explore innovative pathways for foreign language teaching models through mixed-methods analysis (qualitative and quantitative approaches) across four dimensions: pedagogical philosophy, teacher-student role dynamics, curricular content, and instructional methodologies. The objective is to identify strategies for cultivating diversified foreign language talents in the digital era.

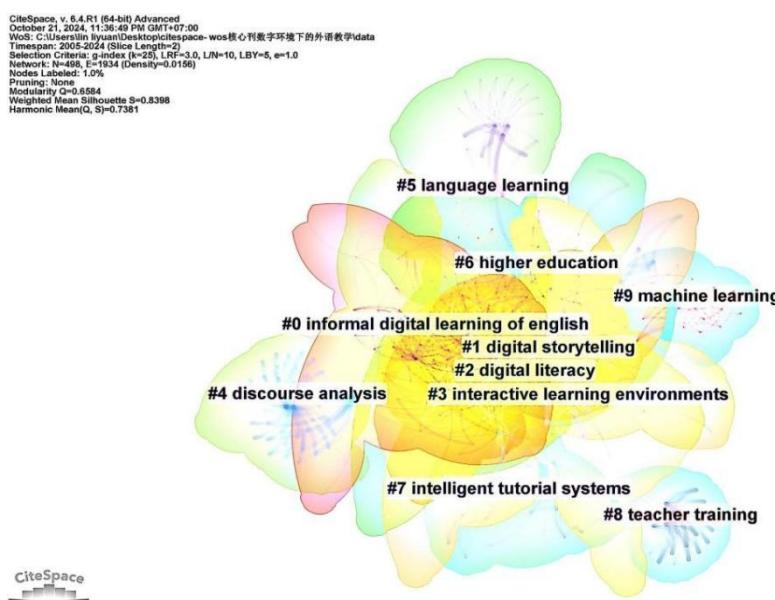
The overall developmental trajectory of foreign language teaching models has shifted from "teaching-centered" to "learning-centered," demonstrating a spiral upward evolution toward deeper integration, diversification, and three-dimensional transformation. This section presents a keyword co-occurrence and clustering analysis (see Fig 1). CiteSpace provides two metrics in the upper-left corner of the map to evaluate the validity of the network structure and clustering: the Q value (modularity) and S value (average silhouette coefficient). The Q value ranges between 0 and 1, where values > 0.3 indicate significant structural modularity; the S value reflects clustering reasonableness, with values > 0.5 considered acceptable and > 0.7 indicating high reliability. In this analysis, $Q = 0.6584$ and $S = 0.8398$, confirming the robustness and interpretability of the results.

The search keywords—"foreign language teaching," "digitalization," "intelligence," and "informatization"—focus on their overlapping impacts on foreign language teaching models, rather than their specific distinctions. Each node in the graph represents a keyword, with node size proportional to keyword frequency: larger nodes indicate higher occurrence rates. The keyword clustering yields 10 major categories, with the top 10 clusters including digital English learning, digital storytelling, digital literacy, interactive learning environments, discourse analysis, language learning,

higher education, intelligent tutoring systems, teacher training, and machine learning. These clusters represent global research hotspots in the field over the past two decades.

With the arrival of the digital era, foreign language teaching models have undergone fundamental transformations: from traditional classroom-based instruction to blended learning, and now to a "human-machine-object-context" interactive model characterized by intelligence, digitalization, diversification, precision, and personalization across all dimensions.

Fig1Keyword Co-occurrence and Clustering Map

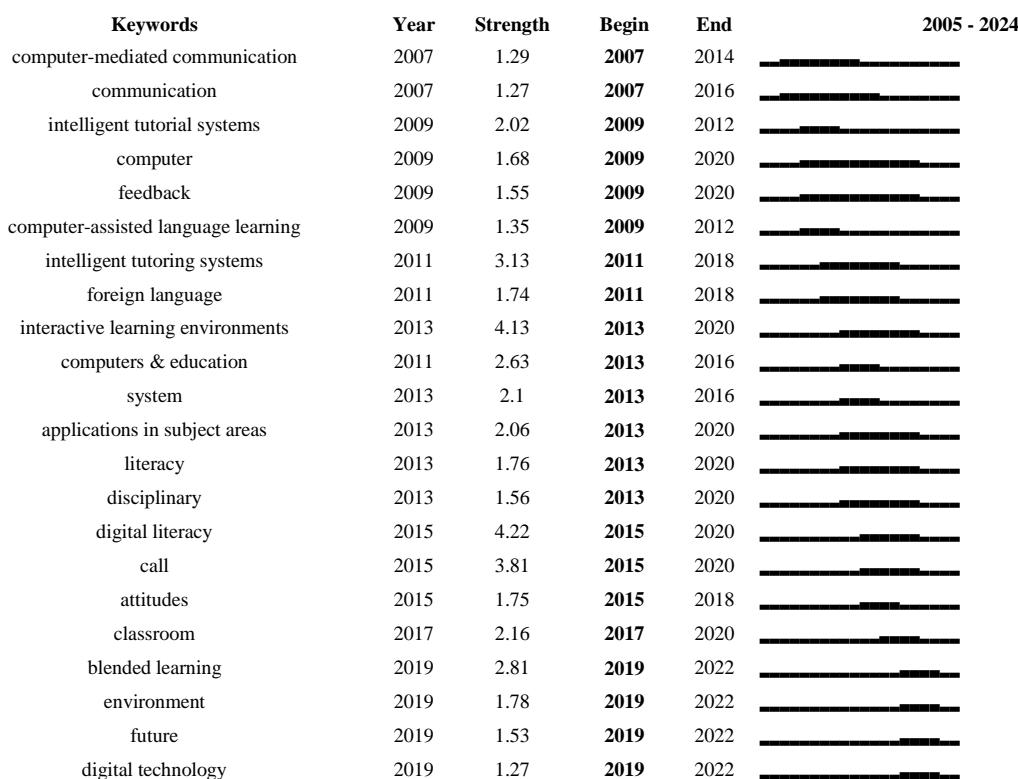

Second, regarding the keyword emergence mapping (see Fig. 2), this study identified 22 high-frequency emerging keywords from relevant literature and arranged them in chronological order of their first occurrence, illustrating the trends of abrupt increases or decreases in keyword prominence within specific time periods. The keywords with the strongest burst intensities are "digital literacy" (4.22), "interactive learning environment" (4.13), followed by "computer-mediated language learning" (3.81), "blended learning" (2.81), and "computers and education" (2.63), indicating that these topics have been focal points of scholarly attention and research hotspots over the past 20 years. In terms of burst duration, the keywords with the longest sustained relevance include "computer," "feedback," "communication,"

"computer-mediated communication," "intelligent tutorial systems," "foreign language," "interactive learning environment," "application in subject areas," "literacy," and "disciplinary," among others.

In the past five years, keywords that have emerged with sustained future significance are, in order, "blended learning," "environment," "future," and "digital technology." The emergence of these keywords indirectly reflects the evolution of foreign language teaching models, which now place greater emphasis on teaching and learning transformations supported by cutting-edge technologies.

Fig 2Top 22 Keywords with the Strongest Citation Bursts

Finally, the timeline view analysis (see Fig 3) reveals that language learning and digital technology-enabled teaching and learning share similar origins and temporal development zones, with their influence steadily increasing in recent years. These domains exhibit a mutually reinforcing relationship, demonstrating a developmental trend of convergence and resonance. On one hand, the continuous upgrading and iteration of digital technologies have naturally expanded their functionalities, triggering transformations in foreign language teaching resources and paradigm shifts in teaching–learning dynamics. This has shifted pedagogical practices from a sole fo-

cus on outcome-based output to emphasizing the teaching–learning process and students' learning experience. Instructional approaches now prioritize guiding students to actively engage in the entire learning process.

On the other hand, advancements in foreign language teaching philosophies and practical explorations have imposed higher demands on information technology applications, such as providing online learning platforms, developing diversified digital learning resources, enabling interactive communication channels, and promoting integrative transformation and upgrading. Technological advancement serves as the catalyst for every "qualitative leap" in foreign language teaching models, while the integrated development of pedagogy and technology increasingly demonstrates a symbiotic interdependence.

Fig 3Timeline View

Evidently, the integration of foreign language teaching and digital technologies is not a simplistic superposition but rather an intricate dynamic system. Technological upgrades and iterations have not only propelled the prosperity of integrated teaching practices but also prompted foreign language educators to critically reflect on integration concepts, technological media, teaching styles, and learning models under the auspices of information technology. By embedding information technology as a fundamental component of classroom teaching structures, educators have continuously reinforced students' subjective agency in the classroom and fostered teaching models

characterized by "autonomy, intelligence, interaction, and precision," alongside a symbiotic human-machine-object-context ecology.

In the digital age, pedagogical philosophy in foreign language teaching should prioritize student-centered, technology-empowered, and globally oriented frameworks, shifting from mere language skill transmission to cultivating holistic competencies like critical thinking, intercultural adaptability, and digital literacy. This involves embracing constructivist approaches where technology acts as a cognitive tool for learners to co-construct knowledge through authentic interactions, such as virtual exchanges or collaborative online projects, while integrating AI and big data to enable personalized, data-driven instruction that adapts to individual learning needs. Concurrently, curriculum content must evolve into a hybrid, multimodal ecosystem that blends traditional textual materials with dynamic digital resources—such as VR simulations, gamified apps, and real-time global data visualizations—to create contextualized, cross-disciplinary learning experiences. For example, thematic units might explore topics like AI ethics or climate change through authentic digital media (e.g., podcasts, social media debates), incorporating student-generated content (e.g., digital storytelling, peer-curated wikis) to foster creativity and agency. Additionally, curricula should embed cultural and ethical awareness by examining digital culture, addressing online misinformation, and leveraging virtual exchange platforms to mediate authentic intercultural interactions. Together, this philosophy and content design ensure learners develop not only linguistic proficiency but also the digital and intercultural competencies needed to thrive in an interconnected world, with technology serving as a bridge between language use, global citizenship, and lifelong learning [11]. Besides, harmonious classroom interaction should embody an intersubjective process wherein teachers and students co-construct the meaning of classroom teaching scenarios and achieve self-development. Third, in terms of the roles of teacher and student in teaching foreign languages using digital technologies, adopting a student-centered, teacher-guided approach, while leveraging technology as "virtual tutors, collaboration coaches, study buddies, or exploration facilitators," can foster eco-

logical interactions among "student-machine," "teacher-machine," and "student-teacher." Finally, constructing technology-enabled instructional methods. Enhancing teachers and students technological awareness, knowledge, competence, and application skills is essential to elevate their comprehensive digital literacy. And, creating hybrid virtual-real teaching contexts provides the foundation for mobile learning, ubiquitous learning, and smart learning. In addition, data-driven teaching processes enable foreign language instruction and learning to become more granular, precise, and targeted.

In summary, the digital transformation of foreign language teaching represents a paradigm shift toward integrative, future-ready models that align with global demands for diversified talent. By embedding technology as a catalyst for innovation rather than a mere supplement, educators can cultivate learners' ability to thrive in an interconnected world, balancing linguistic proficiency with the digital and intercultural competencies essential for 21st-century citizenship. This study provides a robust foundation for constructing a new ecology of digitally integrated foreign language education, offering both theoretical insights and practical strategies for stakeholders worldwide.

Список литературы

1. Ганизаде А., Разви А., Джахедизаде С. Изучение языка с использованием современных технологий (TELL): обзор ресурсов и результатов. *Международные письма по химии, физике и астрономии*. 2015;54:73–87. doi: https://doi.org/10.56431/p-z_6sj8g.
2. Шадиев Р., Ян М. Обзор исследований по изучению и преподаванию языков с использованием технологий. *Устойчивое развитие*. 2020;12(2):524. doi: <https://doi.org/10.3390/su12020524>.
3. Голонка Э. М., Боулз А. Р., Фрэнк В. М., и др. Технологии для изучения иностранных языков: обзор типов технологий и их эффективности. *Компьютерное обучение иностранным языкам*. 2014;27(1):70–105. doi: <https://doi.org/10.1080/09588221.2012.700315>.
4. Шадиев Р., Хванг У. Ю., Хuan Ю. М. Обзор исследований по мобильному изучению языка в аутентичной среде. *Компьютерное обучение иностранным языкам*. 2017;30(3-4): 284–303. doi: <https://doi.org/10.1080/09588221.2017.1308383>.
5. Ху Х., Лю Дж. Исследование и практика многоуровневой прогрессивной модели двуязычного обучения. *Журнал железнодорожного университета Чанша: Издание по социальным наукам*. 2012; 13 (1):117–118. URL: <https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=CSTY201201048> [дата обращения: 20.04.2025]. (In Chin.)
6. Луо Л.Г. Многомерная компетентностная ориентация основного занятия английской литературы в новую эпоху. *Изучение иностранных языков*. 2021;7(6):6–13. URL:

<https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD &filename=WGYJ202302004> [дата обращения: 20.04.2025]. (In Chin.)

7. Чан К., Ли Л. Механизм построения и функционирования многометрной системы обучения практикам инноваций и предпринимательства в университетах. *Руководство по идеологическому и теоретическому образованию*. 2017;1:140–144. URL: https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/sxlljydk2017_01036 [дата обращения: 20.04.2025]. (In Chin.)

8. Чжан Х. Ю. Исследование, посвященное многомерности системы учебных программ по профессиональному английскому языку “пять в одном”, в котором особое внимание уделяется развитию у студентов навыков аудирования и говорения. *Континентальный обзор моста*. 2016;(10):268–270. URL: <https://m.fx361.cc/news/2016/0810/13729143.html> [дата обращения: 21.04.2025]. (In Chin.)

9. Вэнь К. Ф. Китайские особенности "производственно-ориентированного подхода". *Современные иностранные языки*. 2017;40(3):348–358. URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=XD_WY201703006 [дата обращения: 21.04.2025]. (In Chin.)

10. Ян З. К., Ванг Дж., Ван М. К. Цифровая трансформация стимулирует инновационное развитие в преподавании иностранных языков. *Электронное обучение иностранным языкам*. 2022;5:3–5. URL: https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/wydhjx202205_001 [дата обращения: 21.04.2025]. (In Chin.)

11. Быданцева А. Принципы отбора и применения мультимедийных технологий в процессе формирования языковой компетенции на занятиях по английскому языку в колледже. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(1):103–112. doi: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.1.103-112>. (In Russ.)

References

1. Ghanizadeh A., Razavi A., & Jahedizadeh S. Technology-enhanced language learning (TELL): A review of resources and upshots. *International letters of chemistry, physics and astronomy*. 2015;54:73–87. doi: <https://doi.org/10.56431/p-z 6sj8g>.
2. Shadiev R., & Yang M. Review of studies on technology- enhanced language learning and teaching. *Sustainability*. 2020;12(2):524. doi: <https://doi.org/10.3390/su12020524>.
3. Golonka E.M., Bowles A.R., Frank V.M., et al. Technologies for foreign language learning: A review of technology types and their effectiveness. *Computer assisted language learning*. 2014;27(1):70–105. doi: <https://doi.org/10.1080/09588221.2012.700315>.
4. Shadiev R., Hwang W.Y., & Huang Y.M. Review of research on mobile language learning in authentic environments. *Computer assisted language learning*. 2017;30(3-4):284–303. doi: <https://doi.org/10.1080/09588221.2017.1308383>.
5. Hu H. X., & Liu J. Exploration and practice of multi level progressive bilingual teaching model. *Journal of Changsha Railway university: Social sciences edition*. 2012;(1):117–118. Available from: <https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=CSTY201201048> [accessed 20.04.2025]. (In Chin.)
6. Luo L. G. The Curricula Reform and Textbook Construction of Literature Courses for Chinese English Majors: A Literary Competence-Oriented Perspective. *Foreign Language and Literature Research*. 2023;9(02):18–25. Available from: <https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=WGYJ202302004> [accessed 20.04.2025]. (In Chin.)
7. Chang Q., & Li L. The construction and operation mechanism of the multidimensional innovation and entrepreneurship practice education system in universities. *Guide to ideological and theoretical education*. 2017;1:140–144. Available from: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/sxlljydk201701036> [accessed 20.04.2025]. (In Chin.)
8. Zhang H. Y. Research on the multidimensionalization of the “five in one” vocational

English curriculum system that highlights the cultivation of students' listening and speaking abilities.
Continental bridge view. 2016;(10):268–270. Available from:
<https://m.fx361.cc/news/2016/0810/13729143.html> [accessed 21.04.2025]. (In Chin.)

9. Wen Q. F. The Chinese characteristics of the "Production-Oriented Approach". *Modern foreign languages.* 2017;40(3):348–358+438. Available from: <https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=XDWY201703006> [accessed 21.04.2025]. (In Chin.)

10. Yang Z. K., Wang J., & Wang M. Q. Digital transformation drives innovative development in foreign language teaching. *Foreign language electronic teaching.* 2022;5:3–5. Available from: https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/wydhjx202205_001 [accessed 21.04.2025]. (In Chin.)

11. Bydantseva A. Principles of selection and application of multimedia technologies in the process of developing language competence in college English classes. *Kazan Linguistic Journal.* 2022;5(1):103–112. doi: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.1.103-112>. (in Russ.)

Авторы публикации

Линь Лиюань –

Аспирант педагогических наук
Томский Государственный Университет
Томск, Россия
Email: linliyuan@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3095-380X>

Обдалова Ольга Андреевна –

Доктор педагогических наук, профессор
Томский Государственный Университет
Томск, Россия
Email: o.obdalova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5295-117X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.04.2025
Одобрена после рецензирования: 10.06.2025
Принята к публикации: 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Lin Liyuan –

PhD in Pedagogical Sciences
Tomsk State University
Tomsk, Russia
Email: linliyuan@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-3095-380X>

Obdalova Olga Andreevna –

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Tomsk State University
Tomsk, Russia
Email: o.obdalova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5295-117X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 27.04.2025
Approved after peer reviewing: 10.06.2025
Accepted for publication: 25.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И
ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)
PEDAGOGY. THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND
EDUCATION (BY AREAS AND LEVELS OF EDUCATION)**

Научная статья
УДК 372.881.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.320-329>

**ПРАКТИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ В ИНОЯЗЫЧНОМ
ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК ОБУЧАЮЩИХСЯ**

О.И. Степашкина¹, Е.Г. Трунова²

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

¹stepaschchina.oxana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

²lena05-79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3738-6739>

Аннотация. Статья вносит вклад в развитие теории и практики воспитания, расширяя научные представления о технологическом уровне иноязычного образования как основы для реализации его воспитательного компонента. В статье обосновывается насущная необходимость формирования социально и личностно значимых ценностно-смысовых установок молодежи, что в научной плоскости трансформируется в актуальную проблему поиска возможностей реализации данной цели в образовательном процессе. Авторы статьи обращаются к практико-исследовательскому проекту (ПИП) и рассматривают его как средство формирования ценностно-смысовых установок обучающихся в рамках изучения учебного предмета «Иностранный язык». Для создания более полного представления о ПИП приводятся сведения о разработчиках проекта и первоначальных целях его использования, также присутствует краткий обзор вариантов использования этой технологии в различных образовательных целях. Авторы выделяют этапы проведения ПИП на уроках иностранного языка, акцентируя внимание на целевой доминанте по формированию ценностно-смысовых установок обучающихся. Особое внимание уделяется вопросу отбора аспектов действительности для формулирования проблемных вопросов ПИП. В статье приводятся ключевые принципы, лежащие в основе отбора материала. Авторы предприняли попытку расширения сферы применения в иноязычном образовании такого средства, как ПИП и обосновали возможность его использования для реализации воспитательных целей, а именно формирования ценностно-смысовых установок обучающихся, что придает исследованию определенную научную новизну.

Ключевые слова: ценностно-смысовые установки; иноязычное образование; воспитание; практико-исследовательский проект; самопроектирование жизненной позиции

Для цитирования: Степашкина О.И., Трунова Е.Г. Практико-исследовательский проект в иноязычном образовании как средство формирования ценностно-смысовых установок обучающихся. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 320–329.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.320-329>

PRACTICAL RESEARCH PROJECT IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AS A MEANS OF FORMING VALUE-SEMANTIC ATTITUDES OF STUDENTS

O.I. Stepashkina¹, E.G. Trunova²

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia

¹stepaschchina.oxana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

²lena05-79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3738-6739>

Abstract. The article contributes to the development of the theory and practice of moral education, expanding scientific ideas about the technological level of foreign language education as a basis for the implementation of its moral education component. The article substantiates the urgent need for the shaping of socially and personally significant axiological attitudes of young people, which, in the realm of science, is transformed into a relevant problem of finding ways to achieve this goal in the educational process. The authors of the article analyze the practical research project (PRP) and consider it as a means to shape students' axiological attitudes within the framework of studying the academic subject "Foreign language". To create a more complete picture of the PRP, the article provides information about the founders of the project and its original application areas, as well as a brief overview of the attempts to use this technology for various educational purposes. The authors identify the stages of PRP in a foreign language class, ensuring that shaping of students' axiological attitudes is the major target. Special attention is paid to the issue of selecting aspects of reality for the formulation of PRP problematic issues. The article presents key principles underlying the selection of this material. The authors made an attempt to expand the area of application of such an educational tool as PRP in foreign language education and substantiate the possibility of its use for the realization of educational goals, namely, the formation of students' axiological attitudes, which, gives the research a certain scientific novelty.

Key words: axiological attitudes; foreign language education; moral education; practical research project; self-projection of a life attitude

For citation: Stepashkina O.I., Trunova E.G. Practical Research Project in Foreign Language Education as a Means of Forming Value-semantic Attitudes of Students. *Kazan Linguistic Journal.* 2025;8(3): 320–329. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.320-329>

В настоящее время проблема формирования ценностно-смысловой сферы личности приобретает все большую актуальность по причине глобального антропологического кризиса, наступление которого многократно вербализовано на различных уровнях социального взаимодействия. Суть данного кризиса заключается в том, что «достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты ... духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» [1].

Для нашей страны, испытывающей в период больших геополитических изменений массированное психологическое давление со стороны недружественных стран, эта проблема приобретает еще более острый характер. Мы все в настоящее время наблюдаем, как предпринимаются активные попытки извне навязать нашим гражданам чужеродные индивидуалистические ценности и деструктивные установки. Молодые люди наиболее подвержены влияниям такого рода, ибо для современной российской молодежи характерны «ценостно-смысловая неопределенность, беспозиционность, низкий уровень духовно-нравственного развития» [2]. Важно отметить, что именно в этот возрастной период люди готовятся к самостоятельному управлению собственной жизнью и выбору индивидуальных жизненных сценариев. Отсутствие конструктивных ценностно-смысловых установок выступает серьезным препятствием на этом пути, приводя к дефектам ценностно-смысловой сферы личности и повышенному риску девиантного поведения [3].

Ценностно-смысловые установки, под которыми понимают «устойчивые субъективные отношения человека к разным сторонам реального бытия» [2], напротив, придают субъекту осмысленность и «стабильность в условиях меняющейся социальной среды» [4]. Они предопределяют поведение личности [5], выступая основой для выбора целей, способов и условий их достижения и являясь критерием оценки достигнутых результатов.

Хорошо известно, что ценностно-смысловая сфера личности формируется под влиянием многих факторов, ключевым из которых выступает воспитание. Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» гарантируется обеспечение воспитания, при этом упоминаются две формы его осуществления: в рамках обучения и в форме внеучебной деятельности. Возможность и одновременно необходимость осуществления воспитания в процессе обучения описана и обоснована в работах многих отечественных ученых (А.А. Вербицкий, К.Д. Ушинский и др.), включая труды Липецкой коммуникативной методической школы (Е.И. Пассов). Вслед за представителями данной школы, отме-

тим огромный воспитательный потенциал иноязычного образования, в котором задаваемый конечный уровень образования постулируется как переход в самообразование нравственной и духовной личности, занятой созидательной деятельностью, ответственной за личное развитие и обладающей навыками самодисциплины [6].

Воспитательные возможности иноязычного образования охватывают как содержательную, так и процессуальную сторону обучения иностранному языку. Содержание образования, личность педагога, а также формы, методы и средства обучения и воспитания, использованные им, позволяют оказывать целенаправленное воспитательное воздействие на обучающихся. Данная статья расширяет представления о технологическом уровне иноязычного образования как основы для реализации его воспитательной компоненты, а именно, статья раскрывает потенциал практико-исследовательского проекта (ПИП) как формы обучения, позволяющей эффективно формировать ценностно–смысловые установки обучающихся в рамках изучения учебного предмета «Иностранный язык».

О важности выбора форм обучения в контексте решения воспитательных задач писал академик А.А. Вербицкий: «Воспитание не сводится к усвоению содержания преподаваемых дисциплин... Социальный опыт, гражданский облик, убеждения и взгляды обучающихся определяются тем, в какие формы «отливается» его активность и что он делает с содержанием обучения» [7, с. 65–66].

Возвращаясь к ПИП, поясним, что он представляет собой особым образом организованную аналитическую исследовательскую деятельность, проводящуюся с целью решения определенных задач. В отличие от других исследовательских проектов, ПИП не направлен на исследование объектов внешнего мира, а сосредоточен на изучении самого исследователя, то есть на самопознании и самосовершенствовании. Целью ПИП является анализ собственной деятельности, поведения, образа жизни, внутренних состояний, отношений и иных индивидуальных проявлений, исходящих от самого исследователя, с последующим поиском путей улучшения данного аспекта.

В основе идеи таких проектов лежит диагностическое исследование текущей деятельности (англ. *action research*, нем. *Aktionsforschung*). Изначально концепция ПИП (нем. *Praxiserkundungsprojekt*) была разработана методистами ФРГ для международной программы «Deutsch Lehren Lernen» (DLL) как способ повышения качества методической подготовки учителей немецкого языка [8]. Проблематика ПИП достаточно активно изучается в последнее время. Внимание авторов сосредоточено на применении этой технологии для повышения уровня профессионализации действующих и будущих учителей иностранного языка и для решения образовательных задач и апробации новых форм и методов работы в средней и высшей школе [9, 10, 11]. Мы предлагаем расширить область применения ПИП и транспонировать его на сферу воспитания.

Ценность ПИП в контексте решения воспитательных задач заключается, в первую очередь, в его обращенности на личность и деятельность самого исследователя, проявляющейся в критическом осмыслении своих взглядов, поступков, состояний и т.п., другими словами, в рефлексии.

Именно рефлексия выступает тем внутренним имманентно присущим человеку как виду механизмом саморегуляции, позволяющим осознанно и целенаправленно менять свои внутренние установки, действия, поступки, мотивы, сопоставляя их с общественно значимыми ценностями, а также с действиями и поступками других людей [12, с. 17]. Выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн устанавливает тесную взаимосвязь рефлексии и развития ценностно-смысовых структур человека, прямо указывая на то, что рефлексия является непременным условием морального сознания и самооценочной деятельности, поскольку в процессе рефлексии происходит сравнение и противопоставление «Я-реального» и «Я-идеального» [13, с. 171]. Неслучайно в последнее время отмечается активизация исследовательского поиска в области решения проблемы формирования готовности молодежи к развитию своего рефлексивного потенциала [14].

Традиционно в процессе рефлексии выделяют три основных этапа: хронологически соотносимых с настоящим, прошедшим и будущим. На первом этапе происходит анализ текущей ситуации – субъект самопознания идентифицирует и фиксирует «проблемные точки» в своей деятельности, состоянии и т.п., нуждающиеся в улучшении. На втором этапе производится ретроспективный анализ ситуации, выявляются ее причины и роль субъекта в сложившемся положении вещей. На данном и последующем этапе важно осознание и принятие человеком своей субъектности – способности выступать актором и нести ответственность за происходящее с ним. Третий этап обращен в будущее, он предполагает поиск решений, новых способов действия, которые могут изменить текущую ситуацию, улучшить имеющееся положение вещей.

Разработчики концепции ПИП предложили 10 шагов для его проведения [15], другие исследователи, развивающие данную технологию, предлагают свои варианты развертывания ее этапов. Мы же в соответствии с вышеописанной логикой процесса рефлексии, а также стоящей перед нами конкретной практической задачей по формированию ценностно-смысовых установок обучающихся на уроке иностранного языка предлагаем разбить ПИП на следующие этапы.

1) *Экспозиция проблемы.* На данном этапе педагог предъявляет обучающимся тот или иной аспект жизни, представляющий определенную проблему для современного общества. Предполагается, что решение данной проблемы в практической плоскости невозможно без смены ценностно-смысовых установок индивидов (например, проблема аддикций, использование насилия в конфликтных ситуациях и т.п.) Педагог самостоятельно определяет ту проблемную область, которая, на его взгляд, наиболее актуальна для его воспитанников. Экспозиция проблемы может быть осуществлена разными способами: показом карикатуры, знакомством с релевантной статистикой или новостными сообщениями, представлением реального кейса. Главное на данном этапе – показать масштабность проблемы и тот негативный эффект, которой она оказывает на жизнь как отдельно взятого человека, так и социума в целом.

2) Собственно самоанализ. Предполагается, что на данном этапе обучающиеся транспонируют данную проблему на себя, анализируют, в какой мере она присутствует в их жизни, оценивают свою роль в возникновении данной проблемы. Они также осознают необходимость изменения их отношения к этому аспекту жизни, принятия соответствующих мер, а также оценивают негативный эффект от этой проблемы и предполагают, как бы улучшилась их жизнь, если бы проблема была решена. Педагогу необходимо снабдить участников ПИП необходимым для этого вида деятельности инструментарием. Анкеты, опросники, трекеры, управляемая беседа и иные доступные для использования в процессе обучения методы самодиагностики могут быть использованы с целью получения знания о самих себе.

3) Поиск решения. На данном этапе происходит выработка мер по улучшению ситуации. Участники ПИП предлагают идеи, коллективно обсуждают их. В случае затруднений педагог может предложить материалы, содержащие готовые идеи или же предложить свои варианты решения ситуации, но в любом случае обучающиеся должны критически отнестись к ним, подбрав для себя наиболее подходящий и реалистичный в плане исполнения вариант. Важно, чтобы у обучающихся складывалось ощущение, что выбранное ими решение – результат их собственного интеллектуального поиска, осознанный выбор, сделанный лично ими из вариантов возможного.

4) Апробация решения. Участникам ПИП дается две недели, чтобы воплотить принятые ими решения в жизнь и проследить последующие за ними изменения в жизни. Это этап самостоятельности – время для проявления самодисциплины, силы воли, целеустремленности и самонаблюдения. При этом педагог информирует обучающихся, что по истечении отведенного времени им предстоит сообщить о результатах «эксперимента» и поделиться практическим и эмоциональным опытом, который они получили, участвуя в нем. Также предполагается, что результаты «эксперимента» должны быть вербализованы и материализованы в виде списка лайфхаков, коллажа, презентации, таблицы с ре-

зультатами самонаблюдения и т.п. Это поможет участникам ПИП осмыслить пережитый опыт, вычленить в нем ценное для других людей, имеющих схожую проблему, зафиксировать в своем сознании ключевые смыслообразующие элементы этого опыта.

5) *Подведение итогов проекта.* Данный этап предполагает публичное обсуждение результатов проекта в виде обмена полученным практическим и эмоциональным опытом, анализа препятствий и сложностей на пути имплементации принятых решений и т.п.

Полагаем, что для эффективного использования ПИП в иноязычном образовании с целью формирования ценностно-смысовых установок обучающихся важно тщательно и обдуманно производить отбор аспектов действительности для формулирования проблемных вопросов проектов. Основой для этого отбора могут послужить следующие ключевые принципы:

1) учет аксиологических ориентиров современного образования с приоритетом духовно-нравственных ценностей России;

2) соразмерность представленности экологического, эстетического, нравственного, правового, социально-гуманитарного, гражданского, патриотического, межкультурного и самопроектирующего аспектов;

3) личностная значимость аспекта, обеспечивающая возможность формирования ценностного отношения посредством включения обучающихся в «проживание» обсуждаемых проблем.

Благодаря использованию в иноязычном образовании такой формы работы как ПИП становится возможным создать среду, способствующую формированию социально и личностно значимых ценностно-смысовых установок молодых людей, научить их навыкам самоанализа и самокоррекции, организовать опыт самопроектирования своей жизненной позиции, тем самым обеспечить усвоение аксиологического содержания современного образования.

Список литературы

1. Меретукова З.К., Чиназирова А.Р., Шехмирзова А.М. Усиление воспитывающей функции обучения как проблема педагогической науки и образования. *Вестник Адыгейского госу-*

дарственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2018;2(218):58–69.

2. Перелыгина И.В. *Психологические условия становления ценностно-смысовых установок студентов в процессе самопроектирования жизненной позиции*: автореф. дис. 2008.

3. Хайрова С.И. Ценностно-смысовые установки подростков как предикторы социального поведения. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 10 (76). 2024; (1): 153–165.

4. Абакумова И.В., Рядинская Е.Н. Ценностно-смысовые установки как фактор социальной интеграции личности в условиях вооруженного конфликта. Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017; (1): 52–58.

5. Леонтьев Д.А. Личностная зрелость как опосредование личностного роста. Культурно-историческая психология развития. М., Смысл; 2001: 154–161.

6. Пассов Е.И. *Методология методики: теория и опыт применения (избранное)*. Липецк: ЛГПУ; 2002.

7. Вербицкий А.А., Ларionova O.G. *Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции*. М.: Логос; 2009.

8. Немецкий – первый второй иностранный (Проект Гете-Института г. Москва). URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez.html> [дата обращения: 09.06.2024].

9. Лоза А.В. Практико-ориентированный исследовательский проект как способ повышения качества образования и механизм апробации новых технологий в обучении иностранному языку в высшей школе <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42828530>. Симферополь: *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV междунар. научно-практ. конференции*. 2020: 183–188.

10. Смоля М.С. Практико-исследовательский проект как инструмент самоанализа, рефлексии и оптимизации профессиональной деятельности будущих учителей немецкого языка <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43412825>. *Мир науки, культуры, образования*. 2020; 3 (82): 291–293.

11. Чеснокова Е.В., Орехова А.И. Использование практико-исследовательских проектов при организации самостоятельной работы на уровне основного общего образования (на материале английского языка). *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2024; (2).

12. Чупина В.А., Федоренко О.А. *Теория и практика профессиональной педагогической рефлексии*: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та; 2023.

13. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии: в 2-х томах*. Т. 2. М.: Педагогика; 1989.

14. Кондратьева И.Г. Развитие рефлексивного и межкультурного потенциала студентов. Казанский лингвистический журнал. 2018; 2 (1): 123–130.

15. 10 Schritte zum Praxiserkundungsprojekt (PEP). Goethe-Institut; 2012. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf22/dll_10SchrittezumPEP.pdf [дата обращения: 09.06.2024].

References

1. Meretukova Z.K., Chinazirova A.R., Shekhmirzova A.M. Strengthening the educational function of training as a problem of pedagogical science and education. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 3: Pedagogy and Psychology*. 2018; 2 (218): 58–69. (In Russ.)

2. Perelygina I.V. *Psychological conditions for the formation of value-semantic attitudes of students in the process of self-designing a life position*: author's abstract. diss. 2008. (In Russ.)

3. Khairova S.I. Value-semantic attitudes of adolescents as predictors of social behavior. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 10 (76). 2024; (1): 153–165. (In Russ.)

4. Abakumova I.V., Ryadinskaya E. N. Value-semantic attitudes as a factor in the social integration of an individual in an armed conflict. *Bulletin of Udmurt University. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*. 2017; (1): 52–58. (In Russ.)

5. Leontiev D.A. Personal maturity as a mediation of personal growth. *Cultural-historical developmental psychology*. Moscow: Smysl; 2001: 154–161. (In Russ.)

6. Passov E.I. *Methodology of the technique: theory and experience of application (selected)*. Lipetsk: LGPU; 2002. (In Russ.)

7. Verbitsky A.A., Larionova O.G. *Personal and competence-based approaches to education: integration issues*. Moscow: Logos; 2009. (In Russ.)

8. German – the first second foreign language (Project of the Goethe-Institute, Moscow). Available from: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/deu.html> [accessed: 09.06.2024]. (In Russ.)

9. Loza A.V. Practice-oriented research project as a way to improve the quality of education and a mechanism for testing new technologies in teaching a foreign language in higher education. Simferopol: *Translation discourse: an interdisciplinary approach. Proceedings of the IV int. scientific-practical conference.* 2020: 183–188. (In Russ.)
10. Smolya M.S. Practical research project as a tool for self-analysis, reflection and optimization of professional activities of future German language teachers. *The world of science, culture, education.* 2020; 3 (82): 291–293. (In Russ.)
11. Chesnokova E.V., Orekhova A.I. Using practical research projects in organizing independent work at the level of basic general education (based on the English language). *Actual problems of Germanic, Romance and Russian studies.* 2024; (2). (In Russ.)
12. Chupina V.A., Fedorenko O.A. *Theory and practice of professional pedagogical reflection:* monograph. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta; 2023. (In Russ.)
13. Rubinstein S.L. *Fundamentals of general psychology: in 2 volumes.* Vol. 2. Moscow: Pedagogika; 1989. (In Russ.)
14. Kondrateva I.G. Development of reflexive and cross-cultural potential of students. *Kazan linguistic journal.* 2018, Vol. 1, № 2 (1). 123–130. (In Russ.)
15. 10 steps to the practical exploration project (PEP). Goethe-Institut; 2012. Available from: https://www.goethe.de/resources/files/pdf22/dll_10SchrittezumPEP.pdf [accessed: 09.06.2024]. (In Germ.)

Авторы публикации

Степашкина Оксана Ивановна –
кандидат педагогических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
Email: stepaschchina.oxana@.yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

Трунова Елена Геннадьевна –
кандидат педагогических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет имени
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
Email: lena05-79@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3738-6739>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.03.2025
Одобрена после рецензирования: 10.07.2025
Принята к публикации: 25.08.2025
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Stepashkina Oksana Ivanovna –
Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russian Federation
Email: stepaschchina.oxana@.yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

Trunova Elena Gennadievna –
Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russian Federation
Email: lena05-79@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3738-6739>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 15.03.2025
Approved after peer reviewing: 10.07.2025
Accepted for publication: 25.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И
ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)
PEDAGOGY. THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND
EDUCATION (BY AREAS AND LEVELS OF EDUCATION)**

Научная статья
УДК 378.147.34

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.330-335>

**MODE D'ENSEIGNER LE VERLAN AUX ETUDIANTS SPECIALISÉS
EN LINGUISTIQUE**

S.T. Tursun-zadé

L'Université Social de la Russie, Moscou, Russie

sabina.tursun-zade@yandex.ru, http://orcid.org/0009-0007-0031-3575

Résumé. Le phénomène du verlan est connu et employé depuis longtemps dans la langue française. Néanmoins, le verlan reste énigmatique. Ainsi, l'objectif de cet article est d'élaborer et d'appliquer un mode d'enseignement et d'apprentissage du verlan aux étudiants de français de la 3e année spécialisés en linguistique. Ce mode vise à atteindre les résultats disciplinaires et métadisciplinaires, ainsi qu'à donner le désir d'étudier et de développer la créativité, comme demandé par FGOS VO (3++). L'objet de cette étude est le processus de formation du savoir-faire relatif à la verlanisation et à l'emploi des mots verlanisés à l'oral. Cet article définit les problématiques suivantes : 1) exposer et analyser des modes existants d'enseignement d'argot ; 2) présenter un mode d'enseignement du verlan ; 3) appliquer ce mode dans l'apprentissage des étudiants ; 4) analyser l'efficacité de ce mode. Le mode proposé comprend quatre étapes du développement du savoir-faire linguistique : la formation, le décodage et de l'emploi des termes verlanisés à l'oral ; la compréhension orale du matériel authentique ; la production orale ; le travail autonome et en groupe, ainsi que l'utilisation des technologies. Cette méthode a été testée sur un groupe de dix étudiants. À l'issue de l'expérience, les étudiants ont acquis des savoir-faire linguistiques, ainsi que développé leur créativité en créant des vidéos avec les termes verlanisés dans différents contextes.

Mots-clés: mode d'enseignements; linguistique ; français ; argot ; verlan

Pour citation: Tursun-zadé S.T. Mode D'enseigner Le Verlan Aux Etudiants Specialisés En Linguistique. *Kazan Linguistic Journal.* 2025;8(3): 330–335. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.330-335>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.330-335>

**TECHNIQUE OF TEACHING VERLAN TO STUDENTS MAJORING
IN LINGUISTICS**

S.T. Tursun-zadé

Russian State Social University, Moscow, Russia

sabina.tursun-zade@yandex.ru, http://orcid.org/0009-0007-0031-3575

Abstract. The phenomenon of verlan has been known and used in the French language for a long time. Nevertheless, verlan remains enigmatic. Thus, the objective of this article is to develop and implement a teaching technique for introducing verlan to third-year university students majoring in Linguistics. This method aims to achieve both disciplinary and interdisciplinary outcomes, as well as to foster the desire to study and creativity, as required by FGOS VO (3++). The object of this study is the process of developing the skills related to the creation and use of verlan terms in a spoken language. This article addresses the following tasks: 1) to describe and analyze existing

techniques for teaching slang; 2) to present a technique of teaching verlan; 3) to apply this technique in student learning; 4) to analyze the effectiveness of this technique. The proposed approach consists of four stages for developing linguistic skills: the formation, decoding and use of verlan terms in oral communication; listening comprehension of authentic materials; speaking; individual and team work; the use of technology. The method was tested on a group consisting of ten students. By the end of the experiment, all the students had acquired linguistic skills and developed creativity by producing videos featuring verlan terms in different contexts.

Keywords: teaching technique; Linguistics; French; slang; verlan

For citation: Tursun-zade S.T. Technique of Teaching Verlan to Students Majoring in Linguistics. *Kazan Linguistic Journal.* 2025;8(3): 330–335. (In French.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.330-335>

Le verlan est un phénomène linguistique qui consiste à prononcer et/ou à écrire un mot à l'envers, mais il se présente de manière plus compliquée qu'une simple anagramme. Auparavant, le verlan était utilisé soit par les délinquants et criminels, soit par les jeunes ; il existe depuis au moins le XIXe siècle (par exemple, l'une des premières preuves d'utilisation du verlan date de 1884 : un bagne de Toulon était connu sous le nom « *lontou* ») [1, p. 21]. Bien que son existence soit longue, le verlan reste peu étudié. Sa nature énigmatique s'explique par les caractéristiques suivantes : 1) il est apparu comme un code afin que les non-initiés ne puissent pas comprendre ce qui est dit [2, p.2] ; 2) les verlanisateurs créent les mots en déplaçant les syllabes des mots argotiques, ce qui est parfois suivi parfois par la troncation ou même par la reverlanisation [3, p. 45] ; 3) le verlan est considéré par les jeunes comme un instrument de distinction [4, p. 5]. On trouve de nombreux exemples de verlan dans la musique (*ien-ch*, *ieds-p* ; *tit-pe*), dans le cinéma (*kaïra*), dans la littérature (*chelou* [p.398], *vénère* [p.300]). De ce fait, nous considérons qu'il est fondamental que le verlan soit enseigné aux étudiants qui se spécialisent en linguistique, d'abord, puisque son apprentissage leur offre une immersion dans l'univers authentique des jeunes francophones, ainsi que la possibilité d'apprendre à rechercher, classer et analyser l'information eux-mêmes comme demandé par FGOS VO (3++), ensuite, son apprentissage leur permet d'acquérir une connaissance approfondie de la langue française, et enfin, le renforcement de leur maîtrise linguistique ainsi qu'un avantage sur les francophones qui ne connaissent que la norme standard de la langue.

Ainsi, le but de cet article est d'élaborer et d'appliquer un mode d'enseignement et d'apprentissage du verlan aux étudiants ayant le français comme deuxième langue étrangère de la 3e année pour développer leur savoir-faire relatif à la 3e compétence universelle et à la 3e compétence professionnelle générale de FGOS VO (3++). L'objet de l'étude est le processus de formation des savoir-faire concernant les procédés de création et l'usage mots en verlan dans la langue orale.

Pour atteindre le but annoncé ci-dessus, nous avons mené une expérience pédagogique durant huit semaines et comprenant deux groupes d'étudiants de français comme deuxième langue étrangère de la 3e année. L'un des groupes appliquait cette méthode pendant ces huit semaines, tandis que l'autre groupe apprenait les termes verlanisés en suivant les voies traditionnelles comme l'écriture de dictées, la consultation de dictionnaires, le jeu et le dialogue.

La recherche des travaux existants sur le verlan et l'argot a montré que malgré l'intérêt vif porté à l'utilisation du verlan depuis le XIXe siècle, le phénomène reste peu exploré, surtout quand il s'agit de son enseignement. La pénurie de ce type d'études est expliquée par le statut du verlan comme celui du langage de la rue et par les efforts des institutions d'enseignement qui visent à privilégier la norme linguistique et une attitude sacrée envers le français standard [5, p. 2]. Ainsi, nous avons remarqué qu'il y a des travaux dont l'objet d'étude l'histoire du verlan [1, p. 2–124] ; l'usage et les fonctions des termes verlanisés et leur pénétration dans la langue standard [2, p. 6–20], [4, p. 119–124], [6] ; la formation des termes vernalisés [3, p. 47–72] ; le potentiel culturel du verlan et son futur à l'ère numérique [7, p. 5–7] ; l'internationalisation du verlan [8, p. 151–167].

En ce qui concerne l'enseignement du verlan ou de l'argot en général, les travaux ne sont pas nombreux. Toutefois, nous avons réussi à trouver des articles utiles à examiner. La méthode la plus récente, celle de Daiva Mickūnaitytė, consiste en la comparaison des registres de la langue [9]. Selon Ragimhanova L.K., Alibulatova N.E., Gasanova Ch.S., le mode le plus approprié d'enseigner l'argot est celui de faire des projets car cette démarche développe des fonctions importantes :

une fonction enseignante et une fonction évaluative [10, p. 334–335]. En outre, les méthodes suggérées sont : faire des exercices d’association, employer les jeux de mots, les chansons, les films, raconter des histoires en utilisant les mots argotiques et les cartes mentales [11, p. 99], créer des journaux et des dictionnaires d’argot [12, p. 9].

A la suite des résultats que nous avons obtenus en recherchant ce sujet, il est évident que l’enseignement du verlan et de l’argot est peu étudié, d’où vient la pertinence de notre article.

Nous émettons l’hypothèse que l’utilisation des vidéos authentiques des jeunes francophones pour l’enseignement du verlan améliorerait la capacité des apprenants à utiliser ce langage à l’oral et les résultats au test proposé. Nous avons jeté notre dévolu sur un groupe de dix étudiants de la 3e année se spécialisant en linguistique, car le niveau de français leur permet de comprendre les discours authentiques et de faire des recherches de manière autonome. En même temps, nous avons défini un groupe de contrôle, c’est-à-dire un groupe parallèle de la 3e année avec le français comme deuxième langue étrangère composé de treize étudiants. Nous avons commencé d’abord par leur demander s’ils avaient déjà entendu parler du verlan. La réponse négative de presque tout le groupe nous a permis, premièrement, de confirmer que le phénomène du verlan est négligé en salle d’étude et, deuxièmement, d’établir les actions suivantes. La première étape de l’expérience consistait à tester les connaissances initiales des étudiants en proposant un test. Les exercices du test sont les suivants : 1) donnez la définition du verlan. Fournissez quelques exemples (1 point) ; 2) traduisez les mots suivants du verlan en français standard (10 points) : *meuf, reum, chelou, cimer, pécho, chécla, péta, reup, teupo, zeub* ; 3) écrivez en verlan les mots suivants (10 points) : *fou, frère, mère, bizarre, musique, garer, flic, français, bête, énervé* ; 4) associez chaque mot en verlan à sa signification (10 points) : 1) *teuf*, 2) *renoi*, 3) *chanmé*, 4) *tromé*, 5) *rainté* ; a) *fête*, b) *méchant*, c) *noir*, d) *terrain*, e) *métro* ; 5) trouvez l’intrus (3 points) : a) *ouf, golri, folle, zarbi* ; b) *frère, reuf, reup, reum* ; c) *femme, meuf, chelou, wam* ; 6) réécrivez les phrases suivantes en remplaçant les mots en gras par leur équivalent en verlan (10 points) :

- a. *Merci pour la fête, c'était super !*
- b. *Chope le taxi et vas-y vite !*
- c. *Chope le flic avant qu'il ne parte!*
- d. *Vas-y, mate ce problème, c'est bizarre !*
- e. *Laisse tomber, ce mec est trop énervé.*
- f. *Fête chez moi ce soir, ça va être super !*
- g. *Mets de la musique, je veux rigoler !*
- h. *Mon père est un peu louche, il a un truc à me dire.*
- i. *T'as vu mes pieds ? Ils sont cassés à cause de ces chaussures.*
- j. *Je te kiffe, tu es vraiment branché !*

Cette étape a duré un cours.

La deuxième étape comprenait du travail collectif entre les étudiants et le professeur, ainsi que du travail individuel de chaque étudiant. D'emblée, le professeur a expliqué aux étudiants ce qu'est le verlan et a présenté les techniques les plus répandues pour verlaniser les mots en se basant sur l'étude de Vivienne Méla, c'est-à-dire le déplacement des syllabes, la troncation, la reverlanisation [3, p 50-55]. Exemples d'exercices utilisés par le groupe expérimental : exercice 1. Découper et recomposer. Objectif : maîtriser la formation du verlan en découpant et inversant les syllabes des mots. Exemple : *femme – fem+me = meuf*. Quelques mots utilisés dans des exercices similaires : *frère, fou, louche, mère, lourd, choper, bizarre, fête, métro, cité, etc.* Exercice 2. La troncation en argot. Objectif : comprendre comment les mots sont tronqués dans le langage familier et l'argot. Exemple : *mère – reumeu = reum*. Quelques mots utilisés dans des exercices analogues : *reupeu, reufreu, reuseu, keufli, keusa, keumeu, leugeu, ksita, etc.* Exercice 3. La reverlanisation. Objectif : décoder la reverlanisation, où des mots déjà en verlan sont encore une fois inversés pour créer un nouvel argot. Exemple : *femme – meuf – feumeu*. Quelques mots utilisés dans des exercices similaires : *reuf, reum, teupo, relou, zarbi, keuf, etc.*

Enfin, les étudiants ont créé leurs propres phrases avec les mots verlanisés et les ont présentées au professeur et à leurs collègues pour la vérification et l'évaluation. Pendant ce temps, le groupe de contrôle se servait des listes de mots. Au

bout de cette étape, les deux groupes ont passé le test : 1) identifiez le mode de verlanisation de chaque mot (10 points) : *ouf, beucheu, reup, auche, feuukeu, reus, wat, al, chétron, neuché* ; 2) écrivez en verlan les mots suivants (10 points) : *gueule, fréro, pieds, toucher, musique, potte, métro, bête, branché, coller* ; 3) faites les changements nécessaires pour obtenir les mots verlanisés (10 points) : *meufa, reunoi, keumeu, reumeu, keusa, youfa, feuji, beureu, reufreu, keufli* ; 4) faites les changements nécessaires pour obtenir les mots verlanisés (10 points) : *keuf, beur, meuf, relou, zarma, reum, tibo, reuf, meus, nogé* ; 5) écrivez le termes verlanisé des mots (3 points) : 1. "Arrête d'avoir _____ (peur), tu sens trop mauvais !" 2. "Il a _____ (fui) dès qu'il a vu les flics." 3. "Elle kiffe trop le _____ (métro) pour aller en soirée." Cette étape nous a pris deux semaines.

La troisième étape avait pour but le développement de la compréhension orale portant sur des documents contenant des mots verlanisés et produits par des jeunes Français. Comme matériel, nous avons choisi des vidéos de jeunes youtubeurs français¹, contenant toutes du verlan. Les mots qui ont été relevés des vidéos proposées : *ouf, céfran, chanmé, chelou, tromé, keuf, cimer, wam, teuf, reuf, reus, reup, reum, téma le keum, téma la meuf, teubé, fait iech, mifa, golri, ctru, rainté, ranoi, iedps, meuf, vénère*. Voici l'exemples des exercices faits pendant cette étape sur la vidéo 4 : 1) verlan ou pas verlan ? : « téma » — verlan de « matte » = « regarde », « grave » — argot, mais pas verlan, « chelou » — verlan de « louche », etc. ; 2) le jeu « double verlan ». Retrouvez les mots d'origine des termes reverlanisés : « iedps » — verlan de « dspié » — verlan de « pieds », « rainté » — verlan de « rainte » — verlan de « terrain », etc. ; 3) du verlan en français et à l'envers. Deux équipes traduisent les phrases de la vidéo : « *Téma un peu le ctru* » — « *Regarde un peu le truc* ». « *Sa femme arrive énervée pour de vrai* » — « *Sa meuf arrive vénère de grave* » ; 5) karaoké Verlan. Écoutez la piste audio tirée de la vidéo et complétez les trous : « *Attends, Anthony, _____ je vais te raconter un truc de_____* », etc. Le travail final de cette étape était de présenter une vidéo d'une

minute contenant au moins trois mots verlanisés. En même temps, le groupe de contrôle travailler sur les termes verlanisés en se servant de mots croisés, en écrivant des dictées et en faisant des dialogues. Cette étape a duré cinq semaines.

La quatrième étape présentait le contrôle des connaissances acquises. Les deux groupes ont repassé le test proposé au début pour vérifier leurs progrès.

En ce qui concerne les résultats, il faut d'abord constater que seulement 2 personnes sur 10 dans le groupe expérimental ont entendu parler du verlan et savaient ce que c'était. Les résultats du test étaient presque identiques dans les deux groupes : un taux de réussite de 13 % en moyenne.

À la deuxième étape, les étudiants ont acquis avec succès les modes de création des mots verlanisés et ont su se servir des termes verlanisés dans des phrases. À la fin, les apprenants du groupe expérimental (1) ont montré un taux de réussite supérieur après avoir été testés sur les termes avec lesquels ils avaient travaillé toute la deuxième étape. En ce qui concerne le groupe de contrôle (2), la troncation et la reverlanisation leur ont été difficiles. Les résultats de cette étape sont présentés dans le tableau 1.

Tableau 1 – les découvertes de la deuxième étape

Exercice	Niveau de difficulté/Taux de réussite					
	déplacement des syllabes - facile		troncation – difficulté moyenne		reverlanisation- difficile	
	1	2	1	2	1	2
identifier le mode de formation des termes	100%	90%	100%	70%	100%	40%
décrypter les mots verlanisés	1		2		55%	
se servir de mots verlanisés dans les phrases	1		2		84%	

L'étape suivante s'est montrée la plus longue et la plus compliquée que les précédentes. Pendant cette étape, les étudiants ont rencontré beaucoup de

difficultés telles que la vitesse d'élocution et les procédés phonologiques. Les résultats du groupe expérimental sont présentés dans le tableau 2.

Tableau 2 – les découvertes de la troisième étape

Exercice	Compétences à développer	Difficultés rencontrées	Taux de réussite
1 ^{er} et 2 ^e visionnages – compréhension générale de la vidéo	compréhension orale du sens général	la vitesse, la déviation de la langue de la norme, des mots inconnus	100%
3 ^e et 4 ^e visionnages – saisir et écrire les phrases avec du verlan	compréhension orale de l'information spécifique	saisir les termes, comprendre leur définition et les écrire correctement	70%
production orale	production orale en employant les termes saisis dans la vidéo	context approprié pour l'utilisation des termes	100 %

Les résultats du test repassé à la quatrième étape montrent que le groupe qui suivait notre mode comprenait mieux comment le verlan fonctionnait, connaissait beaucoup plus de termes verlanisés, se sentait plus assuré et, surtout, éprouvait un grand intérêt envers l'apprentissage de la langue (la capacité à utiliser les termes verlanisés étudiés est mesurée à 100% dans le groupe expérimental et à 73% dans le groupe de contrôle).

En parlant de la corrélation de notre étude avec les autres, il est notable que notre point de vue coïncide avec celui présenté dans la majorité des articles qui traitent la question de la nécessité d'introduction du verlan et de l'argot dans le domaine de l'éducation cités ci-dessus. D'où le grand potentiel d'application pratique de cet article, c'est-à-dire que le mode peut être utilisé pour enseigner l'argot dans différentes langues, ainsi que le vocabulaire standard. Toutefois, ce mode est susceptible d'être adapté afin que le professeur le rende plus approprié pour atteindre ces objectifs.

Список литературы

1. Guiraud P. *L'argot*. Paris: Presses Universitaires de France; 1985.
2. Bagheri T.K. *Etude sur la formation du verlan dans la langue française*. URL : https://jor.ut.ac.ir/article_19594_22d14d9068b16fa4c6a2ae75551fbaa0.pdf?lang=en [дата обращения: 05.08.2024].
3. Méla V. *Parler Verlan : Règles et Usage*. URL: https://www.persee.fr/doc/lsoc_0181-4095_1988_num_45_1_2405 [mode d'accès: 06.08.2024].
4. Goudailler J-P. *Français Contemporain des Cités : Langue en Miroir, Langue du Refus*. URL: <https://www.cairn.info/revue-adolescence-2007-1-page-119.htm> [дата обращения: 06.08.2024].
5. Noyer J. *Le Verlan: a rooted sociolect symbolizing identities*. URL : <https://hal.science/hal-04077212/document> [дата обращения: 09.07.2025].
6. Агеева А.В., Сабирова Д.Р. Лексико-семантическая стратификация сленга во франкоязычных интернет-комментариях. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4): 460–469.
7. Guketlova F.N., Abazova L.M., Gutayeva J.J., Kochesokova M.P., Berbekova F.A. *Linguistics in the era of digitalization as one of the modern means of language enrichment (productivity of the Verlan language)*. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/15/shsconf_led2024_04005.pdf [дата обращения: 09.07.2025].
8. Della Chiesa B., Scott, J., Hinton C. *Langues dans le Monde Global : Etude pour Meilleure Compréhension Culturelle*. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/fr/publications/reports/2012/12/education-today-2013_g1g24871/edu_today-2013-fr.pdf [дата обращения: 09.07.2025].
9. Mickūnaityté D. *L'argot en théorie et en pratique : sa place dans l'enseignement du FLE*. URL : <https://www.ouvroir.fr/dfles/index.php?id=1256> [дата обращения: 06.08.2024].
10. Рагимханова, Л.К., Алибулатова, Н.Э., Гасanova, Ш.С. Методика обучения студентов восприятию и пониманию в английской речи узуальных форм молодежного сленга. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020: 334–337.
11. Королева Л.Ю., Воякина Е.Ю., Мелехова Н.В. Сленг и метафоры в процессе обучения английскому языку как иностранному. *Вопросы современной науки и практики*. 2016: 94–103.
12. Elsherif E., Nuseir N. *Introducing Slang to English Language Learners*. URL: https://www.researchgate.net/publication/285871833_Introducing_Slang_to_English_Language_Learners [дата обращения: 06.08.2024].

References

1. Guiraud P. *L'argot*. Paris: Presses Universitaires de France; 1985.
2. Bagheri T.K. *Etude sur la formation du verlan dans la langue française*. Available from: https://jor.ut.ac.ir/article_19594_22d14d9068b16fa4c6a2ae75551fbaa0.pdf?lang=en [accessed: 05.08.2024].
3. Méla V. *Parler Verlan : Règles et Usage*. Available from: https://www.persee.fr/doc/lsoc_0181-4095_1988_num_45_1_2405 [accessed: 06.08.2024].
4. Goudailler J-P. *Français Contemporain des Cités : Langue en Miroir, Langue du Refus*. Available from: <https://www.cairn.info/revue-adolescence-2007-1-page-119.htm> [accessed: 06.08.2024].
5. Noyer J. *Le Verlan: a rooted sociolect symbolizing identities*. URL : <https://hal.science/hal-04077212/document> [дата обращения: 09.07.2025].
6. Ageeva A.V., Sabirova D.R. Lexico-semantic Stratification of Slang in French-language Internet Comments. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4): 460–469. (In Russ.).

7. Guketlova F.N., Abazova L.M., Gutayeva J.J., Kochesokova M.P., Berbekova F.A. Linguistics in the era of digitalization as one of the modern means of language enrichment (productivity of the Verlan language). URL : https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/15/shsconf_led2024_04005.pdf [дата обращения: 09.07.2025].
8. Della Chiesa B., Scott, J., Hinton C. Langues dans le Monde Global : Etude pour Meilleure Compréhension Culturelle. Available from: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/fr/publications/reports/2012/12/education-today-2013_g1g24871/edu_today-2013-fr.pdf [accessed: 09.07.2025].
9. Goudailler J-P. *Français Contemporain des Cités : Langue en Miroir, Langue du Refus*. Available from: <https://www.cairn.info/revue-adolescence-2007-1-page-119.htm> [accessed: 06.08.2024].
10. Ragimhanova L.K., Alibulatova N.E., Gasanova, Sh.S. Methods of Teaching Students to Perceive and Understand Common Forms of Youth Slang in English Speech. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2020: 334–337. (In Russ).
11. Korolyova L., Voyakina E., Melekhova N. Slang and Metaphors in the Process of Teaching English as a Foreign Language. *Questions of Modern Science and Practice*. 2016: 94–103. (In Russ).
12. Elsherif E., Nuseir N. *Introducing Slang to English Language Learners*. Available from: [https://www.researchgate.net/publication/285871833 Introducing Slang to English Language Learners](https://www.researchgate.net/publication/285871833) [accessed: 06.08.2024].

Автор публикации

Турсун-заде Сабина Тимуровна –
Преподаватель
Российский государственный социальный
университет
Москва, Россия
Email: sabina.tursun-zade@yandex.ru
<http://orcid.org/0009-0007-0031-3575>

Author of the publication

Tursun-zade Sabina Timurovna –
Lecturer
Russian State Social University
Moscow, Russia
Email: sabina.tursun-zade@yandex.ru
<http://orcid.org/0009-0007-0031-3575>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.03.2025
Одобрена после рецензирования: 10.07.2025
Принята к публикации: 25.08.2025
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 15.03.2025
Approved after peer reviewing: 10.07.2025
Accepted for publication: 25.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 82-821; 82-341

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.336-347>

DE «LA BELLE AU BOIS DORMANT» A «LA BELLE AU DOIGT BRUYANT»: UNE REECRITURE MODERNE DU SUJET CLASSIQUE

O.N. Patrakova¹, V.D. Altashina²

¹*L'Université d'Etat de Saint-Pétersbourg, L'Université d'Etat Technique Baltique Oustinov
“Voénmekh”, Saint-Pétersbourg, Russie*

²*L'Université d'Etat de Saint-Pétersbourg, Saint-Pétersbourg, Russie*

¹patrakova_o@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2507-7378>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Résumé. Le sujet de « la Belle endormie », populaire dans la culture moderne, ne cesse de trouver ses nouvelles versions littéraires. « Et si les contes de Grimm et de Perrault avaient eu lieu au XXIe siècle ? », – cette question posée dans l’annotation du recueil *Contes à l’envers* (2009) de Philippe Dumas et Boris Moissard suggère l’analyse des contes qui en font partie dans l’optique de la problématique contemporaine. L’apparition de nouveaux thèmes dans le cadre du genre archaïque reflète les changements qui se produisent dans la société à l’époque moderne même si les questions plus traditionnelles pour le genre du conte de fées liées à la confrontation du bien et du mal sont également présentes dans le livre, y compris dans le conte « La Belle au doigt bruyant », réécriture moderne du conte de Charles Perrault « La Belle au Bois dormant ». Comme le montre le titre du recueil, le principe du retournement, du renversement est important dans sa conception. Les schémas narratifs classiques, les personnages et leurs fonctions, ainsi que la représentation du temps et de l’espace se trouvent renversés et modernisés dans le conte en question ce qui mène à la création du jeu transfictionnel visant non seulement les jeunes lecteurs mais aussi le public adulte.

Mots clés: le sujet de «la Belle endormie»; Philippe Dumas; Boris Moissard; la réécriture; la transfictionnalité

Pour citation: Patrakova O.N., Altashina V.D. De «La Belle au bois dormant» à «La Belle au doigt bruyant»: une réécriture moderne du sujet classique. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(3): 336–347. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.336-347>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.336-347>

FROM “SLEEPING BEAUTY” TO “NOISY BEAUTY”: ABOUT ONE MODERN VERSION OF THE CLASSIC TALE

O.N. Patrakova¹, V.D. Altashina²

¹*Saint Petersburg State University, Baltic State Technical University “VOENMEH” named after D.F. Ustinov, Saint Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

¹patrakova_o@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2507-7378>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

Abstract. The popular plot of "Sleeping Beauty" continues to gain new interpretations in modern literature. The question "What if the fairy tales of the brothers Grimm and Charles Perrault happened in the 21st century?" precedes the introduction to the collection of "Inverted Fairy Tales" (2009) by Philippe Dumas and Boris Moissard and suggests an analysis of the fairy tales from the perspective of modern issues. The emergence of new themes within the archaic genre of fairy tales

reflects the changes taking place in the modern society even if the more traditional questions for the genre related to the confrontation of good and evil are also present in the book, including in the tale "Noisy Beauty", a modern rewriting of Charles Perrault's tale "Sleeping Beauty". As the title of the collection shows, the principle of reversal, of inversion is important in its conception. The classic narrative patterns, the characters and their functions, as well as the representation of time and space are reversed and modernized in the tale in question, which leads to the creation of the transfictional game aimed not only at young readers but also at the adult audience.

Keywords: the plot of "the Sleeping Beauty"; Philippe Dumas; Boris Moissard; rewriting; transfictionality

For citation: Patrakova O.N., Altashina V.D. From "Sleeping Beauty" to "Noisy Beauty": about One Modern Version of the Classic Tale. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(3): 336–347. (In French.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.336-347>

De nos jours, on voit la renaissance de l'intérêt particulier pour le genre du conte populaire et littéraire. Cet article est consacré à l'une des réécritures modernes du sujet de « la Belle endormie ». Ce dernier, né dans le folklore et la mythologie et devenu célèbre grâce à Charles Perrault, continue son parcours littéraire tout au long des siècles, y compris XXème et XXIème. Parmis les œuvres modernes en langue française qui reprennent le sujet de « la Belle endormie » on peut évoquer, par exemple, *La Belle au Bois dormant* d'Henri Ghéon (1954), « La Belle au Bois dormant » (*Mes contes de Perrault*, 2004) de Tahar Ben Jelloun, « La Belle au Bois dormant » (*Les Contes de crimes*, 2009) de Pierre Dubois, « La Belle au Bois Éveillée » (*Contes à Rebours*, 2016) de Typhaine D.

« La Belle au doigt bruyant » fait partie du recueil *Contes à l'envers* de Philippe Dumas et Boris Moissard (pseudonyme de Jean-Jacques Ably) qui a vu le jour en 1977 et a été réédité en 2009. Initialement c'est Philippe Dumas, auteur des illustrations du recueil, qui commence à s'intéresser à la littérature pour la jeunesse en partant de l'envie de créer des contes pour ses propres enfants et qui propose à Jean-Jacques Ably de travailler ensemble sur l'écriture des contes. Après avoir réfléchi quelques temps, celui-ci accepte. Comme le remarquent E. Pinaud et M. Pépin, les deux auteurs du recueil sont « de très bons amis depuis l'enfance » [1, p.5], ils ont écrit à quatre mains plusieurs ouvrages pour la jeunesse, notamment, *Contes de la tête en plein ciel* (1996), *Les Aventures du vantard : histoires digestives* (2008), *On ne s'en fait pas à Paris. Un demi-siècle d'édition à l'école des loisirs* (2015).

Le recueil en question se compose de 6 contes. Les auteurs s'emparent du principe du renversement, du retournement des sujets classiques pour en faire leurs propres histoires ce qu'on peut déjà voir dans le titre du recueil. Nous allons analyser les procédés de cette approche pour comprendre comment les contes célèbres sont perçus par les auteurs de nos jours et comment les transformations apportées ancrent la nouvelle problématique dans les trames des sujets archaïques.

Dans « La Belle au doigt bruyant » le sujet traditionnel de la « Belle endormie » se transforme en un récit d'aventures, plein de péripéties captivantes. Evoquons d'abord un bref résumé de l'histoire. Elle commence par la description de la vie du « prince », le garçon Clément, qui vit en recherche perpétuel d'exploits fantastiques mais qui a du mal à en trouver dans la vraie vie. Dans la deuxième partie du conte on voit l'apparition de la « princesse », la fille Louise, à laquelle le jour de son baptême sa vieille tante, qui n'a pas été invitée à la fête, jette un mauvais sort en prédisant la piqûre du doigt et le sommeil éternel. Le cousin Bertrand essaie de modifier la prédiction en appliquant à la fille une sorte de contre-charme. On évite les aiguilles, mais on n'arrive pas à éviter le destin – Louise grandit, devient une jolie jeune fille et un jour se pique le doigt avec la pointe de lecture d'un tourne-disque. A la différence de la Belle endormie « classique », elle ne s'endort pas mais commence à danser et ne peut pas s'arrêter car le contre-charme de Bertrand a été trop fort. Avec Louise toute sa famille, tous ses voisins, ses camarades de classe et puis tous les habitants de la rue se mettent à danser et à chanter ce qui provoque une véritable épidémie. Dans la troisième partie la narration revient aux aventures de Clément. Ayant entendu parler de la rue contaminée, le jeune homme comprend que c'est sa chance de faire face à un vrai exploit, s'y rend et embrasse Louise en dansant. Le sortilège disparaît, tous les habitants de la rue sont sauvés, Louise et Clément se marient trois mois plus tard.

Le titre du conte renvoie le lecteur directement à l'œuvre de Ch. Perrault en proposant par le jeu de rimes (« La Belle au bois dormant » – « La Belle au doigt bruyant ») l'inversion humoristique du sujet. Les auteurs partent de la consonance des

titres pour créer sur sa base un nouveau sujet : l'héroïne se pique le doigt par le saphir de l'électrophone et commence à danser, chanter et faire beaucoup de bruit (d'où le doigt bruyant) avec tous les gens de son entourage. Cependant, il ne s'agit pas d'une simple parodie qui viserait à ridiculiser et mettre en question le conte traditionnel. Les auteurs eux-mêmes avouent dans une interview que leur recueil « c'est avant tout un hommage à Perrault » qui avait l'approche semblable à l'écriture des contes : « finalement il a fait comme nous – il a pris des contes existants et puis il a brodé dessus » [2].

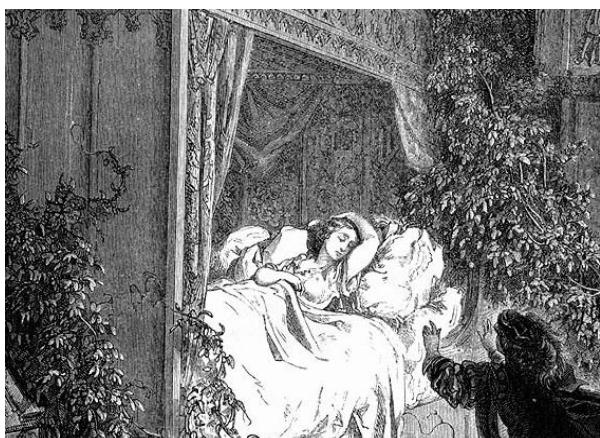
En changeant considérablement l'optique du conte de Perrault, en modifiant le ton de la narration, le contexte dans lequel sont placés les personnages, leurs rôles sociaux, leur entourage et leurs motivations, les auteurs de « La Belle au doigt bruyant » proposent une réécriture transfictionnelle du conte classique. La transfictionnalité, selon le créateur du terme R. Saint-Gelais, « suppose la mise en relation de deux ou de plusieurs textes sur la base d'une communauté fictionnelle » [3]. Cette communauté est représentée ici par le même sujet que les auteurs d'époques différentes reprennent chacun à sa manière et dans lequel la Belle endormie « figure et agit comme personnage » [3]. Selon M. Domino, la règle principale de la réécriture « n'est pas conformité au texte premier ou au modèle prescrit par des modèles fixés, mais satisfaction d'une exigence virtuelle, réalisation d'un projet en train de s'élaborer » [4]. Le projet qui s'élabore au sein du conte de Dumas et Moissard correspond à ce que M.-L. Ryan appelle « la capacité de la transfictionnalité à étendre un monde fictionnel » [5].

Cette extension est construite sur un principe particulier – les héros entrent dans le conte du texte préexistant et reprennent quelques fonctions classiques de ses personnages, mais les personnages « renouvelés » ne remplacent pas ceux du sujet classique, au contraire – ils agissent en tenant compte de leur préexistence et en font un modèle comportemental. Par exemple, le jeune Clément rêve de rencontrer la Belle endormie dans la vraie vie : « Une fois, Clément passa devant une palissade : peut-être cachait-elle quelque forêt maudite, abritant un palais de la Belle au bois dormant ? » [6, p. 67]. Par les moyens du changement de la focalisation le narrateur

dévoile les pensées du garçon qui s’imagine au centre du conte de fées et qui se met à la recherche des aventures glorieuses. Les personnages adultes s’imaginent également suivre le même schéma fonctionnel que ceux de Perrault et « croient » à ce que les mêmes codes fonctionneront bien dans leur propre cas. Evoquons la réaction du cousin Bertrand à la malédiction faite par la tante Élisabeth qui pense que « si jamais la prédiction de la tante Élisabeth venait à s’accomplir, et bien ! il suffirait de trouver un prince charmant qui réveillerait tout le monde. Le cas s’était déjà produit » [6, p. 72]. Le conte antécédent a le statut de la vérité absolue et devient un exemple à suivre pour les personnages, c’est pourquoi la transfictionnalité du conte analysé requiert un caractère spécifique – on y voit les héros qui transgressent les cadres de l’hypotexte mais qui connaissent l’existence de leur « doubles ». Le narrateur ne prétend pas à raconter un sujet tout nouveau, au contraire, à l’intérieur de sa propre histoire il fait des allusions au sujet célèbre en le renouvelant et en faisant ressortir ainsi des glissements du sens qui se produisent entre les deux versions du conte.

Ainsi, tout comme les fées dans le conte de Ch. Perrault, les invités dans l’histoire de Ph. Dumas et B. Moissard « prophétisent une vie sensationnelle » [6, p. 70] à la fille qui reçoit de nombreuses perfections : « sa voix était douce, ses cheveux de miel, son teint de lys, ses yeux comme sources d’eau vive et son caractère en or » [6, p. 72]. Si cette description s’inscrit dans la tradition de la représentation de la Belle endormie, sur les illustrations accompagnant le texte on voit l’héroïne tout à fait différente, représentée en tant qu’une simple fillette qui ne possède pas de beauté extraordinaire. La mention des « fouillis de ronces et d’orties » [6, p. 68] fait également allusion à Perrault, puisque le château de sa Belle au bois dormant était entouré « de grands arbres et de petits, de ronces et d’épines entrelacées les unes dans les autres » [7, p. 191], mais la forêt magique cède sa place à une simple palissade entourant l’immeuble de Louise ce qui est confirmé par l’illustration. Les dessins sont importants dans la conception du recueil, servent à illustrer le texte et à y apporter quelques nuances supplémentaires. Par exemple, même si Louise ne dort pas dans ce conte, sur l’image mise avant le texte on la voit endormie avec son chien à côté (on se

souvent de la petite Pouffe du conte de Perrault qui s'est endormie aussi avec sa maîtresse). Ce dessin, à notre avis, se réfère à une gravure célèbre de Gustave Doré – même les positions des mains des deux héroïnes y sont semblables.

Les allusions évoquées ajoutent dans le conte des connotations humoristiques en contraste avec le sujet classique. L'humour en général devient une particularité importante de cette réécriture qui permet d'attirer l'attention du petit lecteur et provoquer l'amusement du lecteur adulte. Comme le remarque J. Mainil, « le merveilleux comique <...> montre la plasticité du conte de fées qui peut s'adapter à toutes les modes » en assurant le succès de nouvelles versions des contes populaires [8]. L'humour est présent dans le texte aux niveaux différents et sous des formes variées. Dumas et Moissard mettent en évidence les ressources comiques du langage par le biais des jeux de mots (le titre du conte en est l'exemple le plus marqué) ou les onomatopées, par exemple, le discours direct du voisin de Louise fait comprendre que « l'épidémie » se propage dans l'immeuble : « – Bon-bon-bon---jour, bon-bon-bon---jours, pom-pom tralala, chanta M. Tabac en se tortillant sur les marches » [6, p. 75]. L'humour fonctionne aussi dans le conte au niveau des situations et des actions des personnages. La plupart des situations comiques est liée aux actions de Clément pendant ses recherches des aventures. Avant de trouver sa vraie « princesse » il se trompe trois fois en se battant avec ses propres rêveries comparables à celles de Don Quichotte.

La première fois il pénètre dans une palissade qui lui semble cachant le palais de la princesse, mais les réprimandes d'une concierge brisent ses rêveries

audacieuses : « – Vas-tu me fiche le camp, sale voyou ! J'en ai assez de tous ces gosses qui viennent tourner ici... » [6, p. 69]. Le changement des registres du langage crée l'effet humoristique et sert d'interrupteur entre deux tonalités et entre deux mondes – ceux des rêveries et de la réalité. « La dure réalité » met fin au deuxième exploit de Clément quand il embrasse une jeune fille dormant sur un banc : « l'endormie se réveilla, mais en poussant des cris d'orfraie, et une dame accourut, qui traita le jeune preux de tous les noms et lui tira les oreilles. Manifestement ici, personne n'attendait de prince charmant » [6, p. 69]. Cette dernière remarque du narrateur a le ton comique à cause de sa double focalisation – elle révèle à la fois les pensées intérieures du garçon qui se prend pour le prince charmant et le regard extérieure du narrateur ironisant sans méchanceté sur les actions du personnage. Le troisième exploit échoué devient le plus pénible pour le garçon car « sa campagne idéale » n'est en réalité qu'un mannequin de plâtre.

Ces détails humoristiques rendent le sujet plus dynamique, servent à maintenir l'intérêt du jeune lecteur, tandis que quelques remarques ironiques du texte sollicitent implicitement le public adulte. Parmi ces remarques on peut mentionner l'ironie à propos du courage de l'homme qui s'imagine être prince (« La difficulté, quand on est prince, c'est de trouver un château abandonné » [6, p. 67]) ou à propos des charlatans qui se font passer pour des magiciens : le cousin Bertrand, « garçon de ressources, qui s'y connaissait en magie, enchantements, pratiques noires et autres métamorphoses » [6, p. 72] essaie de sauver l'héroïne en utilisant les moyens assez contestables. L'ironie est visible également dans la description de la vie des personnages à la fin du conte. Le réveil de l'héroïne est remplacé par son apaisement dont la description va jusqu'à l'exagération considérable : « Il y eut un festin où l'on mâcha en silence et, trois mois plus tard, Clément épousa Louise. Ils furent très heureux et ils eurent beaucoup d'enfants, tous fort calmes et silencieux » [6, p. 81]. Mariés, les héros ne dansent et ne chantent plus, ils ne font plus d'exploits et mènent une vie paisible et réglementée, ce qui est représentée sur l'illustration finale où le mari lit un journal et la femme tricote – des activités quotidiennes traditionnelles

d'une famille ordinaire rappelant l'incipit de *La Cantatrice chauve* d'Eugène Ionesco, l'œuvre dans laquelle l'impossibilité de la communication est mise en avant. L'image de Dumas représente l'absence totale de conversation, on voit non seulement la famille en silence mais aussi un chat endormi et un perroquet qui n'est pas autorisé à faire du bruit.

L'humour n'est pas le seul procédé par lequel le sujet est modernisé : en renversant le sujet classique les auteurs rendent l'action plus dynamique et changent quelques points structurels du sujet, y apportant de nouveaux accents. Le sommeil de l'héroïne est remplacé par la danse ce qui ajoute dans le récit une certaine tension émotionnelle. Le champ sémantique de la folie et de la contagion est important dans la description de « l'épidémie » : *excessivement, ses yeux s'élargirent, sa main trembla, frénétiquement, gesticulant, se trémousser, se démener, en se tortillant, un vacarme infernal, la contagion, la danse de Saint-Guy, noyer le potin, la rue frénétique*, etc. Même si Louise devient victime de ce « réveil excessif », du point de vue du développement du sujet elle reste inactive, ne prend aucunes décisions, comme c'était le cas chez Perrault et dans d'autres œuvres au sujet de la Belle endormie. Pour combler cette lacune sémantique le rôle du « prince » s'élargit considérablement – c'est lui qui devient le personnage principal de l'histoire ce qui est confirmé par la présence du récit-cadre : le conte commence et finit par l'évocation d'exploits de ce personnage. Le changement des temps grammaticaux dans certains passages permet aussi à maintenir le suspense, à plonger le lecteur à

l'intérieur de l'histoire racontée. Si le conte est écrit au passé simple, le temps éloigné du moment actuel, dans quelques extraits les plus dynamiques on passe au présent de narration qui sert à donner plus d'animation au discours et présenter l'action comme se déroulant devant les yeux du lecteur, par exemple, au moment de l'arrivée de la tante Élisabeth (« Mais voilà que soudain, on sonne » [6, p. 70]) ou au dénouement de l'intrigue : « Il prit Louise dans ses bras, et les voilà tous deux qui tournent, qui tournent et tournent <...> » [6, p. 79].

L'histoire change son chronotope et acquiert de nombreuses réalités contemporaines ce qui aide également à maintenir l'intérêt des jeunes lecteurs et parfois soulever quelques questions sociales importantes. Le récit se développe dans l'espace complètement déterminée et précise du monde réel : le « prince » habite à Rouen, dans la Seine-Maritime, la « princesse » – non loin de Rouen, à Barentin, le cousin qui lance un contre-charme vient du Havre. Les personnages n'appartiennent pas à la famille royale et ne gouvernent pas l'État, ce sont un garçon et une fille qui habitent dans les villes voisines et qui grandissent au cours de la narration. Dans la description des personnages des traits réalistes abondent. Louise est présentée comme « une superbe jeune fille qui faisait la fierté de ses parents » [6, p. 72], ses activités ressemblent aussi aux loisirs de la jeunesse de notre temps : « Elle pratiquait les sports, on la voyait galoper dans la campagne sur son poney et les gens lui faisaient des signes de la main » [6, p. 72–73]. Ces traits contribuent à la création de l'espace particulier, familier au petit lecteur du conte, cela lui permet de s'identifier aux personnages et de leur compatir, de se plonger dans le contexte et donc de s'approprier plus facilement quelques codes de conduite qui ne sont pas donnés sous la forme de sentences morales prêtées à l'emploi, mais qui peuvent être déduits du contexte (on y voit la confrontation du bien et du mal, des exemples du courage et de persistance, d'héroïsme). Remarquons que l'absence de la moralisation explicite est propre à la littérature moderne pour la jeunesse en général. Les auteurs évitent la représentation du monde idéal, inaccessible dans la réalité, soulèvent dans leurs œuvres des questions importantes et variées qui restent sans réponses et invitent les

lecteurs à réfléchir eux-mêmes sur la problématique représentée [voir, par exemple, 9, p. 344–345].

Des leçons morales implicites sont tout de même présentes dans le conte analysé et concernent non seulement les jeunes lecteurs, ce qui est démontré surtout par les réactions de la mère de Clément aux exploits de son fils invitant les adultes à être sûrs des talents de leurs enfants : « Clément fut proclamé bienfaiteur du genre humain et sa mère triompha : depuis le temps qu'elle le disait, que son fils était un prince charmant ! » [6, p. 81]. La problématique sociale qui vise le lecteur adulte ajoute dans la narration la tonalité différente, presque tragique, visible surtout dans l'épisode consacré à la décision de l'Assemblée nationale de détruire la rue frénétique « après élimination physique de ses occupants» [6, p. 78], – méthode féroce à lutter contre épidémie qui rappelle implicitement une grève. Le lexique militaire imprègne ce passage : *le ministre de la Guerre, les sapeurs, les artificiers, l'aviation, la rue condamnée, un rideau de barbelés, une sentinelle, les agents de la police*, etc. Le narrateur met accent sur des décisions litigieuses des pouvoirs publics et à la volonté de faire les gens oublier le plus vite les évènements pénibles du passé récent : « Quand tout serait fini, on construirait sur les lieux de la tragédie un centre commercial avec des crèches, une cinémathèque et tout ce qui s'ensuit ; et on tâcherait d'oublier » [6, p. 78–79], ce qui apporte dans l'histoire une tonalité tragique.

Ainsi, Dumas et Moissard proposent dans « La Belle au doigt bruyant » une réactualisation du sujet classique qui, malgré la présence de nombreux traits comiques, ne devient pas une simple parodie, mais s'avère plutôt une réécriture transfictionnelle comportant le dynamisme, la rêverie, l'humour et la confrontation du bien et du mal. Transposée dans l'époque moderne et « renversée » dans plusieurs éléments par rapport au conte traditionnel, l'histoire vise à la fois le jeune lecteur en lui montrant comment les personnages connus agissent dans la réalité de nos jours et le public adulte en lui proposant quelques réflexions ironiques ou tragiques à propos de la problématique actuelle.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Patrakova O.N., Altashina V.D. De «La Belle au bois dormant» à «La Belle au doigt bruyant»: une réécriture moderne...
Kazan Linguistic Journal. 2025;8(3): 336–347

Bibliographie

1. Pinaud E., Pepin M. *Contes à l'envers de Philippe Dumas et Boris Moissard (Analyse de l'œuvre)*. Paris: lePetitLitteraire.fr; 2015.
2. L'enregistrement de rencontre avec Ph. Dumas et B. Moissard fait en 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NX2WgByrWqA> [consulté le: 07.03.2025].
3. Saint-Gelais R. La fiction à travers l'intertexte: pour une théorie de la transfictionnalité. *Frontières de la fiction*. Pessac: Presses Universitaires de Bordeaux. 2002;(17). URL: <https://books.openedition.org/pub/5687> [consulté le: 03.03.2025].
4. Domino M. La réécriture du texte littéraire, Mythe et Réécriture. *Semen*. Paris: Société d'édition Les Belles Lettres. 1987;(3). URL: <https://journals.openedition.org/semen/5383> [consulté le: 10.03.2025].
5. Ryan M.-L. Le transmedia storytelling comme pratique narrative. *Design et Transmédia: le croisement des disciplines de SHS*. 2017;(10). URL: <https://journals.openedition.org/rfsic/2548> [consulté le: 01.03.2025].
6. Dumas Ph., Moissard B. La Belle au doigt bruyant. *Contes à l'envers*. Paris: École Des Loisirs ; 2019. p. 67–81.
7. Perrault Ch. *La Belle au Bois dormant*. *Contes*. Paris: Librairie Générale Française; 2006. p. 185–200.
8. Mainil J. Le sourire des fées. Aux origines du merveilleux comique. *Le rire des conteurs*. 2008;(5). URL: <https://journals.openedition.org/feeries/583> [consulté le: 08.03.2025].
9. Лисенко А.Р. Современная немецкоязычная драматургия для детей и подростков. Казанский лингвистический журнал. 2021;3(4):341–348. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/50> [consulté le: 05.03.2025].

References

1. Pinaud E., Pepin M. *Inverted Fairy Tales by Philippe Dumas and Boris Moissard (Analysis of the work)*. Paris: lePetitLitteraire.fr; 2015. (In French)
2. *The recording of meeting with Ph. Dumas and B. Moissard made in 2014*. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=NX2WgByrWqA> [accessed: 07.03.2025]. (In French)
3. Saint-Gelais R. Fiction through the intertext: for a theory of transfictionality. *Frontiers of fiction*. Pessac: Presses Universitaires de Bordeaux. 2002;(17). Available from: <https://books.openedition.org/pub/5687> [accessed: 03.03.2025]. (In French)
4. Domino M. The rewriting of the literary text, Myth and Rewriting. *Semen*. Paris: Société d'édition Les Belles Lettres. 1987;(3). Available from: <https://journals.openedition.org/semen/5383> [accessed: 10.03.2025]. (In French)
5. Ryan M.-L. Transmedia storytelling as a narrative practice. *Design and Transmedia: the intersection of SHS disciplines*. 2017;(10). Available from: <https://journals.openedition.org/rfsic/2548> [accessed: 01.03.2025]. (In French)
6. Dumas Ph., Moissard B. Noisy Beauty. *Inverted Fairy Tales*. Paris: École Des Loisirs ; 2019. p. 67–81. (In French)
7. Perrault Ch. Sleeping Beauty. *Fairy Tales*. Paris: Librairie Générale Française; 2006. p. 185–200. (In French)
8. Mainil J. The smile of the fairies. At the origins of the wonderful comic. *The laughter of storytellers*. 2008;(5). Available from: <https://journals.openedition.org/feeries/583> [accessed: 08.03.2025]. (In French)
9. Lisenko A.R. Modern German drama for children. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 3 (4):341–348. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/50> [accessed: 05.03.2025]. (In Russ.)

Авторы публикации

Патракова Ольга Николаевна –
Аспирант, Преподаватель
Санкт-Петербургский государственный
университет, Балтийский государственный
технический университет «БОЕХМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова
Санкт-Петербург, Россия

Authors of the publication

Patrakova Olga Nikolaevna –
PhD student, Lecturer
Saint Petersburg State University, Baltic State
Technical University "VOENMEH" named after
D. F. Ustinov
Saint Petersburg, Russia
Email: patrakova_o@mail.ru

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Patrakova O.N., Altashina V.D. From “Sleeping Beauty” to “Noisy Beauty”: about One Modern Version of...
Kazan Linguistic Journal. 2025;8(3): 336–347

Email: patrakova_o@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-2507-7378>

Алташина Вероника Дмитриевна –
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

<https://orcid.org/0009-0004-2507-7378>

Altashina Veronika Dmitrievna –
PhD in philology, Professor
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.04.2025
Одобрена после рецензирования: 8.09.2025
Принята к публикации: 13.09.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарила анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.04.2025

Approved after peer reviewing: 8.09.2025

Accepted for publication: 13.09.2025

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья

УДК 821.133.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.348-361>

СОНЕТ В ПОЭЗИИ Ш. ЛЕКОНТА ДЕ ЛИЛЯ:

К ВОПРОСУ О «ПАРНАССКОМ» СОННЕТЕ

E.V. Сашина

Псковский государственный университет, Псков, Россия

maranta615@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2735-6467

Аннотация. Статья является первой частью работы, посвященной исследованию специфики «парнасского» сонета. Целью данной статьи является постановка проблемы и ее изучение в первом приближении на материале сонетного творчества Ш. Леконта де Лиля. Исследовано двадцать три сонета и одна сонетная поэма, изучены писательские стратегии французского поэта; проанализированы тематический диапазон сонетов, схема и рисунок их рифмовки. Исследована трансформация сонета как жанра и как формы на материале сонетной поэмы «Le Conseil du Fakir».

Исследование выявило характерные черты писательской стратегии поэта: компоновка поэтических сборников по большей части из ранее опубликованных текстов; возможна авторская редакция текста после его первой публикации, а также постоянная редактура состава самих поэтических сборников. Тематический диапазон сонетов Леконта де Лиля достаточно широк и включает в себя сонеты философские, пейзажные, анималистические, ориенталистические и др. Делается вывод о том, что внешне классические, традиционные сонеты Леконта де Лиля оригинальны по схеме и рисунку рифмовки. В поэме «Le Conseil du Fakir» Леконт де Лиль использует лишь сонетную форму. Делается предварительный вывод о том, что Леконт де Лиль, как и его предшественники-романтики (Сент-Бев, Нерваль), «расшатывает» сонетный канон на разных уровнях: расширения тематики, содержания и структуры.

Ключевые слова: Ш. Леконт де Лиль; сонет; сонетная поэма; «парнасский» сонет; писательская стратегия

Для цитирования: Сашина Е.В. Сонет в поэзии Ш. Леконта де Лиля: к вопросу о «парнасском» сонете. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 348–361.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.348-361>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.348-361>

SONNET IN THE POETRY OF CH. LECONTE DE LILLE:

TO THE QUESTION OF THE “PARNASSIAN” SONNET

E.V. Sashina

Pskov State University, Pskov, Russia

maranta615@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2735-6467

Abstract. The article is the first part of the work devoted to the study of the specifics of the “Parnassian” sonnet. The purpose of this article is to formulate the problem and study it in the first approximation using the material of the sonnet works of Ch. Leconte de Lisle. Twenty-three sonnets and one sonnet poem were examined, the writing strategies of the French poet were studied; the thematic range of the sonnets, the scheme and pattern of their rhyme were analyzed. The transformation of the sonnet as a genre and as a form was studied using the material of the sonnet poem "Le

Conseil du Fakir". The study revealed the characteristic features of the poet's writing strategy: the arrangement of poetry collections mostly from previously published texts; the author's editing of the text is possible after its first publication, as well as constant editing of the composition of the poetry collections themselves. The thematic range of Leconte de Lisle's sonnets is quite wide and includes philosophical, landscape, animalistic, orientalistic sonnets, etc. It is concluded that the outwardly classical, traditional sonnets of Leconte de Lisle are original in their scheme and rhyme pattern. In the poem "Le Conseil du Fakir" Leconte de Lisle uses only the sonnet form. A preliminary conclusion is made that Leconte de Lisle, like his romantic predecessors (Sainte-Beuve, Nerval), "shakes" the sonnet canon at different levels: expansion of themes, content and structure.

Keywords: Ch. Leconte de Lisle; sonnet; sonnet poem; "Parnassian"" sonnet; writer's strategy

For citation: Sashina E.V. Sonnet in the Poetry of Ch. Leconte de Lille: to the Question of the "Parnassian" Sonnet. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(3): 348–361. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.348-361>

«Le Sonnet demanderait toute une histoire et toute une monographie» (Для Сонета потребовалась бы целая история и целая монография), отметил еще в 1872 году французский поэт-парнасец, драматург и критик Теодор де Банвиль (1823-1891) в своем «Petit Traité de poésie française» (Маленький трактат о французской поэзии) [1, p. 198]. Действительно, за всю историю существования сонета (с середины XIII века) образовался большой объем научной литературы, посвященный изучению его поэтики в диахроническом и синхроническом аспектах. Тем не менее, публикации, появившиеся в последнее время, свидетельствуют о неослабевающем научном интересе, который проявляют российские исследователи к жанру и форме сонета [2, 3, 4, 5, 6], а также к сонету в школьном изучении [7], что подчеркивает актуальность этой проблематики. Следует отметить работы о своеобразии французского сонета [8] и его лингводидактическом потенциале [9]. В этой связи особый интерес представляют сонеты Шарля Леконта де Лиля (1818-1894), главы парнасцев, одной из любимых форм которых был сонет, поскольку строгость его жанровой структуры и формы наиболее полно соответствует парнассской доктрине, базирующейся на теории «искусства для искусства». Учитывая, что в XVIII веке, когда французские поэты предпочитали более пространные формы элегии или более свободные формы басни и романа, сонет постепенно исчез [10], необходимо отметить, что только второе поколение романтиков (Нерваль, Миоссе, Готье) вновь обратилось к этому жанру. Принимая во внимание отличия между поэтическими

практиками романтиков и парнасцев, представляется немаловажным изучить возникающий в этой связи вопрос: существуют ли различающиеся в своей специфике «романтический» и «парнасский» сонеты. Поэтому целью данной статьи является постановка проблемы и ее исследование в первом приближении на материале сонетного творчества Ш. Леконта де Лиля.

К сонету как к жанру с жесткой композицией (тезис – антитезис – синтез) и твердой стихотворной формой Шарль Леконт де Лиль обратился в двадцатилетнем возрасте. Первые шесть не опубликованных при жизни поэта сонетов были созданы с 1838 по 1839 год во время его пребывания в бретонском городе Динан у дяди юриста перед тем, как Шарль должен был отправиться в Реннский университет изучать право: пять сонетов в 1838 году – «À l'heure de silence» (В час тишины); «Douce création» (Нежное создание); «Jeunesse, amour, beauté» (Молодость, любовь, красота); «L'Espoir» (Надежда); «Oui la femme, semblable...» (Да женщина, похожа) – и один – «L'Étoile du soir» (Вечерняя звезда) – в 1839 [11].

Вновь к жанру сонета Леконт де Лиль обратится в 1850-е годы – четыре сонета будут включены в сборник «Poèmes et poésie» 1855 года: «Le Colibri» (Колибри), «Les Bois lavés par les rosées» (Лес, омытый росой), «Le Sacrifice» (Жертвоприношение) и «Les Oiseaux de proie» (Хищные птицы) [12, p. 187, 191, 199, 257].

Семь лет спустя в первой редакции сборника «Poésies barbares» (1862) будут опубликованы три сонета: «La Mort du Soleil» (Смерть солнца), «Aux Morts» (Мертвым), «Le Vœu suprême» (Высший обет) [13, p. 165, 276, 285], а также сонетная поэма «Le Conseil du Fakir» (Совет Факира) [13, p. 170]. Здесь следует отметить характерные черты писательской стратегии Шарля Леконта де Лиля: во-первых, компоновка поэтических сборников по большей части из ранее опубликованных текстов; во-вторых, как правило, – это авторская редакция текста после его первой публикации, а также постоянная редактура состава самих поэтических сборников. И в «Poésies barbares» (1862) вошли сонеты, ра-

нее опубликованные в «*Revue Européenne*» 1861 г.: сонет «*Aux Morts*» под названием «*Le deux novembre*» (Второе ноября) [14], «*Le Voeu suprême*» (Высший обет) [15], «*La Mort du Soleil*» (Смерть солнца) [16], а также сонетная поэма «*Le Conseil du Fakir*» (Совет Факира), первая публикация которой состоялась в февральском номере «*Revue contemporaine*» за 1860 год [17].

Кроме того, и во вторую редакцию сборника с измененным названием «*Poèmes barbares*» (1872) будут включены ранее опубликованный в сборнике «*Poèmes et poésie*» (1855) сонет «*Le Colibri*» (Колибри), а также сонеты, первая публикация которых состоялась в «*Revue contemporaine*»: «*Les Montreurs*» (Показчики), «*La Mort d'un lion*» (Смерть льва) в июньском номере 1862 г. [18]; «*Fiat nox*» (Пусть это будет ночь) – в июньском номере 1864 г. [19], а также «*L'Ecclésiaste*» (Экклезиаст) – в первом сборнике «*Parnasse contemporain*» 1866 года [20]. Помимо этого, в состав сборника вошла вторая редакция сонета «*Le Sommeil de Leïlah*» (Сон Лейлы), впервые увидевшего свет в еженедельнике «*Le Boulevard*», 25 мая 1862 г. под названием *La Sieste* (Сiesta) [21]. В третью редакцию сборника *Poèmes barbares* (1878) войдет сонет «*Le Paysage polaire*» (Полярный пейзаж), впервые опубликованный в ноябрьском номере «*Le Siècle littéraire*» 1875 года [22].

Сонет «*Le Parfum impérissable*» (Нетленный аромат) прежде, чем войти в состав сборника «*Poèmes tragiques*» (1884), был опубликован четырежды: в «*Revue Contemporaine*» (30 juin 1864) [18, p. 796]; в «*Le Siècle littéraire*» (01 novembre 1875) [23]; в сборнике «*Le Livre des Sonnets*» (1875) [24] и в «*La Nouvelle Revue*» (15 janvier 1883) [25]; а сонет «*À un Poète mort*» (Мертвому поэту), также включенный в этот сборник, сначала появился в «*Le Tombeau de Théophile Gautier*» 1873 года под заголовком «*A Théophile Gautier*» [26].

Еще два сонета не вошли в прижизненные сборники Леконта де Лиля: «*Les Planètes damnées*» (Проклятые планеты) был опубликован в двух журналах 1864 г.: *Revue contemporaine* [19, p. 796] и «*Revue Européenne*» [27], а «*L'Orient*» (Восток) был издан дважды: в книге Жюдит Готье «*Iskender*» (1886), основан-

ной на легендах и преданиях об Александре Македонском [28, p. V], и в «Книге сонетов» (1892) [29, p. 96], а затем включен поэтами-парнасцами Жозе-Мари де Эредиа (1842-1905) и виконтом Андре де Герном (1853-1912) в сборник Леконта де Лиля «Derniers poèmes», опубликованный ими после смерти мастера в 1895 г. [30].

Таким образом, всего Леконтом де Лилем было создано 23 сонета и одна сонетная поэма, состоящая из шести сонетов.

Тематический диапазон сонетов Леконта де Лиля достаточно широк, о чем свидетельствуют их названия. Сонет по определению философичен, диалектическое развитие идеи здесь детерминировано его композицией «тезис – антитезис – синтез». Поэтому и среди сонетов французского поэта преобладает философская тематика («Le Sacrifice», «Les Oiseaux de proie», «Le Vœu suprême», «Aux Morts», «Fiat nox», «Les Planètes damnées»), даже в сонетах на первый взгляд «пейзажных» или «анималистических», где на протяжении двух катренов описывается природа или животное, авторская мысль в терцетах выходит на уровень философского обобщения, как, например, в сонете «La Mort du Soleil»:

Le vent d'automne, aux bruits lointains des mers pareil,
Plein d'adieux solennels, de plaintes inconnues,
Balance tristement, le long des avenues,
Les lourds massifs rougis de ton sang, ô soleil!

La feuille en tourbillons s'envole par les nues;
Et l'on voit osciller dans un fleuve vermeil,
Aux approches du soir inclinés au sommeil,
De grands nids teints de pourpre au bout des branches nues.

Tombe, Astre glorieux, source et flambeau du jour!
Ta gloire en nappes d'or coule de ta blessure,

Comme d'un sein puissant tombe un suprême amour.

— Meurs donc, tu renaîtras! L'espérance en est sûre.

Mais qui rendra la vie et la flamme et la voix

Au coeur qui s'est brisé pour la dernière fois? [13, p. 165]

(Осенний ветер, подобный отдаленным звукам морей, / Полный торжественных прощаний, неизвестных жалоб, / Печально раскачивает вдоль проспектов / Тяжелые массивы, обагренные твоей кровью, о солнце! // Лист кружащийся летит сквозь облака; / И видно, как качаются в ярко-красном потоке / С приближением вечера склонные ко сну / Большие гнезда пурпурного оттенка на кончиках голых ветвей. / Падай, славная Звезда, источник и светоч дня! / Твоя слава золотой пеленой истекает из твоей раны, / Как могучую грудь покидает последняя любовь. // — Умри, и ты возродишься! Надежда уверяет в этом. / *Но кто вернет жизнь, пламя и голос / Сердцу, которое разбилось в последний раз?*

Подстрочный перевод и курсив наш – Е.С.)

В некоторых «пейзажных» или «анималистических» сонетах живописное описание в катренах завершается переходом в сферу эмоционального, личного переживания в терцетах, как в сонете «Le Colibri»:

Le vert colibri, le roi de collines,
Voyant la rosée et le soleil clair
Luire dans son nid tissé d'herbes fines,
Comme un frais rayon s'échappe dans l'air.

Il se hâte et vole aux sources voisines,
Où les bambous font le bruit de la mer ;
Où l'açoka rouge, aux odeurs divines,
S'ouvre, et porte au cœur un humide éclair.

Vers la fleur dorée il descend, se pose,

Et boit tant d'amour dans la coupe rose,
Qu'il meurt, ne sachant s'il l'a pu tarir.

*Sur ta lèvre pure, ô ma bien-aimée,
Telle aussi mon âme eût voulu mourir
Du premier baiser qui l'a parfumée! [12, p. 189–190]*

(Зеленый колибри, царь холмов, / Видящий росу и ясное солнце, / Сияет в своем гнезде, сотканном из пахучих трав, / Словно новый луч света пробивается в воздух. // Он спешит и летит к ближним источникам, / Где бамбук издает шум моря; / Где красная ашока с божественным запахом / Раскрывается и молниеносно пленяет. // К золотому цветку он спускается, устраивается / И пьет так страстно из розовой чаши, / Что умирает, не зная, смог ли он ее осушить. // *На твоих непорочных устах, о моя возлюбленная, / Так хотела бы и моя душа умереть / От первого поцелуя, напоившего ее благоуханием!* Подстрочный перевод и курсив наш – Е.С.)

Все сонеты Леконта де Лиля – регулярные или правильные сонеты со схемой 4+4+3+3, т.е. два катрена и два терцета, с соблюдением правила альтернанса женских и мужских рифм, согласно которому между стихами на одну рифму могут находиться стихи не более чем на одну иную рифму, поэтому возможна рифмовка AbbbbA, но невозможно зарифмовать AbCCbA. Следует отметить, что предпочтительными были две схемы рифмовки: 1) «закрытые катрены» и «открытые» терцины (abba abba ccd ede) и 2) менее популярная: «открытые» катрены и «закрытые» терцины (abab abab ccd eed).

Леконт де Лиль создает и свои схемы рифмовки, наиболее часто употребляемая – «закрытые» катрены и «закрытые» терцины, которая используется в 10 сонетах из 23 им написанных, а также в сонетной поэме «Le Conseil du Fakir»:

№	название сонета	«закрытые» катрены и «закрытые» терцины
1.	Jeunesse, amour, beauté (1838)	AbbA AbbA cDc Dee
2.	Oui la femme, semblable... (1838)	aBBa aBBa ccd EEd

3.	Les Bois lavés par les rosées (1855)	AbbA bAAb CCd EEd
4.	Le Sacrifice (1855)	AbbA AbbA ccD eeD
5.	Le Conseil du Fakir (1860)	1. aBBa aBBa CdC dEE
		2. aBBa aBBa CdC dEE
		3. aBBa aBBa CdC dEE
		4. aBBa aBBa CdC dEE
		5. aBBa aBBa CdC dEE
		6. aBBa aBBa CdC dEE
6.	La Mort du Soleil (1861)	aBBa BaaB cDc Dee
7.	Les Planètes damnées (1864)	AbbA AbbA ccD eeD
8.	Fiat nox (1864)	aBBa BaaB cdd cee
9.	Le Sommeil de Leïlah (1872)	AbbA AbbA ccD eeD
10.	À un Poète mort (1873)	AbbA AbbA ccd eed
11.	Le Paysage polaire (1875)	aBBa aBBa CCd EEd

Причем у трех сонетов – «Le Sacrifice», «Les Planètes damnées» и «Le Sommeil de Leïlah» – рисунок рифмовки идентичен: AbbA AbbA ccD eeD.

В семи сонетах Леконт де Лиль придерживается «менее популярной», но общеупотребительной схемы рифмовки «открытые» катрены и «закрытые» терцины:

№	название сонета	«открытые» катрены и «закрытые» терцины
1.	À l'heure de silence (1838)	AbAb CdCd EEf GfG
2.	L'Espoir (1838)	aBaB aBaB ccD eeD
3.	L'Étoile du soir (1839)	AbAb AbAb CCd CdC
4.	Aux Morts (1861)	AbAb AbAb ccd EEd
5.	Le Parfum impérissable (1864)	aBaB cdcd eeF ggF
6.	L'Ecclésiaste (1866)	aBaB aBaB ccD eeD
7.	L'Orient (1886)	aBaB cDcD eFe Fgg

Два сонета из семи – «L'Espoir» и L'Ecclésiaste – зарифмованы одинаково: aBaB aBaB ccD eeD.

Еще одной схеме рифмовки: «открытые» катрены и «открытые» терцины, не являющейся общеупотребительной, – соответствуют три сонета:

№	название сонета	«открытые» катрены и «открытые» терцины
1.	Le Colibri (1855)	AbAb AbAb CCd ede
2.	Les Oiseaux de proie (1855)	AbAb AbAb CCd EdE
3.	La Mort d'un lion (1862)	aBaB aBaB ccd ede

Два сонета не входят в эти группы, поскольку имеют оригинальные схемы рифмовки, где при «закрытых» терцинах в каждом сонете комбинируются «открытые» и «закрытые» катрены: «Douce création» (1838) «открытый» + «закрытый».

крытый» катрены и «закрытые» терцины (AbAb bAAb ccb DDb) и «Le Voeu suprême» (1861) «закрытый» + «открытый» катрены и «закрытые» терцины (aBBA BaBa Cdd Cee).

И только один сонет, «Les Montreurs» (1862), имеет наиболее распространенную схему «закрытые» катрены и «открытые» терцины: AbbA bAAb CCd EdE.

Таким образом, внешне классические, традиционные сонеты Леконта де Лиля оригинальны по схеме и рисунку рифмовки. Так, например, достаточно любопытны эксперименты французского поэта в области рисунка рифмовки: среди привычной рифмовки на пять звучий можно найти сонеты на четыре (в «Douce création») или семь рифм («À l'heure de silence», «L'Orient»). Кроме того, обычно катрены рифмуются на два звучания, более разнообразна рифмовка терцетов, тогда как у Леконта де Лиля в сонете «L'Orient» катрены зарифмованы на четыре звучания.

Еще более интересным представляется «расшатывание» сонетного канона «тезис – антитезис – синтез» сквозным развитием темы как в рамках одного сонета («Le sommeil de Leïlah»), так и в границах более крупного эпического жанра, когда Леконт де Лиль использует лишь сонетную форму, как это происходит в сонетной поэме «Le Conseil du Fakir». В самом деле, здесь под одним названием объединены шесть сонетов. Рассматриваемые как составные элементы, они образуют единство, поскольку неразрывно связаны на разных уровнях, создавая текст единого художественного произведения. Так, на уровне содержания шесть сонетов «Le Conseil du Fakir» объединены сквозным линейно развивающимся сюжетом, повествующим о том, как старый набоб, правитель Арката, Мохаммед Алихан, не поверив факиру, предугадавшему его смерть от рук молодой жены, погибает в своих покоях.

В катренах первого сонета развертывается описание старого набоба в роскошных одеждах и его молодой жены («Le mongol, <...> en ses riches habits, / La jeune femme est belle, et sa peau délicate / Luit sous la mousseline où brûlent les rubis» [13, p. 170]), контрастирующее с изображением в терцетах с внешностью

факира, который сидит напротив них в центре зала («...un fakir demi-nu, maigre et sale / <...> La fange de ses pieds souille la soie et l'or, / <...> il gratte avec ses ongles / Sa peau rude, en grondant comme un tigre des djungles» [13, p. 171]).

Второй сонет представляет собой монолог факира, обращенный к набобу, – это прозрение, достигнутое молитвами и постом, в котором говорится о нависшей над правителем опасности («L'aile noire d'Yblis plane sur ton palais, / Mohammed-Ali-Khan»! [13, p. 171]), именно его тяжкие преступления и отвратительные пороки приближают час искупления («Tes crimes les plus lourds, tes vices les plus laids, / Hâtent l'heure sinistre» [13, p. 171]). Факир обвиняет Мохаммеда Алихана в его беспредельном ослеплении («l'aveuglement sans borne» [13, p. 171]), которое не позволяет ему разглядеть врага рядом с собой:

Pourquoi réchauffes-tu le reptile en ton sein,
O Mohammed? Voici qu'il siffle et qu'il t'enlace,
Et qu'il cherche à te mordre à la meilleure place! [13, p. 172]

(Зачем ты греешь змею на груди, / О Мухаммед? Вот она насвистывает и обнимает тебя, / И она ищет, куда укусить тебя получше! Подстрочный перевод наш – Е.С.)

В третьем сонете передается реакция набоба и его жены на слова факира («Mohammed-Ali-Khan fume, silencieux, / <...> «redressant son front chargé de pierreries, / La Begum, qui tressaille, ouvre tout grands ses yeux» [13, p. 172]), а также продолжение его речи, где развивает идею ослепления лестью, красотой и юностью:

Malheur à qui ne sait que l'amour, la beauté,
La jeunesse qui rit avec sa bouche rose,
Fleurissent pour l'enfer quand le sang les arrose ! [13, p. 173]

(Горе тому, кто не знает, что любовь, красота, / Юность, которая смеется своим розовым ртом, / Цветут для ада, когда кровь их орошаet! Подстрочный перевод наш – Е.С.)

В четвертом сонете история получает свое развитие: набоб обеспокоен словами факира, но его жена подвергает сомнению речи пророка, снимая напряжение смехом и ласками, и бросает факиру расшитый персидскими опалами кошелек с золотыми монетами со словами: «*Le saint homme rêve!*»! (Святой бредит!) На что факир реагирует достаточно резко: «*Voici le prix du sang au meurtrier fatal*» (Вот цена крови роковому убийце) и, прокляв Мохаммеда, призывает его нанести удар первым [13, р. 173].

В пятом сонете действие продолжается: факир уходит, а набоб, очарованный красотой и невинным взором своей жены, отбрасывает подозрения: «*Quelle bouche dit vrai, si cette bouche ment?*» (Чьи уста говорят правду, если эти лгут?) [13, р. 174]

В финальном шестом сонете описывается спящий набоб, однако это сон смерти: он плавает в луже крови с перерезанным горлом.

Членение поэмы на главы-сонеты соотносится с сюжетной архитектоникой. Так, например, первый сонет – экспозиция, второй сонет – завязка, с третьего по пятый сонет – развитие действия; кульминация и развязка – в шестом сонете. Убийство Набоба находится за рамками повествования, поэтому именно шестой сонет является аккордным. Таким образом, структура поэмы совпадает с сюжетной структурой, что также обеспечивает единство текста.

Став элементом большего по объему стихотворного целого – поэмы, – сонет потерял свое основное, принципиальное качество: «способность благодаря диалектической сущности своей структуры быть (несмотря на сжатость объема) целым – и самостоятельным, и своеобразным поэтическим миром» [31, с. 28], т.е. теряет завершенность. Даже внешнее следование формальными правилами сонетного канона (например, правилом синтаксической завершенности катренов и терцетов), не сохраняет диалектическую сущность сонета, поскольку нарушение сонетного канона «тезис – антитезис – синтез» сквозным развитием сюжета приводит к постепенному превращению сонета в свободное сти-

хтврение из четырнадцати строк практически так же, как это происходит и в сонетной поэме Нерваля «Христос в Гефсиманском саду» (1844).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод: Леконт де Лиль, как и его предшественники-романтики (Сент-Бев, Нерваль), «расшатывает» сонетный канон на разных уровнях: расширения тематики, содержания и структуры.

Список литературы

1. Banville Th. *de Petit Traité de poésie française*. Paris: Alphonse Lemerre ; 1891.
2. Иванюк Б.П. Сонет: словарное досье. *Филологос*. 2021; 2 (49): 25–33.
3. Ложкова А.В. Сонет как лирический жанр. *Уральский филологический вестник*. 2012; 6:5–18.
4. Максимов С.Н., Курникова Н.С. Сонет: вчера и сегодня. Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы. Сборник научных статей. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. 2020;320–325.
5. Зубкова М.В. История сонета как жанра и его роль в развитии петrarкизма. *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2019;4:96–99.
6. Коноплюк Н.В. Сонетный цикл: проблема жанра. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2015; 3 (12): 14–17.
7. Кузнецова Н.Н., Шевякова И.А. Изучение категории жанра на примере твердой формы сонета. *Современные исследования социальных проблем*. 2022;14(1): 137–151.
8. Тихонова М.П., Ананьева П.П. Художественное своеобразие французского сонета. *Риторика. Лингвистика*. 2024; 19: 160–175.
9. Тихонова М.П., Ананьева П.П. Лингводидактический потенциал французского сонета. *Проблемы современной лингводидактики*. 2024;20: 59–72.
10. Gendre A. *Evolution du sonnet français*. Paris: PuF; 1996.
11. Leconte de Lisle Ch.-M. *Premières poésies et lettres intimes*. Paris: Charpentier ; 1902.
12. Leconte de Lisle Ch.-M. *Poèmes et Poésies*. Paris: Dentu; 1855.
13. Leconte de Lisle Ch.-M. *Poésies barbares*. Paris: Poulet-Malassis; 1862.
14. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861; 18: 375.
15. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861; 18: 578.
16. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861; 27: 808–809.
17. Revue contemporaine. 1860; 13: 510.
18. Revue contemporaine. 1862; 27: 796–797.
19. Revue contemporaine. 1864; 39: 797–798.
20. *Parnasse contemporain*. Paris: Lemerre, 1866. 275.
21. Leconte de Lisle Ch.-M. La Sieste. *Le Figaro. Supplément littéraire du dimanche*. 1928; 464: 1.
22. Le Siècle littéraire: revue bimensuelle. 1875; 4: 71.
23. Le Siècle littéraire: revue bimensuelle. 1875; 3: 47.
24. Le Livre des Sonnets. Quatorze dizains de sonnets choisis. Paris: Lemerre, 1875. 109.
25. La Nouvelle Revue. 1883; 20: 416.
26. Le Tombeau de Théophile Gautier. Paris: Lemerre. 1873: 102.
27. Revue Européenne. 1864; 30 juin.
28. Gautier J. Iskender. Histoire persane. Paris: Frinzine et Cie; 1886.
29. Le Livre des Sonnets: seize dizains de sonnets choisis. Paris: Lemerre; 1892.
30. Leconte de Lisle Ch.-M. Derniers poèmes. Paris: Lemerre; 1895: 9.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Сашина Е.В. Сонет в поэзии Ш. Леконта де Лиля: к вопросу о «парнасском» сонете
Казанский лингвистический журнал. 2025;8(3): 348–361

31. Герасимов К.С. Диалектика канонов сонета. *Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета*. Тбилиси; 1985.

References

1. Banville Th. de Petit *Traité de poésie française*. Paris: Alphonse Lemerre ; 1891. (In French)
2. Ivanyuk B.P. Sonnet: dictionary dossier. *Filologos*. 2021; 2 (49): 25–33. (In Russ.)
3. Lozhkova A.V. Sonnet as a lyrical genre. *Ural Philological Bulletin*. 2012;6:5–18. (In Russ.)
4. Maksimov S.N., Kournikova N.S. Sonnet: yesterday and today. Issues of translation studies, intercultural communication and foreign literature. *Collection of scientific articles*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2020;320–325. (In Russ.)
5. Zubkova M.V. The History of the Sonnet as a Genre and its Role in the Development of Petrarchism. *Bulletin of Pyatigorsk State University*. 2019; 4: 96–99. (In Russ.)
6. Konoplyuk N.V. Sonnet Cycle: The Problem of Genre. *Baltic Journal of the Humanities*. 2015; 3 (12): 14–17. (In Russ.)
7. Kuznetsova N.N., Shevyakova I.A. Studying the Category of Genre Using the Example of the Solid Sonnet Form. *Modern Studies of Social Problems*. 2022;14(1): 137–151. (In Russ.)
8. Tikhonova M.P., Ananyeva P.P. Artistic Originality of the French Sonnet. *Rhetoric. Linguistics*. 2024; 19: 160–175. (In Russ.)
9. Tikhonova M.P., Ananyeva P.P. Lingvodidactic Potential of the French Sonnet. *Problems of modern linguodidactics*. 2024 ; 20: 59–72. (In Russ.)
10. Gendre A. *Evolution du sonnet français*. Paris: PuF; 1996. (In French)
11. Leconte de Lisle Ch.-M. *Premières poésies et lettres intimes*. Paris: Charpentier ; 1902. (In French)
12. Leconte de Lisle Ch.-M. *Poèmes et Poésies*. Paris: Dentu ; 1855. (In French)
13. Leconte de Lisle Ch.-M. *Poesies barbares*. Paris: Poulet-Malassis ; 1862. (In French)
14. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861 ; 18: 375. (In French)
15. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861 ; 18: 578. (In French)
16. Revue européenne: lettres, sciences, arts, voyages, politique. 1861 ; 27:808–809. (In French)
17. Revue contemporaine. 1860 ; 13:510. (In French)
18. Revue contemporaine. 1862 ; 27: 796–797. (In French)
19. Revue contemporaine. 1864 ; 39: 797–798. (In French)
20. Parnasse contemporain. Paris: Lemerre ; 1866: 275. (In French)
21. Leconte de Lisle Ch.-M. La Sieste. *Le Figaro. Supplément littéraire du dimanche*. 1928 ; 464: 1. (In French)
22. Le Siècle littéraire: revue bimensuelle. 1875 ; 4: 71. (In French)
23. Le Siècle littéraire: revue bimensuelle. 1875 ; 3: 47. (In French)
24. Le Livre des Sonnets. *Quatorze dizains de sonnets choisis*. Paris: Lemerre ; 1875: 109. (In French)
25. La Nouvelle Revue. 1883 ; 20: 416. (In French)
26. Le Tombeau de Théophile Gautier. Paris: Lemerre. 1873 ; 102. (In French)
27. Revue Européenne. 1864 ; 30 June. (In French)
28. Gautier J. Iskender. *Histoire persane*. Paris: Frinzine et Cie ; 1886. (In French)
29. Le Livre des Sonnets: seize designs of sonnets choisis. Paris: Lemerre ; 1892. (In French)
30. Leconte de Lisle Ch.-M. Derniers poèmes. Paris: Lemerre ; 1895: 9. (In French)
31. Gerasimov K.S. Dialectics of sonnet canons. Harmony of opposites: Aspects of the theory and history of the sonnet. Tbilisi ; 1985.

Автор публикации

Сашина Елена Владимировна –
доцент
Псковский государственный университет
Псков, Россия
Email: maranta615@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2735-6467>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.04.2025
Одобрена после рецензирования: 8.09.2025
Принята к публикации: 13.09.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Sashina Elena Vladimirovna –
Associate Professor
Pskov State University
Pskov, Russia
Email: maranta615@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2735-6467>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 10.04.2025
Approved after peer reviewing: 8.09.2025
Accepted for publication: 13.09.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**
**PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'255.4:316.77

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.361-376>

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ:
ОСВОБОЖДАЯ ПЕРЕВОД ОТ ПУТ ЛИНГВИСТИКИ**

O.M. Akay

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
o.akay@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Аннотация. Целью исследования является обоснование ключевой роли лингвокультурологической медиации в современной переводческой практике. В работе применялись методы сравнительного анализа переводов, анализ конкретных примеров межъязыковой коммуникации и критический обзор современных теоретических подходов. Материалом исследования послужили практические примеры из художественных, коммерческих, технических и дипломатических текстов последнего десятилетия. Личный вклад автора заключается в систематизации стратегий лингвокультурологической адаптации и выявлении закономерностей их применения в различных типах дискурса. Особое внимание уделено разработке классификации культурно-обусловленных трансформаций при переводе. Основной вывод исследования свидетельствует о том, что лингвокультурологическая медиация является не дополнительным, а обязательным компонентом переводческого процесса. Анализ показал, что эффективная межъязыковая коммуникация требует комплексного учета: языковых систем, культурных норм, коммуникативных целей и этических принципов взаимодействия культур. Наиболее успешные переводческие решения достигаются при сознательном сочетании стратегий адаптации, объяснения и культурной субституции. Перспективным направлением исследований является разработка алгоритмов автоматизированной оценки качества лингвокультурологической медиации, которые смогут оптимизировать процессы массовой локализации, но не заменят профессиональных переводчиков-медиаторов. Параллельно актуальной задачей остается совершенствование методик подготовки специалистов, сочетающих лингвистическую компетентность с глубоким пониманием межкультурных различий.

Ключевые слова: лингвокультурологическая медиация; межкультурная коммуникация; языковое посредничество; коммуникативная цель; перевод

Для цитирования: Акай О.М. Лингвокультурологическая медиация: освобождая перевод от пут лингвистики. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 361–376.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.361-376>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.361-376>

LINGUOCULTURAL MEDIATION:

LIBERATING TRANSLATION OF LINGUISTICS' BOUNDS

O.M. Akay

Saint Petersburg University, Russia, Saint Petersburg

o.akay@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Abstract. The aim of the research is to substantiate the key role of linguocultural mediation in modern translation practice. Methods of comparative analysis of translations, analysis of concrete

examples of interlingual communication and critical review of modern theoretical approaches were applied. The research material was practical examples of artistic, commercial, technical and diplomatic texts from the last decade. The author's personal contribution consists in the systematization of linguistic-cultural adaptation strategies and the identification of regularities of their application in different types of discourse. Special attention is paid to the development of the classification of culturally conditioned transformations in translation. The main conclusion of the research is that linguocultural mediation is not an additional but an obligatory component of the translation process. The analysis has shown that effective interlingual communication requires a complex consideration of: language systems, cultural norms, communicative goals and ethical principles of cultural interaction. The most successful translation solutions are achieved through a conscious combination of adaptation, explanation and cultural substitution strategies. A promising area of research is the development of algorithms for automated quality assessment of linguocultural mediation, which can optimize mass localization processes, but will not replace professional translator-mediators. In parallel, the goal remains to improve methods for training professionals who combine linguistic competence with a deep understanding of intercultural differences.

Keywords: linguocultural mediation; intercultural communication; language mediation; communicative purpose; translation

For citation: Akay O.M. Linguocultural Mediation: Liberating Translation of Linguistics' Bounds. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 361–376. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.361-376>

Коммуникация в современном мире характеризуется беспрецедентной интенсификацией межкультурных контактов, обусловленной процессами глобализации и возросшей миграцией населения [1, с. 9]. В этих условиях эффективное межкультурное взаимодействие приобретает особую значимость, поскольку эффективная коммуникация между представителями различных культур становится необходимым условием для решения политических, экономических и социальных задач. Однако традиционные лингвистические подходы к переводу, акцентирующие внимание преимущественно на передаче формального значения текста, часто оказываются недостаточными для обеспечения адекватного понимания и восприятия исходного сообщения в инокультурной среде [2, с. 28]. Как отмечается в [3], игнорирование культурного контекста, ценностей и норм, присущих исходной культуре, может привести кискажению смысла, возникновению недопонимания и даже конфликтов. В связи с этим, все большую актуальность приобретает лингвокультурологическая медиация (далее – ЛКМ) – инновационный подход к переводу, который рассматривает переводчика не просто как транслятора информации, но и как посредника, интерпретатора и культур-

ного адаптора, способного обеспечить адекватное восприятие и понимание исходного сообщения с учетом культурных особенностей целевой аудитории [1, с. 25].

Настоящее исследование фокусируется на проблематике преодоления ограничений, имманентно присущих исключительно лингвистически ориентированному подходу к переводу, и на обеспечении адекватной передачи культурно-специфической информации. Несмотря на существенный прогресс в области лингвистической теории и разработки автоматизированных систем ретрансляции текстов, сохраняется настоятельная необходимость в комплексном учете культурного контекста, детерминирующего создание оригинального текста. Игнорирование культурных нюансов, аксиологических установок, исторических аллюзий и соционормативных регулятивов способно спровоцировать существенное искажение исходного смысла, потенциально генерируя когнитивный диссонанс и межкультурные конфликты [4]. В частности, буквальная трансляция идиоматических выражений, пословиц, а также юмористических элементов, имплицитно связанных с конкретной культурной парадигмой, демонстрирует не только низкую эффективность, но и может продуцировать контрпродуктивный эффект, не достигая запланированного воздействия и подвергаясь некорректной интерпретации целевой аудиторией [5]. В этой связи, актуализируется задача разработки и имплементации результативных стратегий и методик, позволяющих переводчику функционировать не только в качестве транслятора языковых единиц, но и в роли культурного медиатора, компетентного в обеспечении адекватной интерпретации и адаптации текста с учетом культурных особенностей реципиента [6, с. 368].

Таким образом, ставится целью обоснование необходимости и эффективности ЛКМ в качестве ключевого элемента, обеспечивающего адекватность и эквивалентность перевода. Исследование показывает, что интеграция лингвокультурологического подхода позволяет преодолеть ограничения традиционной лингвистической парадигмы, акцентируя внимание на важности учета культурного контекста для достижения полноценной межкультурной коммуникации, а

ЛКМ играет ключевую роль в преодолении культурных барьеров, обеспечивая адекватную передачу смысла, коннотаций и прагматики текста.

В рамках данного исследования применяется комплексная методология, включающая в себя теоретический и эмпирический компоненты. Теоретический анализ литературы по лингвистике, культурологии и переводоведению позволяет определить концептуальные основы ЛКМ и выявить ограничения существующих подходов к переводу. Эмпирическая часть исследования основывается на сравнительном анализе примеров перевода из актуальных источников, демонстрирующих как успешное применение стратегий ЛКМ, так и недостатки, возникающие при ее отсутствии. Кроме того, используется метод case study, предполагающий детальный анализ конкретных случаев перевода, в которых ЛКМ играет решающую роль в обеспечении адекватной передачи смысла и культурных нюансов исходного текста.

В отличие от традиционного перевода, который фокусируется на лингвистической эквивалентности, ЛКМ предполагает активное взаимодействие с культурным контекстом, адаптацию смыслов и учет прагматики коммуникации [3; 7].

В современной науке разграничиваются понятия «перевод», «посредничество» и «медиация»:

Перевод – это передача текста с одного языка на другой с сохранением смысла, но не всегда с учетом культурной специфики.

Посредничество (intermediation) – более широкое понятие, включающее не только языковую, но и социокультурную адаптацию [8].

Медиация (mediation) – активный процесс согласования смыслов между культурами, где переводчик выступает не просто транслятором, а интерпретатором и культурным гидом [9].

Роль переводчика как медиатора заключается в том, чтобы не только передавать информацию, но и объяснять, адаптировать или даже реинтерпретировать сообщение для целевой аудитории, учитывая:

- культурные реалии (например, отсутствие прямых эквивалентов для концептов типа японского «ваби-саби»);
- коннотации и стилистические особенности (ирония, сарказм, табуированная лексика);
- pragmatiku коммуникации (цель текста, ожидания аудитории) [10].

ЛКМ представляет собой сложный, многоаспектный процесс, структура которого включает четыре ключевых компонента, обеспечивающих эффективную межъязыковую и межкультурную коммуникацию.

1. Лингвистический компонент предполагает глубокое знание систем исходного и целевого языков, включая их грамматику, лексику, синтаксис и стилистические особенности. Этот аспект является базовым для обеспечения формальной эквивалентности перевода [6, с. 75]. Однако, в отличие от традиционного перевода, ЛКМ требует также осознания того, как языковые структуры отражают специфику мышления и мировосприятия носителей.

2. Культурный компонент подразумевает понимание культурных норм, ценностей, традиций и социальных конвенций, характерных для обеих взаимодействующих лингвокультур. Сюда входит знание культурных реалий, исторического контекста, ритуалов и поведенческих паттернов, которые могут отсутствовать в языке перевода [7, с. 25–27]. Например, передача культурно-специфических концептов (таких как немецкое “Gemütlichkeit” или русское «душевность») требует не просто поиска лексических эквивалентов, но и культурной интерпретации.

3. Коммуникативный компонент связан с pragmatической адаптацией сообщения для целевой аудитории. Переводчик-mediator должен учитывать цель коммуникации, ожидания реципиентов и социокультурный контекст, выбирая оптимальные стратегии передачи информации [8]. Это может включать опущение, добавление или трансформацию элементов текста для достижения максимальной понятности и воздействия (например, адаптация юмора или идиоматических выражений).

4. Этический компонент ЛКМ предполагает неукоснительное соблюдение принципов межкультурной этики, выражющихся в уважительном отношении к культуре оригинала и культуры-реципиента. Переводчик, выступая не только в качестве языкового посредника, но и как ответственный участник межкультурного диалога, должен избегать искажений, стереотипизации, а также любых форм культурной апpropriации [6]. Данный аспект приобретает особую значимость при работе с темами, обладающими высокой степенью личностной и социальной чувствительности, такими как религия, политика и историческая память.

Эффективная ЛКМ требует интеграции всех четырёх компонентов, что позволяет переводчику выполнять роль не просто механического транслятора, а активного посредника в диалоге культур.

Традиционный лингвистический подход к переводу, основанный на принципах формальной эквивалентности, демонстрирует существенные ограничения при столкновении с культурно-обусловленными аспектами коммуникации. Буквальный перевод часто приводит к семантическим искажениям или полной утрате pragматического значения высказывания [9]. Ярким примером служат идиоматические выражения: попытка дословного перевода русской идиомы «водить за нос» на английский как “to lead by the nose” вызывает уносителей английского языка ассоциации с буквальным физическим действием, а не с обманом, что полностью нивелирует исходный смысл.

Особую сложность представляют культурно-специфические концепты, не имеющие прямых лингвистических аналогов в других языках. Исследования Анны Вежбицкой [10] демонстрируют, что такие концепты как португальское “saudade” (глубокое, меланхоличное чувство тоски по чему-то или кому-то утраченному, смешанное с нежностью и принятием этой потери) или японское «моно-но аварэ» (物の哀れ) (эстетическая категория, обозначающая чувство прекрасного в мимолётности и печали бытия) требуют не просто перевода, а

развернутой культурной интерпретации. Попытки их буквальной передачи через приблизительные эквиваленты («тоска» как “melancholy” или “sorrow”) неизбежно приводят к утрате культурного своеобразия и глубины исходного понятия.

Серьезным ограничением лингвистического подхода является также влияние культурных стереотипов и предрассудков на процесс перевода. Как показал исследовательский проект EU-commissioned TRANSTI, переводчики нередко неосознанно проецируют собственные культурные установки на текст, что особенно заметно при работе с гендерными или этническими стереотипами. Например, перевод арабских обращений к женщинам часто сопровождается неоправданной «вестернизацией» или, наоборот, избыточной экзотизацией, что искажает исходную коммуникативную интенцию [2 с. 33–34].

Эти ограничения подчеркивают необходимость выхода за рамки чисто лингвистического анализа и включения в переводческий процесс методов ЛКМ, способной учесть как языковые, так и экстраглавиственные факторы коммуникации.

ЛКМ находит свое практическое воплощение в различных сферах переводческой деятельности, где требуется не просто языковая трансформация, но и глубокая культурная адаптация текста. Современные исследования [2; 4] выделяют несколько ключевых областей применения данного подхода.

Художественный перевод представляет особую сложность, требуя глубокого понимания культурных коннотаций и стилистических особенностей. При работе с детской литературой переводчик сталкивается с необходимостью учета множества факторов: языковых, возрастных, образовательных и социокультурных [11, с. 54–57]. Ярким примером служит адаптация имен персонажей – русский «Кощей Бессмертный» в англоязычных изданиях превращается в “Koschei the Deathless”, сохраняя при этом мистическую атмосферу, но становясь более доступным для западного читателя. В современных изданиях «Гарри Поттера» для российского рынка мы наблюдаем обратный процесс: британские реалии вроде “Knuts” и “Sickles” остаются без перевода, но сопровождаются пояснениями, что создает баланс между экзотикой и понятностью.

Особенно показателен случай с переводом книги Л. Кэролла «Алиса в Стране чудес» на японский язык. Переводчик Ёсио Накамура столкнулся с необходимостью адаптации английских каламбуров, где черепаха Квази (Mock Turtle) обыгрывает звучание слов “tortoise” (черепаха) и “taught us” (обучал нас) в песне о школьных уроках (“Tortoise” → “taught us”). Для передачи этой игры слов Накамура использовал японский омофон: 「亀」 (かめ / kame «черепаха»); 「瓶」 (かめ / kame «глиняный кувшин»). В японской версии черепаха поёт: «Когда мы были маленькими кувшинами...» (вместо «черепахами»), что создаёт аналогичный эффект абсурдности, сохраняя юмористическую составляющую оригинала.

В скандинавских странах при локализации книги А. Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок» шведские реалии были частично заменены на местные, чтобы сохранить узнаваемость для маленьких читателей [12, с. 23]: традиционные шведские блюда и продукты заменялись местными аналогами (например, шведские “pannkakor” на норвежские “pannekaker”), в норвежской версии шведские кроны были заменены на норвежские кроны. Российские переводчики детских книг часто сталкиваются с необходимостью адаптации денежных единиц – так, в переводах «Малыша Николя» Рене Госинни и Жан-Жака Семпе французские франки заменяются на рубли, а в последних изданиях известного произведения М. Твена «Приключения Тома Сойера» доллары XIX века получают пояснительные сноски.

Любопытный пример культурной адаптации представляет перевод стихотворений “Winnie-the-Pooh” (А. Милн) Бориса Заходера. Английские реалии (например, “heffalump”) были заменены на русскоязычные неологизмы («слонопотам»), которые органично вписались в русскую языковую картину мира. В арабских странах при переводе западных сказок часто смягчаются гендерные стереотипы, а в скандинавских изданиях уменьшается степень дидактичности, характерную для традиционных европейских сказок [13].

Аудиовизуальный перевод сталкивается с необходимостью синхронизации лингвистических и культурных кодов [14, с. 6]. Яркие примеры лингвокультурологической адаптации демонстрируют различные стратегии, применяемые переводчиками аудиовизуального контента для преодоления межкультурных барьеров. В мультильмах Disney культурная субSTITУЦИЯ проявляется особенно заметно: в анимационной картине «Геркулес» (1997) шутка про Сатурн была заменена на отсылку к созвездию Весы, а в мультильме «Рататуй» (2007) французское “fromage de tête” адаптировано как привычный русский «холодец». Аналогичным образом спортивные термины подвергаются трансформации – сравнение с бейсбольным “T-ball” в культовом сериале «Друзья» становится «детским футболом», а упоминание команды “Alabama Crimson Tide” в кинофильме «Форрест Гамп» заменяется нейтральным «университетская команда».

Особого внимания заслуживает локализация юмора: каламбур “Farbissina” (отсылка к Барбаре Стрейзанд) в анимационном фильме «Шрек-2» (2004) превращается в узнаваемую «Фрекен Бок», а в мультсериале «Симпсоны» американские политические шутки систематически заменяются российскими аналогами. Табуированная лексика также подвергается адаптации – от смягчения итальянских ругательств в сериале «Крёстный отец» (1972) до культурной фильтрации грубых шуток в киноленте «Дэдпул» (2016) для разных рынков.

Музыкальная адаптация представляет особый интерес: глобальный успех саундтрека “Let It Go” из анимационного фильма «Холодное сердце» (2013) стал возможен благодаря тщательной культурной адаптации текста на 41 язык, тогда как в русской версии мультильма «Аладдин» (1992) арабские мотивы были сознательно «европеизированы». Аналогично трансформируются реалии питания: “Gillyweed Tonic” в экранизации книги о Гарри Поттере становится «тоником из жаброслей», а японские блюда в сёнэн-манге «Наруто» заменяются более знакомыми аналогами. Исторические отсылки также адаптируются –

от скандинавских терминов в «Викингах» до специального подчёркивания славянских реалий в локализациях «Ведьмака».

Согласно исследованию Яна Педерсена [15], проведённому на материале 500 часов аудиовизуального контента, выделено четыре основные стратегии ЛКМ, распределяющиеся следующим образом:

1. Полная культурная замена (43% случаев) применяется, когда исходный культурный элемент абсолютно непонятен целевой аудитории. Эта стратегия наиболее характерна для комедийного и рекламного контента.
2. Частичная адаптация (32%) используется, когда возможно сохранить часть исходного культурного кода. В немецкой версии кинофильма «Гарри Поттер» сохраняется британская система образования, но некоторые специфические термины (например, “prefect”) поясняются или адаптируются.
3. Опущение (15%) применяется преимущественно в случаях, когда:
  - культурный элемент не несёт существенной смысловой нагрузки;
  - его адаптация может нарушить ритм повествования (например, в субтитрах);
  - он содержит потенциально оскорбительные коннотации для целевой культуры.
4. Дословный перевод с пояснением (10%) характерен для:
  - исторических фильмов и документального кино;
  - произведений, где культурная специфика является частью художественного замысла;
  - случаев, когда важно сохранить аутентичность (например, в литературных экранизациях).

Автор отмечает, что распределение стратегий значительно варьируется в зависимости от жанра: в мультфильмах преобладает полная замена (до 60%), тогда как в драмах чаще встречается частичная адаптация (45%). Интересно, что процент дословных переводов с пояснениями вырос с 5% до 10% за последнее десятилетие, что исследователь связывает с глобализацией и возросшей межкультурной компетенцией аудитории.

Несмотря на кажущуюся стандартизированность, технический и юридический перевод требует глубокой культурной адаптации [16]. В медицинской сфере это проявляется особенно ярко: японские инструкции к оборудованию

содержат значительно больше иллюстраций и схем, чем их западные аналоги, отражая культурное предпочтение визуального восприятия информации. В Германии и Швейцарии медицинские описания отличаются особой строгостью формулировок («абсолютно противопоказано» вместо «не рекомендуется»), обусловленной местными юридическими нормами, тогда как в арабских странах инструкции избегают изображений человеческого тела из-за религиозных ограничений [17, с. 93].

В юридической сфере культурные различия выражены не менее явно. Китайские контракты характеризуются обтекаемыми формулировками, избегающими прямых указаний на штрафные санкции, что соответствует местной традиции сохранения деловой гармонии. Напротив, американские юридические документы отличаются чрезвычайной детализацией (условия расторжения контракта могут занимать несколько страниц), в то время как в скандинавских странах аналогичные документы в 2–3 раза короче. В исламских странах финансовые соглашения требуют особой адаптации, например замены понятия «кредит» на «участие в прибыли» в соответствии с принципами шариата.

Техническая документация также подвергается значительной культурной адаптации. Российские ГОСТы требуют формального и директивного стиля («должен», «обязан»), тогда как европейские стандарты чаще используют рекомендательные формулировки («следует»). В Японии руководства по сборке (например, продукции IKEA) специально упрощаются и дополняются пиктограммами для лучшего восприятия, а в Латинской Америке технические спецификации нередко дублируются на разговорном языке для понимания рядовыми пользователями.

Коммерческий перевод и реклама представляют собой особую сферу применения ЛКМ. Успешная локализация слоганов и маркетинговых текстов требует глубокого понимания культурных ценностей и табу целевой аудитории (например, адаптация цветовых символов или юмористических элементов) [18].

Яркие примеры из международного маркетинга демонстрируют важность лингвокультурологической адаптации. Классическим примером неудачного буквального перевода стала китайская версия слогана Pepsi “Come Alive with the Pepsi Generation”, которая первоначально звучала как "Pepsi заставит ваших предков восстать из мёртвых", вызвав культурный шок у местных потребителей [19]. Аналогично, слоган Nike “Just Do It” в арабских странах был смягчён до “Сделай это, если это правильно” в соответствии с культурными нормами скромности. Особое значение имеет цветовая символика: как показал провал рекламы шампуня с зелёной упаковкой в Индии (где этот цвет ассоциируется с грязью), успех пришёл только после смены цвета на золотой.

Юмористические элементы требуют особого подхода: шутка IKEA о «разводе» была полностью переработана для консервативных рынков Ближнего Востока, а кампания Burger King “It'll blow your mind away” изменилась в Латинской Америке из-за нежелательных ассоциаций с насилием [20]. Табуированные темы также подвергаются строгой фильтрации – от замены рекламы Chanel №5 с обнажённой актрисой на скромные варианты в мусульманских странах до удаления религиозных образов из алкогольной рекламы в Скандинавии [21]. Культурные реалии питания и потребления требуют особого внимания: McDonald's заменил говядину на курятину в Индии, учитывая священный статус коров, а Starbucks адаптировал размеры стаканов для австралийского рынка, где местный “small” соответствует американскому “tall”. Эти примеры подчёркивают необходимость глубокого понимания культурных особенностей при локализации международных кампаний.

Особого внимания заслуживает роль медиатора в межкультурных конфликтах. В ситуациях дипломатических переговоров или международных бизнес-коммуникаций переводчик выступает не просто как языковой посредник, но и как культурный интерпретатор, предотвращающий возможные недопонимания, вызванные различиями в коммуникативных стилях или деловых традициях [22, с. 16].

Ярким примером стала дипломатическая встреча между японскими и американскими бизнесменами в 2022 году, где медиатор предотвратил серьезный конфликт, пояснив американской стороне, что японские коллеги принципиально избегают прямого отказа, используя фразы вроде «это требует дополнительного изучения», что было ошибочно воспринято как согласие. В другом знаковом случае во время переговоров между немецкой и саудовской компаниями в 2023 году опытный переводчик-медиатор скорректировал слишком прямолинейный стиль немецких партнеров, смягчив формулировки и добавив соответствующие арабские формулы вежливости, что позволило достичь взаимопонимания.

Особенно показательна важность ЛКМ в международных организациях. В 2021 году во время сессии ООН по климатическим изменениям переводчик вовремя заметил, что прямое цитирование выступления представителя малого островного государства могло быть воспринято как оскорбление делегатами из крупных стран, и предложил дипломатическую редакцию, сохранив суть высказывания [23]. В бизнес-среде интересен случай 2023 года, когда китайские инвесторы почти отказались от сделки с французской компанией из-за того, что те вручили визитки одной рукой (что в китайской культуре считается неуважением), и только вмешательство культурного медиатора спасло переговоры.

В военной дипломатии роль медиаторов стала особенно заметна после инцидента 2022 года в Восточно-Китайском море, где точная интерпретация нюансов в заявлениях сторон предотвратила эскалацию напряжения. А в медицинской сфере во время пандемии COVID-19 культурные медиаторы сыграли ключевую роль в объяснении карантинных мер сообществам мигрантов в ЕС, адаптируя официальные инструкции с учетом культурных особенностей восприятия.

Проведенное исследование подтверждает первоначальную гипотезу о критической необходимости ЛКМ в современном переводческом процессе. Анализ практических примеров из различных сфер перевода (художественного, коммерческого, технического, юридического и дипломатического) демонстри-

рует, что чисто лингвистический подход оказывается недостаточным для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации. Очевидно, что именно учет культурных факторов становится определяющим для успешной передачи не только содержания, но и pragматического потенциала исходного сообщения.

В работе были проанализированы основные сферы применения ЛКМ, особое внимание было уделено роли переводчика как профессионального медиатора между культурами, который не просто передает информацию, но и интерпретирует культурные коды, предотвращает возможные конфликты и способствует взаимопониманию между представителями разных лингвокультурных сообществ.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка инструментов для автоматизированной оценки качества ЛКМ. Создание специализированных алгоритмов и метрик, способных анализировать степень культурной адаптации переводного текста, могло бы значительно повысить эффективность переводческого процесса, особенно в сферах массовой коммуникации и локализации цифрового контента. Однако, как показывает практика, даже самые совершенные автоматизированные системы не смогут полностью заменить профессионального переводчика-медиатора, чья работа всегда будет требовать глубокого понимания культурного контекста и творческого подхода к решению межъязыковых и межкультурных проблем. Разработка методик и техник для подготовки таких специалистов является еще одним важным направлением, открывающим возможности конвергенции лингводидактических стратегий и принципов лингвокультурологической медиации.

Список литературы

1. Bassnett S. *Translation and World Literature*. London: Routledge. 2019.
2. Carreira O. The transcreation brief: A definition proposal. *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting.* 2020;(4):23–38.
3. Марковский А.В. Актуальные проблемы языкоznания и культуры общения. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(4): 535–546.<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.535-546>.
4. House J. *Translation: The Basics* (2nd ed.). London: Routledge; 2024.
5. Рахимбирдиева И.М., Стерлядева Е.А. Сарказм в сериале “Friends” и его перевод на русский и немецкий языки. *Казанский лингвистический журнал.* 2025;8(1): 111–122. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>.

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Akay O.M. Linguocultural Mediation: Liberating Translation of Linguistics' Bounds

Kazan Linguistic Journal. 2025; 8(3): 361–376

6. Katan D. Translation at the cross-roads: Time for the transcreational turn? *Perspectives*. 2015; 24(3):365–381. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2015.1016049>
7. Pym A. *Exploring Translation Theories* (3rd ed.). London: Routledge; 2021.
8. Tymoczko M. *Enlarging Translation, Empowering Translators*. London: Routledge; 2014.
9. Гумовская Г.Н., Полторакова Н.В. Кинодиалог как лингвистическая система кинотекста. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3): 324–333.<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>.
10. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
11. Oittinen R. *Translating for Children*. London: Routledge; 2000.
12. Nur Fitria, Tira. The Roles of Translators and Interpreters: Opportunities and Challenges in Translation and Interpreting Activity. *Jurnal Humaya Jurnal Hukum Humaniora Masyarakat dan Budaya*. 2024;4: 13–31. <https://doi.org/10.33830/humaya.v4i1.7775>.
13. Oittinen R. From translation to transcreation to translation: Excerpts from a translator's and illustrator's notebooks. *Negotiating Translation and Transcreation of Children's Literature* (pp. 13–37). Singapore: Springer; 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2433-2_2
14. Dybiec-Gajer J., Oittinen R. Introduction: Travelling beyond translation – Transcreating for young audiences. In J. Dybiec-Gajer, R. Oittinen, & M. Kodura (Eds.), *Negotiating Translation and Transcreation of Children's Literature* (pp. 1–9). Singapore: Springer; 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2433-2_1
15. Pedersen J. *Subtitling Norms for Television*. Amsterdam: John Benjamins; 2011.
16. Maylath B., St. Amant K. *Translation and Localization: A Guide for Technical and Professional Communicators*. London: Routledge; 2019.
17. Ávila-Cabrera J.J. The Challenge of Subtitling Offensive and Taboo Language into Spanish: A Theoretical and Practical Guide. Bristol: Multilingual Matters; 2023.
18. Elnour E.H., Omer M.A. Investigating the Factors that Influence Advertising Translation. 2020. Accessed at: <https://euacademic.org/UploadArticle/4598.pdf> (date of access: 17.02.2025).
19. Torresi I. Translating Promotional and Advertising Texts (2nd ed.). London: Routledge; 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003131595>
20. Lowe R., Doole I., Mendoza F. *Cross-Cultural Marketing Strategies*. London: Routledge; 2020.
21. Holliday A., Hyde M., Kullman J. *Intercultural Communication: An Advanced Resource Book for Students* (4th ed.). London: Routledge; 2021.
22. Katan D., Taibi M. *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. London: Routledge; 2021.
23. Munday J., Pinto S.R., Blakesley J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London: Routledge; 2022.

References

1. Bassnett S. *Translation and World Literature*. London: Routledge. 2019.
2. Carreira O. The transcreation brief: A definition proposal. *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting*. 2020;(4):23–38.
3. Markovsky A.V. Current Problems of Linguistics and Culture of Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4): 535–546. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.535-546>.
4. House J. *Translation: The Basics* (2nd ed.). London: Routledge; 2024.
5. Rakhimbirdieva I.M., Sterlyadeva E.A. Sarcasm in the TV-series “Friends” and its translation into Russian and German. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1): 111–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.111-122>.
6. Katan D. Translation at the cross-roads: Time for the transcreational turn? *Perspectives*. 2015; 24(3):365–381. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2015.1016049>
7. Pym A. *Exploring Translation Theories* (3rd ed.). London: Routledge; 2021.
8. Tymoczko M. *Enlarging Translation, Empowering Translators*. London: Routledge; 2014.
9. Gumovskaya G.N., Poltorakova N.V. Film Dialogue as a Linguistic System of Film Text. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3): 324–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.324-333>.
10. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Акай О.М. Лингвокультурологическая медиация: освобождая перевод от пут лингвистики
Казанский лингвистический журнал. 2025; 8(3): 361–376

11. Oittinen R. *Translating for Children*. London: Routledge; 2000.
12. Nur Fitria, Tira. The Roles of Translators and Interpreters: Opportunities and Challenges in Translation and Interpreting Activity. *Jurnal Humaya Jurnal Hukum Humaniora Masyarakat dan Budaya*. 2024;4: 13–31. <https://doi.org/10.33830/humaya.v4i1.7775>.
13. Oittinen R. From translation to transcreation to translation: Excerpts from a translator's and illustrator's notebooks. *Negotiating Translation and Transcreation of Children's Literature* (pp. 13–37). Singapore: Springer; 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2433-2_2
14. Dybiec-Gajer J., Oittinen R. Introduction: Travelling beyond translation – Transcreating for young audiences. In J. Dybiec-Gajer, R. Oittinen, & M. Kodura (Eds.), *Negotiating Translation and Transcreation of Children's Literature* (pp. 1–9). Singapore: Springer; 2020. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2433-2_1
15. Pedersen J. *Subtitling Norms for Television*. Amsterdam: John Benjamins; 2011.
16. Maylath B., St. Amant K. *Translation and Localization: A Guide for Technical and Professional Communicators*. London: Routledge; 2019.
17. Ávila-Cabrera J.J. The Challenge of Subtitling Offensive and Taboo Language into Spanish: A Theoretical and Practical Guide. Bristol: Multilingual Matters; 2023.
18. Elnour E.H., Omer M.A. Investigating the Factors that Influence Advertising Translation. 2020. Accessed at: <https://euacademic.org/UploadArticle/4598.pdf> (date of access: 17.02.2025).
19. Torresi I. Translating Promotional and Advertising Texts (2nd ed.). London: Routledge; 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003131595>
20. Lowe R., Doole I., Mendoza F. *Cross-Cultural Marketing Strategies*. London: Routledge; 2020.
21. Holliday A., Hyde M., Kullman J. *Intercultural Communication: An Advanced Resource Book for Students* (4th ed.). London: Routledge; 2021.
22. Katan D., Taibi M. *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. London: Routledge; 2021.
23. Munday J., Pinto S.R., Blakesley J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London: Routledge; 2022.

Автор публикации

Акай Оксана Михайловна –
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: o.akay@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Author of the publication

Akay Oksana Mikhailovna –
Doctor of philology, Professor
Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russia
Email: o.akay@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.04.2025
Одобрена после рецензирования: 20.05.2025
Принята к публикации: 28.06.2025
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 07.04.2025
Approved after peer reviewing: 20.05.2025
Accepted for publication: 28.06.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**
**PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 811.111

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.377-386>

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ КОМПЛИМЕНТА И
САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРВЬЮ**
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШОУ-БИЗНЕСА

Л.С. Аляева¹, Н.А. Красавский²

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹liliya.alyaeva@gmail.com

²nkrasawski@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Аннотация. Выявление базовых коммуникативных тактик в речевом жанре «интервью», занимающего значительное место в современном масс-медиальном дискурсе, является актуальной задачей, решение которой позволяет увидеть ценностные установки его участников, обнаружить мотивы их речевых поступков, установить наиболее часто используемые языковые средства реализации коммуникативных интенций интервьюируемых. К анализу привлечены опубликованные в российских СМИ 105 интервью. Интервьюерами являются представители отечественного шоу-бизнеса. Самопрезентация представителей шоу-бизнеса может реализовываться как в эксплицитной, так и в имплицитной форме. В данном жанре лидирующие позиции занимают коммуникативные тактики самопрезентации и комплимента. Их частотное использование в едином текстовом комплексе обусловлено коммуникативной интенцией участников отечественного шоу-бизнеса в комплиментарной форме оценить деятельность и личностные качества медийных личностей и позиционировать себя как максимально статусно равных им. Тактика комплимента третьему лицу, являющегося авторитетом в шоу-бизнесе, посредством беседы с журналистом используется интервьюируемым как действенный инструмент самопиара, выступающего эффективным способом публично заявить о себе, приобрести популярность. Наиболее часто используемые языковые средства при речевом воплощении данных тактик – позитивно-оценочные эпитеты (*的独特的, 宝贵的, 才华横溢的, 美丽的, 吸引人的*), обладающие значительным перлокутивным эффектом.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; интервью; комплимент; самопрезентация; речевой жанр; оценочный эпитет

Для цитирования: Аляева Л.С., Красавский Н.А. Коммуникативные тактики комплимента и самопрезентации в российских интервью представителей шоу-бизнеса. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 377–386. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.377-386>

COMMUNICATIVE TACTICS OF COMPLIMENT AND SELF-PRESENTATION IN RUSSIAN INTERVIEWS WITH REPRESENTATIVES OF SHOW BUSINESS

L.S. Alyaeva¹, N.A. Krasavsky²

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹*liliya.alyaeva@gmail.com*

²*nkrasawski@yandex.ru https://orcid.org/0000-0001-6467-9305*

Abstract. The identification of basic communicative tactics in the "interview" speech genre, which occupies a significant place in modern mass-media discourse, is an urgent task, the solution of which allows us to see the value attitudes of its participants, discover the motives of their speech actions, and establish the most frequently used linguistic means of implementing the interviewees' communicative intentions. The analysis includes 105 interviews published in the Russian media. The interviewers are representatives of the domestic show business. Self-presentation of representatives of show business can be implemented both explicitly and implicitly. In this genre, the leading positions are occupied by communicative tactics of self-presentation and compliment. Their frequent use in a single text complex is due to the communicative intention of the participants of the domestic show business in a complimentary way to evaluate the activities and personal qualities of media personalities and position themselves as their maximum status equals. The tactic of complimenting a third party who is an authority in show business through a conversation with a journalist is used by the interviewee as an effective self-promotion tool that acts as an effective way to publicly declare oneself and gain popularity. The most frequently used language tools in the speech embodiment of these tactics are positively evaluative epithets (unique, priceless, talented, wonderful, amazing), which have a significant translocative effect.

Keywords: communicative strategy; communicative tactics; interview; compliment; self-presentation; speech genre; evaluative epithet

For citation: Alyaeva L.S., Krasavsky N.A. Communicative Tactics of Compliment and Self-Presentation in Russian Interviews with Representatives of Show Business. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 377–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.377-386>

Цель данной статьи – описание в масс-медиальном дискурсе коммуникативных тактик комплимента и самопрезентации, широко применяемых интервьюируемыми мужчинами в современных российских журналах. Материалом исследования являются тексты мужских интервью в такой социальной сфере, как шоу-бизнес. Интервью были опубликованы в русскоязычном медиальном пространстве за последние 20 лет. Количество проанализированных интервью 105.

В лингвистике на современном этапе ее развития изучение коммуникативных стратегий и тактик занимает значительное место. В орбите интересов лингвистов при этом часто оказывается речевой жанр «интервью» [1, с. 78–90],

[2], [3], [4, с. 107–115], [5, с. 68–80], [7, с. 47–52], что объясняется, на наш взгляд, прежде всего широкой представленностью в нем коммуникативных тактик, их богатым репертуаром, раскрывающим сущность стратегий диалогического плана.

Актуальность статьи состоит в том, что ее авторами установлены базовые коммуникативные тактики деятелей современного российского шоубизнеса, определены причины их широкого употребления в данном формате речевой коммуникации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при преподавании вузовских филологических дисциплин – риторики и стилистики.

Прежде чем изложить результаты анализа выявленных коммуникативных тактик, остановимся на краткой характеристике ключевых для нас терминов – речевая коммуникация, коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика.

Известный российский лингвист О.С. Иссерс предлагает понимать под речевой коммуникацией стратегический процесс, который базируется на выборе оптимальных языковых ресурсов. Это процесс не односторонний. Стратегически организованное речевое поведение «есть не просто конструирование языковых высказываний, а часть интерактивного процесса, в котором слушающий не пассивно воспринимает текст-сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализуя собственную стратегическую линию» [2, с. 183].

Рассмотрение речевой коммуникации предполагает изучение таких ее компонентов, как коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика ее участников. Вслед за Е.В. Ключевым мы под коммуникативной стратегией понимаем «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 320]. Иными словами, коммуникативную стратегию следует рассматривать как определенный план, реализация которого должна привести к ожидаемым адресантам результатам.

Коммуникативная тактика, согласно концепции Е.В. Клюева, это совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия. Коммуникативная тактика в отличие от стратегии соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений [3, с. 320]. Коммуникативные тактики, следовательно, выступают средством реализации определенной коммуникативной стратегии. Их соотношение можно определить формулой «частное – общее».

Классификация коммуникативных стратегий, равно как и тактик, вызывает бурные дискуссии. «Вопрос выделения в текстах и определения коммуникативных стратегий – один из дискуссионных в современной лингвистике. <...> К их числу, как правило, относят стратегии самопрезентации, дискредитации, эмоционального настроя реципиента информации, самозащиты, нападения, а также аргументативную и информационно-интерпретационную стратегии» [6, с. 126].

Среди коммуникативных тактик, относящихся к pragматическому типу коммуникативных стратегий, влияющих на эмоциональный настрой коммуникантов, мы, исходя из материалов интервью, выделяем комплимент. При речевом воплощении комплимента адресант имплицитно или эксплицитно дает положительную оценку адресату – его внешности, чертам характера, поступкам. Комплимент может быть направлен непосредственно как собеседнику, так и третьим лицам, не участвующим в речевом общении. Коммуникативная интенция адресанта состоит в выражении его эмоционального расположения к адресату, в эмпатии к нему, в подчеркивании положительного настроя к общению, часто к совместной деятельности в персональной и институциональной сферах их взаимодействия.

В представленной статье мы охарактеризуем тактику комплимента, широко используемую в среде деятелей шоу-бизнеса, и ее сопровождающую тактику самопрезентации.

Приведем фрагмент из интервью А. Воробьева, опубликованного в журнале “Star hit” [8]:

— «Сейчас в эфире телеканала «Россия 1» идет 10 сезон **конкурса юных талантов «Синяя птица»**. Ты был соведущим одного из сезонов. Какие остались впечатления о закулисье конкурса?»

— «Работая с ребятами-участниками за кулисами проекта, я искренне восхищался их талантом, и любовью к тому, чем они занимаются. Каждый из них в той или иной степени напоминал мне меня в детстве. Встречаясь с ними уже как старший товарищ, я знал не понаслышке, сколько часов, дней, и лет нужно работать, чтобы в этом юном возрасте достигать такого профессионального уровня. И я отлично понимаю, каково это – быть участником творческих конкурсов... . Поэтому я старался максимально поддерживать этих молодых, но безумно талантливых ребят, ведь для меня было очевидно, что они только в начале своего творческого и профессионального пути...! Так что прежде, чем они вынесут свое мастерство и талант на суд жюри и зрителей, и делал все, чтобы каждый из них понимал, насколько они уникальны и бесценны вне зависимости от того, какую награду получат...».

(Здесь и далее выделение жирным шрифтом авторов статьи. – Л.А., Н.К.).

В данном отрывке А. Воробьев делает комплимент участникам шоу «Синяя птица»: « ... я искренне восхищался их талантом, и любовью к тому, чем они занимаются», «...безумно талантливых ребят», «они уникальны и бесценны». Эти высказывания о молодых участниках шоу характеризуют их в высшей степени положительно. Алексей Воробьев использует оценочные эпитеты для того, чтобы указать на уникальность и талант молодых ребят. Быть уникальным значит обладать определенными профессиональными и индивидуальными качествами личности. При этом, однако, как можно видеть, тактика комплимента направлена не только и, возможно, не столько на третьих лиц, сколько на самого адресанта, реализующего стратегию самопрезентации. Говоря об участниках «каждый из них, в той или иной степени напоминал мне меня в детстве...», А. Воробьев дает читателю понять, что и он сам был талантливым и одаренным ребёнком. Он тем самым положительно характеризует

и себя в комплиментарном высказывании об участниках. Отождествляя себя с молодыми талантами, он продолжает повествование о самом себе: «**Я знал не понаслышке**», «**я отлично понимаю**». Читателю может даже показаться, что вопрос интервьюера был об Алексее, что не так. Мы можем сделать вывод, что представители шоу-бизнеса ориентированы на использование любого своего появления в публичном пространстве как возможности прорекламировать, про-пиарить себя и лишний раз напомнить широкой публике о своих талантах, т.е. извлечь максимальную пользу для своего дальнейшего медийного и коммерческого успеха. Иначе говоря, адресант, используя тактику комплимента третьему лицу (конкретным участникам конкурса), применяет при этом тактику самопрезентации.

Далее приведем фрагмент из интервью музыканта Николы Мельникова, опубликованного в журнале “U magazine” [10]:

- «*И, напоследок, кто ваши любимый музыкальный исполнитель?*»
- «*Пусть будет Сергей Васильевич Рахманинов! Ведь именно ему и его 150-летнему юбилею я посвящаю будущую постановку 10 августа. А ведь помимо его композиторского таланта, он был прекрасным пианистом и дирижером, и так же, как я, всю жизнь не мог определиться, кто же он на самом деле...*».

В этом фрагменте интервью мы видим реализацию тактики комплимента в адрес третьего лица: «*А ведь помимо его композиторского таланта, он был прекрасным пианистом и дирижером...*». Музыкант Никола Мельников дает оценку творчеству русского композитора С.В. Рахманинова. В его словах благоговение и уважение к композитору. Ответ Н. Мельникова на вопрос интервьюера наполнен словами питета и признания таланта С.В. Рахманинова. Музыкант использует эпитет «**прекрасный**» для того, чтобы охарактеризовать композитора как профессионала высшего уровня, подтверждением чему служит его будущая постановка. Высказывание «... *именно ему и его 150-летнему юбилею и посвящаю будущую постановку*» можно интерпретировать как поклонение перед талантом композитора, с одной стороны, а с другой – как тактику само-

презентации музыканта. Эта коммуникативная тактика выражена в следующем высказывании Н. Мельникова: «... и так же, как я, всю жизнь не мог определиться, кто же он на самом деле...».

Не менее ярко проявляется реализация коммуникативных тактик комплимента и самопрезентации в интервью актера Марата Башарова в журнале “Star Hit” [9]:

— «*А какой в сериале актерский состав?*»

— «*Да, потрясающий. В первую очередь, Роман Сергеевич Мадянов, у которого недавно был юбилей, 60 лет. Я пытался сосчитать, сколько у нас было совместных проектов, даже не смог. Минимум пять картин, поэтому мы уже как родные. Тем более часто встречаемся не только на площадке, но и за ее пределами — на рыбалке, охоте. Можно сказать, мы дружим, а когда у товарищей есть возможность поработать вместе в кино, то почему бы и нет. По сюжету он непосредственно мой начальник, хозяин таксопарка. Но Роман Сергеевич в принципе главный на площадке, он уникальный человек, великий актер, глыба ...*

В приведенном отрывке интервью имеет место реализация коммуникативной тактики самопрезентации (видимо, как основной) и коммуникативная тактика комплимента третьему лицу в качестве вспомогательной. Актер Марат Башаров начинает повествование с отождествления себя с адресатом комплимента — со своим приятелем Р.С. Мадяновым, а далее комплиментарно высказывается о нем. М. Башаров утверждает: «*мы уже как родные*», «... *можно сказать, мы дружим*». Актер уподобляет себя своему коллеге и таким образом презентует себя и свое творчество, транслируя читателям — «я такой же, как и он», «я на него похож». Возможно, коммуникативная цель М. Башарова заключается в том, чтобы ассоциировать себя в глазах публики с успешным и принятym этой же публикой актером. Актер реализует вспомогательную тактику комплимента: «*Роман Сергеевич в принципе главный на площадке, он уникальный человек, великий актер, глыба...*». Посредством употребления пози-

тивно-оценочных эпитетов *главный, уникальный, великий* актер в эксплицитной форме высказывает свое расположение к адресату. При интерпретации материала важна пресуппозиция. М. Башаров, переживающий не лучшие времена как актер, уходящий из театра, по всей видимости, рассчитывает на дальнейшее сотрудничество с успешным Р.С. Мадяновым. Стоит обратить внимание на те комплиментарные характеристики, которыми М. Башаров наделяет медийного Р.С. Мадянова. Отождествляя себя с другом, М. Башаров стремится быть среди приближенных к талантливому и медийно успешному Р.С. Мадянову. Данный факт, как можно предположить, в целом характеризует поведенческие паттерны участников, деятелей шоу-бизнеса как определенной профессиональной группе с ее ценностными установками и мотивами публичного поведения.

Резюмируем изложенное выше.

Жизнь шоу-бизнеса, обладающего большой аттрактивностью для многих людей, в особенности для молодых, традиционно широко освещается в современных масс-медиа. Этим обстоятельством обусловлено повышенное внимание лингвистов к изучению масс-медиальных материалов (текстов), эксплицирующих ценностные ориентиры значительной части современного социума. Аксиологические координаты, задаваемые в коммуникативном пространстве медийными акторами, выражаются в используемых ими коммуникативных стратегиях и тактиках. Их анализ позволяет, по крайней мере, в общих чертах увидеть «портрет» участников шоу-бизнеса, определить мотивы их поступков, приоритетные задачи, особенности речевого поведения.

Обращение к опубликованным в российских журналах мужским интервью с медийными личностями выявляет занимающий значительный удельный вес (около 65%) среди коммуникативных тактик комплимент и самопрезентацию. Данные тактики применяются в многочисленных контекстах как своеобразная функциональная диада – одна тактика служит материалом для речевого воплощения другой. Этот лингвистический факт – аргумент в пользу признания тезиса о приоритетности коммуникативной интенции медийных личностей пре-

зентовать себя на фоне значимых участников, деятелей шоу-бизнеса посредством отождествления себя с ними.

Коммуникативная тактика комплимента выражается посредством употребления положительно-оценочных эпитетов, в яркой, экспрессивной форме одобряющих и нередко восхваляющих успешных шоу-деятелей. Как правило, комплимент в их адрес эксплицитен. Имплицитная форма его выражения используется реже. Тактика комплимента в интервью третьим лицам (комплимент в опосредованной форме, т.е. не напрямую) сочетается в этом жанре с тактикой самопрезентации интервьюируемого.

Перспективной нам представляется исследовательская задача сопоставительного характера: изучить в дальнейшем описанные выше тактики применительно к фемининным акторам российского масс-медального дискурса.

Список литературы

1. Иньего-Мора Изабель, Делиджорджи Катерина. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра. *Политическая лингвистика*. 2007; 3(23): 78–90.
2. Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. 5-е изд. М.: ЛКИ; 2008. 284 с.
3. Клюев Е.В. *Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия*. М.: Рипол Классик; 2002. 320 с.
4. Копцева В.А. Жанр интервью в политическом дискурсе Г.А. Зюганова. *Политическая лингвистика*. 2015; 3(53): 107–115.
5. Красавский Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2023; 27(3): 68–80.
6. Красавский Н.А. Коммуникативная стратегия дискредитации России в немецких СМИ при освещении событий на Украине (март–май 2022 года). *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 123–133. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133>
7. Кузнецова В.В. Классификация жанров медиийно-развлекательного дискурса. *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2024; 1(05): 47–52.
8. Star Hit. URL: <https://www.starhit.ru/exclusive/ya-nauchilsya-s-etim-zhit-aleksei-vorobevo-ob-ispytanii-devushkakh-shou-duety-925850/> [дата обращения 21.12.23].
9. Star Hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/marat-basharov-ob-uhode-iz-teatra-uehavshih-kollegh-predatelyah-i-lichnom-predskazanii-ekstrasensov-282180/?ysclid=m60x95ni3q561640084> [дата обращения 21.12.23].
10. U magazine. URL: <https://umagazine.ru/stars/interview/nikola-melnikov-o-kontserte-receptio-neoklassike-i-lyubimom-muzykalnom-ispolnitele-> [дата обращения 21.12.23].

References

1. In'ego-Mora Izabel', Delidzhordzhi Katerina. Strategiya ukloneniya v politicheskem interv'yu: analiz televizionnyh interv'yu Toni Blera. *Politicheskaya lingvistika*. 2007; 3(23): 78–90. (in Russ.)
2. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. 5-e izd. M.: LKI; 2008. 284 s. (in Russ.)

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Аляева Л.С., Красавский Н.А. Коммуникативные тактики комплимента и самопрезентации в российских ...
Казанский лингвистический журнал. 2025; 8(3): 377–386

3. Klyuev E.V. *Rechevaya kommunikaciya. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya*. M.: Rropol Klassik; 2002. 320 s. (in Russ.)
4. Kopceva V.A. Zhanr interv'yu v politicheskem diskurse G.A. Zyuganova. *Politicheskaya lingvistika*. 2015; 3(53): 107–115. (in Russ.)
5. Krasavskij N.A. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv'yu» pri obsuzhdenii nemeckimi SMI voennyh sobytij na Ukraine. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2023; 27(3): 68–80. (in Russ.)
6. Krasavskij N.A. Kommunikativnaya strategiya diskreditacii Rossii v nemeckih SMI pri osveshchenii sobytij na Ukraine (mart-maj 2022 goda). *Kazanskij lingvisticheskiy zhurnal*. 2023;6(1): 123–133. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.123-133> (in Russ.)
7. Kuznecova V.V. Klassifikaciya zhanrov medijno-razvlekatel'nogo diskursa. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2024; 1(05): 47–52. (in Russ.)
8. Star Hit. Available from: <https://www.starhit.ru/exclusive/ya-nauchilsya-s-etim-zhit-aleksei-vorobev-ob-ispytanii-devushkakh-shou-duety-925850/> [accessed 21.12.23].
9. Star Hit. Available from: <https://www.starhit.ru/interview/marat-basharov-ob-uhode-iz-teatra-uehavshih-kollegh-predatelyah-i-lichnom-predskazanii-ekstrasensov-282180/?ysclid=m60x95ni3q561640084> [accessed 21.12.23].
10. U magazine. Available from: <https://umagazine.ru/stars/interview/nikola-melnikov-o-kontserte-receptio-neoklassike-i-lyubimom-muzykalnom-ispolnitele-> [accessed 21.12.23].

Авторы публикации

Аляева Лилия Сергеевна –
аспирант
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: liliya.alyaeva@gmail.com

Красавский Николай Алексеевич –
профессор
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.02.2025
Одобрена после рецензирования: 20.05.2025
Принята к публикации: 28.06.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодо-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Alyaeva Liliya Sergeevna –
postgraduate student
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: liliya.alyaeva@gmail.com

Krasavsky Nikolaj Alekseevich –
Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: nkrasawski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6467-9305>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 18.02.2025
Approved after peer reviewing: 20.05.2025
Accepted for publication: 28.06.2025

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**
**PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81'42

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.387-397>

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СМЯГЧЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ И
БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРАТЕГИЯ
АССЕРТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ**

P.A. Ахметзянова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

polina.akhmetzyanova@list.ru, https://orcid.org/0009-0008-3827-9269

Аннотация. Статья посвящена анализу коммуникативного смягчения на материале британского и немецкого политического дискурса. Исследование направлено на выявление различий в митигации в английской и немецкой лингвокультурах. Цель работы заключается в сопоставительном анализе митигативных средств, используемых представителями Великобритании и Германии в политическом дискурсе в рамках пропозиционального смягчения, в частности, стратегии ассертивного смягчения, и выявлении этнокультурных предпосылок их различий или сходств. Для осуществления поставленной цели были созданы соответствующие подкорпусы, источниками которых выступили транскрипты заседаний бундестага и парламента Великобритании за 2020-2024 гг., общей численностью в более 300 транскриптов. Актуальность исследования обусловлена тем, что ранее анализ данного феномена в политическом дискурсе в сравнительно-сопоставительном аспекте немецкой и британской лингвокультур не осуществлялся. В работе использованы методы интент-анализа, контент-анализа, корпусного анализа, метод сплошной выборки материала. На основании полученных результатов делается вывод об этнокультурной обусловленности ассертивной стратегии митигации и репрезентирующих ее тактик в обоих типах исследуемого политического дискурса.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение; этнокультурный стиль коммуникации; британский политический дискурс; немецкий политический дискурс; лингвокультурология; политическая лингвистика.

Для цитирования: Ахметзянова П.А. Пропозициональное смягчение в немецком и британском политическом дискурсе: стратегия ассертивного смягчения. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 387–397. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.387-397>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.387-397>

**PROPOSITIONAL MITIGATION IN GERMAN AND BRITISH
POLITICAL DISCOURSE: STRATEGY OF ASSERTIVE MITIGATION**

P.A. Akhmetzyanova

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

polina.akhmetzyanova@list.ru, https://orcid.org/0009-0008-3827-9269

Abstract. The article is devoted to the analysis of mitigation on the material of British and German political discourse. The study is aimed at identifying the differences in mitigation in British and German linguocultures. The aim of the work is to analyze the mitigative means used by the representatives of Great Britain and Germany in political discourse within the framework of proposi-

tional mitigation in comparison, in particular, the strategy of assertive mitigation, and to identify the ethno-cultural origins of their differences or similarities. In order to realize the set goal, a relevant sub-corpus was created, on the basis of the transcripts of the Bundestag and UK Parliament sessions for 2020-2024, over 300 transcripts in total. The relevance of the research is conditioned by the fact that the analysis of this phenomenon in political discourse in the comparative aspect of German and British linguocultures has not been carried out before. The paper uses the methods of intent-analysis, content-analysis, corpus analysis, and the method of continuous sampling of material. Based on the results obtained, the conclusion is made about the ethnocultural conditionality of the assertive strategy of mitigation and the tactics representing it in both types of political discourse under study.

Keywords: mitigation; ethnocultural style of communication; British political discourse; German political discourse; linguoculturology; political linguistics

For citation: Akhmetzyanova P.A. Propositional Mitigation in German and British Political Discourse: Strategy of Assertive Mitigation. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 387–397. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.387-397>

Политическая коммуникация представляет собой сложную и многослойную сферу, включающую процессы формирования, передачи и интерпретации политических посланий, которые выступают важным средством воздействия на общественное мнение и стимулируют гражданскую активность [13]. В рамках политического дискурса активно применяются такие риторические приемы, как метафоры, сравнения, тавтологии, аллитерации, ассонансы, императивные формы, риторические (наводящие) вопросы, гиперболы и другие средства, позволяющие трансформировать содержание высказывания [15, с. 233]. Особую значимость приобретает имплицитность, под которой понимается скрытое, не-выраженное напрямую, но значимое информативное содержание, которое считается одним из наиболее мощных инструментов воздействия в политической речи [12]. Наряду с этим важную роль играют модальность и ирония, которые не только передают идеологические установки, но и служат средством поддержания позитивного имиджа говорящего и дискредитации оппонента, часто действуя как тонкие и замаскированные инструменты стратегического воздействия [11].

В рамках исследования особый интерес представляет митигация, которая выполняет значимую функцию в межличностной коммуникации, способствуя смягчению высказываний и снижению вероятности конфликта, который в политическом дискурсе может иметь глобальное значение. В настоящей работе

митигация понимается как коммуникативная категория, в которой «содержатся прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции, реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, отмеченными этнокультурной спецификой» [7, с. 90]. Вопросами этнокультурной характеристики коммуникации представителей разных культур занимался целый ряд ученых: антропологов, социологов, лингвистов. Немецкая лингвокультурная общность интересовала Вежбицкую А., Куликову Л.В., Газизова Р.А., Ковалеву Т.Г. и др. Этнокультурный стиль коммуникации англичан (термин Лариной Т.В. [4, с. 196]) наиболее подробно описан в работах: Вежбицкой А., Стернина И.А. и Василенко И.А. и др. Ранее в рамках нашего анализа нами были описаны этнокультурные стили коммуникации немцев и англичан [1].

До сих пор в отечественных и зарубежных публикациях коммуникативная категория смягчения описывалась в основном с позиции изучения ее проявления внутри одной культуры (например, немецкой [2], русской [8; 9], английской [5]); категория митигации также изучалась в рамках сопоставления в паре русской и немецкой культур [7; 10]. Однако исследования в области митигации не находили свое описание в рамках сравнительно-сопоставительного анализа непосредственно этнокультурных факторов ее проявления на материале английского и немецкого политического дискурса, что определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

Материал исследования представлен официальными транскриптами заседаний Бундестага и палаты общин Великобритании за пять лет в период с 2020 г. по 2024 г., обрабатываемыми в программе AntConc. На первом этапе исследования для нас важно было отобрать содержащие пропозициональное смягчение реплики в общем объеме материала на уровнях модуса полагания, модуса допущения и митигаторов смягчения категоричности.

На следующем этапе исследования осуществлялся интент-анализ и контент-анализ полученных после корпусного поиска высказываний, на основании

чего полученные высказывания в их митигативной функции соотносились с определенными митигативными тактиками.

Реализация стратегии ассертивного смягчения средствами пропозиционального смягчения позволяет коммуниканту смягчить категоричность и прямоту пропозиционального содержания высказываний (на уровне смысла), делая коммуникацию в целом и высказывания в частности более гибкими и дипломатичными.

Немецкий политический дискурс

Отмечается общая тенденция к среднечастотному употреблению политиками коммуникативного смягчения, соотносимого с реализацией стратегии ассертивного смягчения. Очевидно, данная тенденция соответствует отмечаемой строгости и твердой позицией представителей немецкой лингвокультуры, отмечаемыми Л.В. Куликовой [3].

Приведем некоторые из наиболее репрезентативных примеров митигативных тактик исследуемой стратегии в транскриптах заседаний Бундестага за 2020-2024 гг.

1) Митигация средствами модуса полагания:

Модус полагания, выраженный средствами коммуникативного смягчения, неразрывно связан с реализацией тактики *выражения субъективности высказывания*. Модус полагания представляет собой диалогический призыв к собеседнику, обращение к его мнению. Подчеркивание факта субъективности точки зрения коммуниканта позволяет смягчить резкость высказывания, что отражено в речи депутата от Свободной демократической партии, Отто Фрике. **Пример №1**: „Meine Damen und Herren, nachdem ich das alles gesagt habe, **glaube ich**, feststellen zu können, dass <...> [150. Sitzung]”. Модус полагания служит маркером неопределенности, который сигнализирует адресатам сообщения, что выражаемое коммуникантом мнение является субъективным, соответственно, представляя возможность для обсуждения или возражения.

2) Митигация средствами модуса допущения:

Тактика *смягчения эвентуальности*, выражаемая средствами модуса допущения, позволяет коммуниканту донести адресату мысль о возможности свершения ряда событий. Одним из примеров реализации такой тактики служит высказывание Кристофа Плосса, члена бундестага от ХДС/ХСС. Пример №2: „Wir haben ja die Diskussion: Soll der Verbrennungsmotor verboten werden? Wie erreichen wir die Klimaziele? Da sagen wir als Unionsfraktion eines ganz klar: Wir wissen es nicht genau. **Es kann sein**, dass wir es mit E-Fuels schaffen. **Es kann sein**, dass wir es mit Wasserstoff schaffen. **Es kann sein**, dass wir es mit Batterien schaffen [148. Sitzung]. Оператор со значением вероятности в данном контексте способствует указанию на несколько вариантов реализации события, при этом позволяя политику не давать обещаний, которые могли бы быть нарушены, и в то же время смягчаая восприятие высказывания другими членами бундестага.

3) Митигация средствами модуса смягчения категоричности:

Тактика *косвенной формы предъявления несогласия* обеспечивает политику возможность выражения некой мысли, дистанцируясь от ее содержания или ответственности за произносимое. Например, Дир Визе, депутат от Социал-демократической партии Германии, реализует данную тактику с помощью имперсональной конструкции, образованной безличным местоимением *man* и глаголом *должествования*, что можно перевести на русский языка как «надо сказать/стоит сказать». Пример №3: „Zu Herrn Frieser sage ich zum Schluss noch etwas. – **Man muss schon sagen** (1): Die Bewegung, die wir in diesen Verhandlungen gespürt haben, kam immer erst, als **das ein oder andere** (2) zum Vorschein kam, <...> [218. Sitzung]“. В рамках данного коммуникативного действия политик также прибегает к использованию средства апроксимации (2), снижающего определенность пропозиции, что позволяет реализовать в речи также тактику *семантического ограничения*.

Стратегия ассертивного смягчения реализуется в транскриптах заседаний бундестага за 2020-2024 гг. в семи тактиках (Рис. 1).

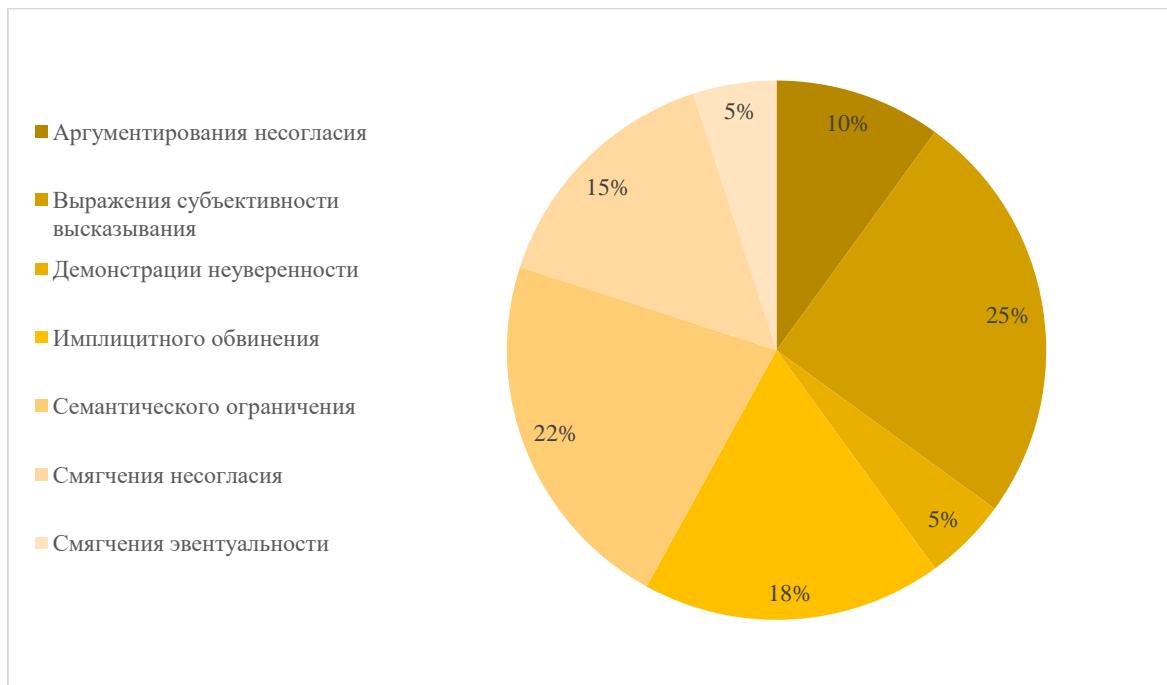

Рисунок 1 – Митигативные тактики в ПД Германии за 2020-2024 гг. в процентах
(стратегия ассертивного смягчения)

Наиболее частотной из представленных тактик оказалась тактика выражения субъективности высказывания, которая реализуется через средства модуса полагания (25%). Это указывает на попытку коммуниканта снизить степень категоричности своих утверждений. Специфичной для немецкой лингвокультуры является тактика смягчения эвентуальности (7%), под которой понимается стремление снизить однозначность восприятия событий или предположений, реализация данной тактики коррелирует с отмечаемой Стернином И.А. характерной в коммуникации ссылки на низкую степень информированности коммуниканта о том или ином явлении [6].

Британский политический дискурс

1) Митигация средствами модуса полагания:

Средства модуса допущения в британском политическом дискурсе позволяют продемонстрировать реализацию тактики *аргументирования несогласия*. В частности, в речи действующего на тот момент члена парламента Деидре Брок, однопартийца Мартина Дэя, находит свое выражение данная тактика. **Пример №4:** “Regrettably, however, I think I am right in saying that very few—if any—Opposition amendments or new clauses were accepted by the Government

throughout the course of the Bill, so perhaps I should not be so surprised [Hansard, 12.10.2020].” Контекст данной ситуации составляет указание коммуникантом на причины, по которым ей приходится выразить свое несогласие с политическими фактами действительности. Апелляция к фактам, выступающим в качестве обстоятельств, не позволяющих коммуниканту согласиться с иной точкой зрения, снижает категоричность высказывания и создает впечатление объективного обоснования позиции говорящего.

2) Митигация средствами модуса допущения:

Манипулятивный потенциал митигации в исследуемом материале раскрывается посредством реализации тактики *снижения градуса комплиментации*. Данная тактика находит свое отражение в рамках характерной для политического дискурса оппозиции «свой-чужой», и позволяет коммуниканту выразить вовлеченность в выражаемое другим членом дискуссии мнение, причем сначала коммуникант соглашается с мнением агента политического дискурса, признавая проблему и подчеркивая ее важность, а затем высказывает свою отличную от указанной позицию и указывает на обстоятельства, способные вызвать негативную реакцию у слушателей. Пример реализации данной тактики представлен в речи члена парламента Великобритании от лейбористской партии Стива Маккейба. **Пример №5:** “I congratulate the Office for Veterans’ Affairs and the Ministry of Defence on its achievements with the roll-out so far, although it is **probably** fair to acknowledge that there is still some way to go [Commons Chamber. Volume 746]”.

3) Митигация средствами модуса смягчения категоричности:

Коммуникативное смягчение посредством операторов модуса смягчения категоричности позволяет коммуниканту минимизировать отрицательный эффект высказывания, одним из способов чего выступает тактика *минимизации отрицательного признака*. **Пример №6:** “I am grateful to the hon. Gentleman for giving way. We clearly have **a bit of** a disagreement. The Indian courts, the NIA and the police had five years to bring cases against my constituent for the charges against

him, yet they have progressed only one of those, and even then, it was using evidence that was likely—whether the hon. Gentleman agrees with it or not—obtained using torture [Commons Chamber. Volume 726]”. В данном коммуникативном действии политик Мартин Дохерти-Хьюз выражает собственную позицию относительно высказанного предыдущим оратором мнения о достоверности обвинений против Джагтара Сингха Джохала по участию в террористическом заговоре. Используя модусный оператор, политик смягчает степень выражаемого несогласия, что позволяет ему избежать прямой конфронтации и сохранить видимость уважения к позиции оппонента.

Стратегия ассертивного смягчения реализуется в транскриптах заседаний палаты Общин за 2020-2024 гг. в десяти тактиках (Рис. 2).

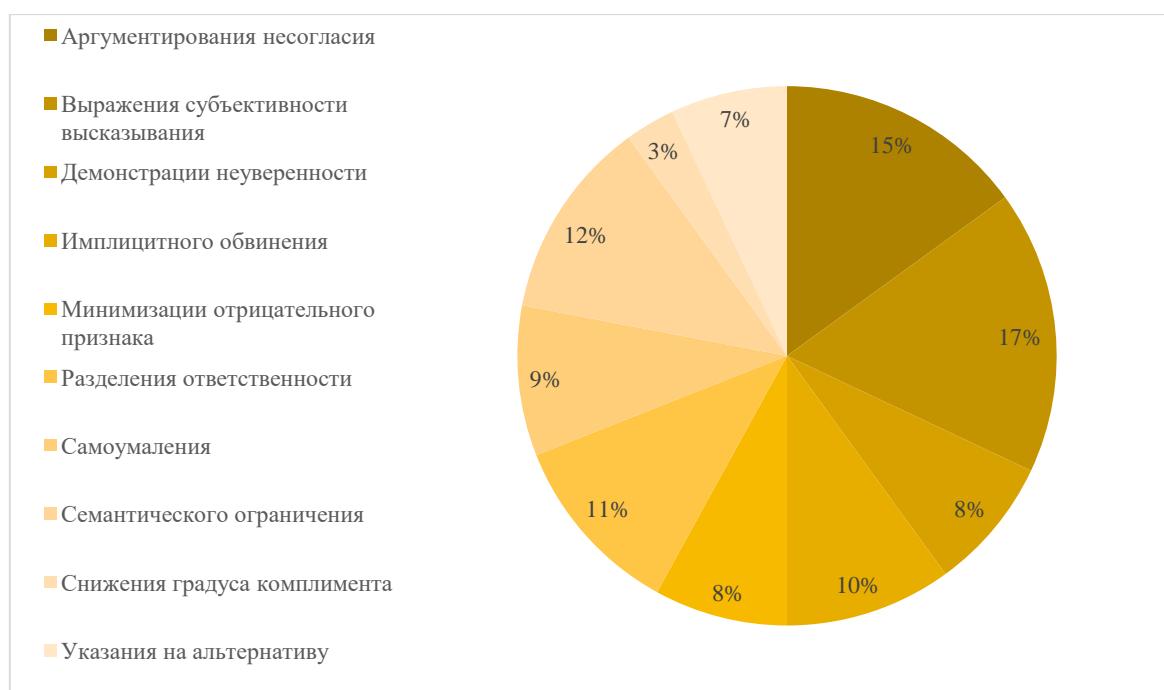

Рисунок 2 – Митигативные тактики в ПД Великобритании за 2020-2024 гг. в процентах (стратегия ассертивного смягчения)

Наиболее частотной из выявленных в исследуемом материале тактик оказалась тактика выражения субъективности высказывания, выражаемая средствами модуса полагания (17%), что указывает на попытку коммуниканта снизить категоричность своих утверждений и придать высказыванию личностный характер, смягчающий возможное противостояние.

Интересной с исследовательской позиции стало проявление в речи политиков митигации, выраженной тактикой самоумаления (9%), причиной чего является особенность англоязычной риторики, направленной на демонстрацию скромности и непрямолинейности как социально одобряемого стиля общения. Это отражает высокую ценность культурного скрипта “self-deprecation”, который мы предлагаем представлять как скрипт самоуничтожения, в английской культуре, где он воспринимается как способ создать дружелюбную атмосферу и снизить потенциальное напряжение в коммуникации [14, с. 66-68].

Наименее частотными в исследуемом материале стали тактики указания на альтернативу (7%) и снижения градуса комплимента (3%). Их низкая частотность может быть связана с тем, что тактика указания на альтернативу требует более сложной аргументации, а снижение градуса комплимента встречается реже из-за предпочтения более прямых форм выражения позитивной оценки в политической риторике.

Выводы. На основе проанализированного материала отметим, что частотность пропозициональных митигаторов в политическом дискурсе Германии в целом превышает частотность аналогичных средств в дискурсе Великобритании, что позволяет сделать вывод о большей ориентации немецкого политического дискурса на дипломатичность, избегание конфликтов и снижение категоричности высказываний. Это отражает особенности немецкой лингвокультуры, тяготеющей к структурированной, сбалансированной риторике, направленной на создание условий для конструктивного диалога и консенсуса. В отличие от британского политического дискурса, где частота использования митигативных средств ниже, акцент делается на прямолинейность, лаконичность и четкость формулировок. Это свидетельствует о предпочтении британской риторики к открытому выражению позиции с меньшей зависимостью от средств смягчения. Таким образом, различия в частотности митигации подтверждают влияние культурных факторов на выбор стратегий политической коммуникации в обеих странах.

Стратагемно-тактическая реализация пропозиционального смягчения в политической коммуникации обусловлена культурными и лингвокультурными детерминантами. Для немецкой лингвокультурной общности характерны: твердость позиции, рациональность в использовании митигативных средств. Английской лингвокультуре присущи социальная скромность, ироничность, межличностно ориентированная митигация.

Список литературы

1. Ахметзянова П.А., Тахтарова С.С. Митигативные аспекты национального коммуникативного стиля в немецком и британском политическом дискурсе. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024;6(54).
2. Каракулова С. Ш. *Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками*: диссертация... кандидата филологических наук. Волгоград; 2017. 224 с.
3. Куликова Л.В. *Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме*. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева; 2006. 392 с.
4. Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения. *Cuadernos de Rusística Española*. 2013;9:193–204.
5. Романовская Л.В., Сунагатуллина Г.Х. Митигативные стратегии в дискурсе англоязычных политических интервью. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета*. 2017;40:124–134.
6. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.; 1996. 97–112.
7. Тахтарова С. С. *Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты)*: дис. ...д-ра: 10.02.19 : защищена 2010-02-04 : утв. 2010-02-04. Волгоград; 2010. 430 с.
8. Труханова Д.С. *Митигативные стратегии и тактики в современном российском парламентском дискурсе*: диссертация... кандидата филологических наук. Москва; 2021. 224 с.
9. Тунян С.А. *Языковые средства выражения митигации (на материале русского дипломатического дискурса)*: автореферат диссертации... кандидата филологических наук. Ереван; 2021. 20 с.
10. Эзех А.О. *Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах (на материале русско- и немецкоязычного диалогического дискурса)*: диссертация... кандидата филологических наук. Москва; 2018. 199 с.
11. Ciumacenko V. Modality and irony in political discourse. Society, *Communication and Politics. Discursive Patterns*. 2023;7(1).
12. Garassino D. Is implicit communication quantifiable? A corpus-based analysis of British and Italian political tweets. *Journal of Pragmatics*. 2022;194:9–22. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.03.024>
13. Garba, S. A guide to the essentials of political reporting in contemporary society. *NIPRI Publishing Press*; 2022. P. 1–265.
14. Mills, S. Self-deprecation. English Politeness and Class. *Cambridge University Press*; 2017. P. 66–68.
15. Oluwatobi E. M., Julius A. A. Exploring the Boundaries between Persuasion and Manipulation in Political Communication. *GVU Journal of research and development*; 2024. P. 226–237.

References

1. Akhmetzyanova P.A., Takhtarova S.S. Mitigative aspects of national communicative style in German and British political discourse. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024;6 (54). (In Russ.)
2. Karakulova S. Sh. *Mitigative strategies and tactics in political interviews with German politicians*: dissertation... candidate of philological sciences. Volgograd; 2017. 224 p. (In Russ.)
3. Kulikova L.V. *Communicative style in the intercultural paradigm*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; 2006. 392 p. (In Russ.)

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Akhmetzyanova P.A. Propositional Mitigation in German and British Political Discourse: Strategy of Assertive Mitigation
Kazan Linguistic Journal. 2025; 8(3): 387–397

4. Larina T.V. Communicative Ethnostyle as a Way of Systematizing Ethnocultural Features of Behavior. *Cuadernos de Rusística Española.* 2013;9:193–204. (In Russ.)
5. Romanovskaya L.V., Sunagatullina G.Kh. Mitigative Strategies in the Discourse of English-Language Political Interviews. *Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University.* 2017; 40:124–134. (In Russ.)
6. Sternin, I. A. Communicative behavior in the structure of national culture. *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness.* Moscow;1996. P. 97–112. (In Russ.)
7. Takhtarova S.S. *The category of communicative mitigation (cognitive-discursive and ethnocultural aspects): dissertation ... Doctorate: 10.02.19 : defended 2010-02-04 : approved 2010-02-04.* Volgograd; 2010. 430 p. (In Russ.)
8. Trukhanova, D.S. *Mitigative Strategies and Tactics in Contemporary Russian Parliamentary Discourse:* Dissertation... Candidate of Philological Sciences. Moscow; 2021. 224 p. (In Russ.)
9. Tunyan S.A. *Linguistic means of expressing mitigation (based on Russian diplomatic discourse): thesis abstract...* Candidate of Philological Sciences. Yerevan; 2021. 20 p. (In Russ.)
10. Ezekh A.O. *Communicative softening in directive speech acts (based on Russian and German dialogical discourse): dissertation...* Candidate of Philological Sciences. Moscow; 2018. 199 p. (In Russ.)
11. Ciumacenko V. Modality and irony in political discourse. Society, *Communication and Politics. Discursive Patterns.* 2023;7(1).
12. Garassino D. Is implicit communication quantifiable? A corpus-based analysis of British and Italian political tweets. *Journal of Pragmatics.* 2022;194:9–22. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.03.024>
13. Garba S. A guide to the essentials of political reporting in contemporary society. *NIPRI Publishing Press;* 2022. P. 1–265.
14. Mills S. Self-deprecation. English Politeness and Class. *Cambridge University Press;* 2017. P. 66–68.
15. Oluwatobi E. M., Julius A. A. Exploring the Boundaries between Persuasion and Manipulation in Political Communication. *GVU Journal of research and development;* 2024. P. 226–237.

Автор публикации

Ахметзянова Полина Аделиевна –
преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: polina.akhmetzyanova@list.ru
<https://orcid.org/0009-0008-3827-9269>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.09.2025
Одобрена после рецензирования: 10.09.2025
Принята к публикации: 20.09.2025
Автор прочитал и одобрил окончательный вари-
ант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодо-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Akhmetzyanova Polina Adelevna –
Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: polina.akhmetzyanova@list.ru
<https://orcid.org/0009-0008-3827-9269>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.09.2025
Approved after peer reviewing: 10.09.2025
Accepted for publication: 20.09.2025

The author has read and approved the final manu-
script.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous
reviewer(s) for their contribution to the peer re-
view of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 347.78.034

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.398-410>

ИЗМЕНЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

R.P. Ганеев¹, А.Ы. Альжанова²

¹ИП «Ruslan R. Ganeyev», Караганда, Республика Казахстан

²ЧУ «Академия «Bolashaq», Караганда, Республика Казахстан

¹ganeyevruslan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1306-695X>

²ainuralzhanova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения интерпретационного потенциала текста при переводе с одного языка на другой. Авторы анализируют аспекты интерпретационного потенциала, такие как картина мира рецептора, представления рецептора об авторе, воспринятая рецептором информации текста. Особое внимание уделяется механизму изменения интерпретационного потенциала теста при переводе, основанному на вариативности субъективных по своей природе интерпретационных возможностей рецепторов, включая переводчика, и объективных различиях лингвистического и социо-культурного характера между текстом оригинала и перевода. Процесс и сущность трансформации иллюстрируются созданный авторами схемой изменения интерпретационного потенциала текста при переводе, представляющей три основные стадии: 1. возникновение интерпретационного потенциала оригинала, 2. выбор переводчиком одного варианта интерпретации текста оригинала под влиянием субъективных факторов, 3. возникновение интерпретационного потенциала у текста перевода. Проведённый анализ позволяет утверждать, что содержание оригинала не обладает фиксированной и однозначной природой, а формируется в сознании читателя в результате взаимодействия различных индивидуальных особенностей. Перевод, в свою очередь, выступает не просто переносом смысла, а процессом интерпретационного выбора, который одновременно исключает часть возможных трактовок и порождает новые варианты благодаря закреплению выбранной интерпретации в иной языковой и культурной системе.

Ключевые слова: интерпретационный потенциал; картина мира; рецептор; представления об авторе; перевод

Для цитирования: Ганеев Р.Р., Альжанова А.Ы. Изменение интерпретационного потенциала текста при переводе. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 398–410.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.398-410>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.398-410>

CHANGE IN THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF A TEXT IN TRANSLATION

R.R. Ganeyev¹, A.Y. Alzhanova²

¹Ruslan R. Ganeyev Sole Proprietorship, Karaganda, Republic of Kazakhstan

²“Bolashaq” Academy Private Institution, Karaganda, Republic of Kazakhstan

¹ganeyevruslan@gmail.com

²ainuralzhanova@bk.ru

Abstract. The article addresses the problem of changes in the interpretive potential of a text when translated from one language into another. The authors analyze aspects of interpretive poten-

tial such as the recipient's worldview, the recipient's perception of the author, and the information of the text as perceived by the recipient. Particular attention is paid to the mechanism of changing interpretive potential in translation, which is based on the variability of the recipients' interpretive capacities—subjective in nature, including those of the translator—as well as on objective linguistic and socio-cultural differences between the source text and the translation. The process and essence of this transformation are illustrated by a model developed by the authors, which represents three main stages: 1) the emergence of the interpretive potential of the source text; 2) the translator's choice of one interpretation of the source text under the influence of subjective factors; 3) the emergence of the interpretive potential of the translated text. The analysis suggests that the content of the source text is not fixed or unambiguous but is formed in the reader's consciousness as a result of the interaction of individual features. Translation, in turn, is not simply the transfer of meaning but a process of interpretive selection that simultaneously eliminates some possible interpretations and generates new ones by embedding the chosen interpretation within a different linguistic and cultural system.

Keywords: interpretative potential; recipient's worldview; recipient; perception of the author; translation

For citation: Ganeyev R.R., Alzhanova A.Y. Change in the Interpretive Potential of a Text in Translation. *Kazan Linguistic journal.* 2025;8(3): 398–410. (In Russ.)
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.398-410>

Перевод текста представляет собой сложный аналитико-синтетический процесс, в основе которого лежит определение смысла оригинала и передача на целевой язык средствами другого языка. Определение смысла или интерпретация исходного текста осуществляется переводчиком в результате приложения личной картины мира, включающей в себя фоновые знания, установки и ценностные ориентиры, которые, по природе своей, являются субъективными, к анализу объективно существующего текста. Текст, в свою очередь, несмотря на объективность, состоит из элементов, характеризующихся многозначностью. Таким образом, субъективность картины мира переводчика-рецептора, а также многозначность составных элементов исходного текста порождает вариативность интерпретации.

Текст, в свою очередь, несмотря на объективность, состоит из элементов, характеризующихся многозначностью. Таким образом, субъективность картины мира переводчика-рецептора, а также многозначность составных элементов исходного текста порождает вариативность интерпретации.

Становится очевидной невозможность единого универсального толкования художественного текста. Различия между вариантами интерпретации могут

быть нерелевантными, то есть не иметь существенного влияния на общее восприятие текста. Однако, эти различия затрагивают важные аспекты текста оригинала. Кроме того, само разделение аспектов смысла теста на релевантные и нерелевантные субъективно и неоднозначно. Совокупность всех возможных смыслов представляет собой интерпретационный потенциал текста. Понятие «интерпретационный потенциал», рассматриваемое в рамках нашего исследования, играет важную роль в переводческом процессе. Переводчик, будучи отдельным индивидуумом с определенной картиной мира, не в силах воспринять текст во всем его разнообразии смыслов. И даже допуская возможность множественных интерпретаций, переводчик ограничен средствами языка перевода. Таким образом, в основе переводческого процесса лежит выбор лишь одного из возможных толкований текста.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть аспекты интерпретации текста и формирующие их факторы, а также проследить причины и последствия неизбежного изменения интерпретационного потенциала текста при переводе.

Аспекты интерпретационного потенциала

Как было упомянуто ранее, интерпретация представляет собой восприятие текста индивидуумом, в то время как интерпретационный потенциал – совокупность всех возможных интерпретаций. Следовательно, оба понятия основываются на одних и тех же аспектах восприятия. Всего таких аспектов три: 1) картина мира рецептора; 2) представления рецептора об авторе; 3) информация, полученная рецептором из текста. (Рис. 1)

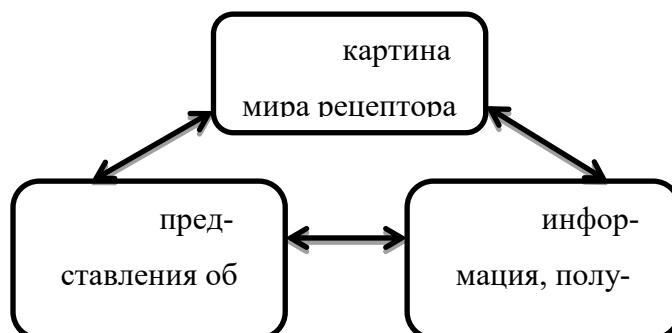

Рис. 1: Аспекты интерпретации текста рецептором

Рассмотрим каждый из данных аспектов в отдельности.

Картина мира рецептора перевода

Американский ученый-антрополог Роберт Рэдфилд определяет картину мира как «видение мироздания, характерное для того или иного народа, представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире» [1]. Немецкий философ Мартин Хайдеггер утверждал, что человек воспринимает и понимает мир как картину; то есть мир для него преобразуется в картину, и именно так человек осваивает мир [2]. Таким образом, картина мира представляет собой некую систему представлений человека об окружающей действительности и самом себе. Картина мира включает в себя такие компоненты, как знания и представления, ценности и установки.

Знания являются собой данные об окружающем мире, полученные опытным путем, либо приобретенные опосредованно, воспринимаемые как объективные и не подвергаемые сомнению большей частью общества. Представления - это данные более субъективного характера. Роль знаний и представлений в интерпретации текста заключается в определении степени достоверности и качества полученных данных в результате receptionи текста. Переводчик соотносит собственные знания и представления с воспринимаемыми данными, определяет достоверность, формирует суждение о содержании, целях текста и др.

Ценности – это представления индивидуума о степени положительности или отрицательности понятий, качеств, действий, явлений и характеристик. Ценности формируются на основе знаний и представлений, в результате осмысливания личного жизненного опыта, а также под влиянием общества. Роль ценностей в интерпретации текста заключается в том, что они придают воспринимаемым данным положительную или отрицательную окраску, эмоционально маркируя их.

Установки представляют собой "шаблоны" восприятия окружающего мира, основанные на личных и коллективных стереотипах. Эти "шаблоны" являются заранее сформированными и, следовательно, не требуют значительных когнитивных усилий. Каждый индивидуум обладает уникальным набором установок. Так, если receptor негативно относится к тому или иному вопросу, то содержание текста, выражающего нейтральное или позитивное отношение, с большой вероятностью будет воспринято им как отрицательное без глубокого анализа аргументации. Таким образом, очевидно, что люди с различными социально-культурными, историческими, территориальными и языковыми характеристиками будут демонстрировать больше различий в интерпретации текста, чем люди, принадлежащие к одним и тем же группам. Это объясняется в большей степени различиями в присущих им картинах мира.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих, как изменение культурной парадигмы приводило к трансформации восприятия отдельных произведений.

Классическое произведение Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet») до сих пор остается одним из важнейших культурных феноменов. Однако его восприятие претерпело некоторые изменения ввиду смены культурной парадигмы. Так, например, возраст главной героини, Джульетты (13 лет), воспринимался современной драматургу публикой как зрелый, что позволяло ей вступить в брак или находиться в серьезных романтических отношениях. Таким образом, внезапная любовь Джульетты скорее воплощала идеал романтической любви, а не подростковой импульсивности, наивности и недостатка жизненного опыта, что часто приписывают ей современные читатели.

Еще одно классическое произведение – роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» («Gone with the Wind») – получившее Пулитцеровскую премию в 1937 году, все чаще получает критику за свое лояльное отношение к теме рабства [3]. Это связано с изменением картины мира людей. Отношение к чернокожим гражданам в США менялось на протяжении всего 20-го века. Пейорати-

вы, использованные в произведении, все больше воспринимаются в обществе как табу.

Роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», получивший Пулитцеровскую премию в 1937 году, подвергается критике за лояльное отношение к теме рабства [3]. Это связано с изменением картины мира. Отношение к чернокожим гражданам в США менялось на протяжении 20-го века. Пейоративы, использованные в произведении, воспринимаются в обществе как табу.

Произведения античных и средневековых авторов демонстрируют яркие примеры изменения восприятия ввиду смены культурной парадигмы. Отношение к темам рабства, чести, устройства мира, ценности жизни и морали в упомянутых произведениях качественно отличается от современного. Для адекватного восприятия содержания данных трудов необходимо обладать глубокими знаниями в области древней истории, культурологии. Это практически невозможно даже для специалиста, не говоря уже о непрофессионалах.

Информация, получаемая рецептором из текста

Текст – единственная компонента интерпретационного процесса, характеризующаяся объективностью. Текст состоит из единиц, реализуемых на разных уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, фразеологическом и текстовом. Каждая единица обладает интерпретационным потенциалом. Интерпретационный потенциал объясняется многозначностью единиц, а также наличием идиолектов. Идиолекты – индивидуальные формы языка, сформированные в результате речевого опыта носителя.

Текст – продукт речетворчества автора, поэтому является отражением идиолекта. Текст фиксирует язык на определенном этапе его развития. Увеличение временного промежутка между созданием текста и его рецепцией повышает вероятность расхождения авторской интенции и коммуникативного эффекта. Устаревание формы языка в тексте требует адаптации. Примером таких адаптаций, представляющих собой интралингвистический перевод (то есть перевод внутри одного языка), является модернизация таких произведений как

«Слово о полку Игореве» и «Кентерберийские рассказы» («The Canterbury Tales») Джека Чосера. Значительные изменения в системах языков препятствуют восприятию данных произведений в оригинале современным читателем. Старые формы языков, использованные для создания указанных произведений, воспринимаются современными читателями как иноязычные.

Восприятие старого текста возможно, однако некоторые его элементы могут быть незнакомы читателю или вызывать ложные коннотации.

Орфографическая реформа языка влияет на восприятие текста, независимо от содержания произведения. Так, в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» слово «мир» писалось через «и восьмеричное» («миръ») и означало только покой и отсутствие войны. Значение «общество, земной шар» реализовывалось в слове «міръ». В 1915-1916 гг. В. Маяковский пишет поэму «Война и міръ», противопоставляя два значения слова и сохраняя аллюзию на произведение Л.Н. Толстого. После орфографической реформы русского языка оба слова стали омонимами, а названия произведений полностью совпали [4].

Когда дело касается известных в культурном пространстве текстов, их интерпретация часто осуществляется по определенному канону. Читатель опирается на авторитетное мнение и вооружается определенными установками. Причем внутри одного языкового коллектива могут существовать несколько параллельных канонов интерпретации.

Представления рецептора об авторе текста

Еще одним важным аспектом интерпретации текста является отношение рецептора к автору этого текста. Образ автора, представления о его личности и творчестве, определяют установки читателя. Иными словами, у рецептора возникают некоторые ожидания в отношении текста, выполняющие функцию ориентира. Читатель соотносит полученную информацию из текста с данным ориентиром и формирует суждение о тексте или его частях.

Формирование образа автора в сознании читателя обусловлено двумя факторами: личным опытом и влиянием стереотипного образа, сформированно-

го в обществе. Релевантные элементы образа автора могут включать стиль, тематику и её актуальность, политические взгляды, популярность, социальную, гендерную и этническую принадлежность, возраст, образ жизни, внешний облик, религиозность и другие факторы.

Изменение отношения общества к авторам влечет изменения в восприятии их текстов. Так, А.С. Пушкин воспринимался своими современниками как новатор, характеризующийся отказом от литературных традиций и использованием живого языка. Современное восприятие произведений А.С. Пушкина определяется его принадлежностью к числу самых выдающихся классиков русской литературы. Новаторский аспект его творчества отходит на второй план. Величие фигуры А.С. Пушкина влияет на восприятие всех его произведений. Другой пример: М. Горький, знаковая фигура советской эпохи, утратил популярность после распада СССР. Трансформация ценностей советского периода привела к изменению восприятия его произведений.

Трансформация интерпретационного потенциала при переводе

Проблема интерпретационного потенциала при переводе видится очень важной. Переводчик, выступая в роли рецептора текста оригинала, ограничен в интерпретационных возможностях. Восприятие текста в совокупности всех потенциальных значений затруднено в связи с ранее рассмотренными причинами: влияние картины мира, идиолекта и других личностных характеристик. Существует высокая вероятность неадекватного понимания интенции автора оригинала в отдельных фрагментах текста. При этом данная интенция может быть понятна для множества других рецепторов. Следовательно, часть потенциально релевантной информации оригинала неизбежно утрачивается переводчиком на стадии рецепции.

Вторая стадия перевода заключается в воспроизведении интерпретации текста оригинала средствами языка перевода, где переводчик выступает в роли автора вторичного текста. На данном этапе переводчик сталкивается с проблемой иного характера: особенности языка перевода и социокультурные особен-

ности целевой аудитории выступают ограничивающими факторами. Переводчик понимает интенцию автора, но не может передать ее адекватно, без потерь.

Рассмотрим пример: Льюис Кэрролл в произведении «Алиса в Зазеркалье» («Through the Looking-Glass, and What Alice Found There») приводит описание вымышленных существ:

... “you may observe a Bread-and-Butterfly. Its wings are thin slices of Bread-and-butter, its body is a crust, and its head is a lump of sugar.”

“And what does it live on?”

“Weak tea with cream in it.” [5].

В данном отрывке игра слов (bread-and-butter (бутерброд) и butterfly (бабочка)), реализуемая в названии вымышленных существ на основе общего компонента, обыгрывается далее в тексте через характеристики этих существ (собств. пер.: «крылья их представляют собой тонкие ломтики хлеба с маслом, тело – горбушка, а голова – кусочек сахара», «питаются они слабым чаем со сливками»). Дословный перевод разрушит интенцию автора, заключающуюся в игре слов, а сохранение игры слов возможно лишь при изменении образа. Пример перевода Н. М. Демуровой с изменением образа:

...Там на ветке сидит... знаешь, кто? Баобабочка! Она вся деревянная, а усики у нее зеленые и нежные, как молодые побеги!

- А что она ест? - спросила Алиса с любопытством.

- Стружки и опилки, - отвечал Комар [6].

Необходимо учитывать, что перевод, представленный в виде текста на языке перевода, обладает собственным интерпретационным потенциалом. Данний интерпретационный потенциал реализуется в рамках иной картины мира, на основе иного лингвистического материала. Текст не только утрачивает оригинальные черты, но и приобретает новые. Так, например, в книге Редьярда Киплинга «Книга джунглей» («The Jungle Book») персонаж пантера Багира (Bagheera) мужского пола, однако в переводе Е. Чистяковой-Вэр данный персонаж приобретает женский пол:

Оригинал:

*Everybody knew Bagheera, and nobody cared to cross **his** path; for **he** was as cunning as Tabaqui, as bold as the wild buffalo, and as reckless as the wounded elephant. But **he** had a voice as soft as wild honey dripping from a tree, and a skin softer than down [7].*

Перевод Е. Читяковой-Вэр:

*Все знали Багиру и все боялись становиться **ей** поперек дороги, потому что **она** была хитра, как Табаки, мужественна, как дикий буйвол, неудержима, как раненый слон. Тем не менее **ее** голос звучал мягко, точно звук падающих с дерева капель дикого меда, а **ее** шерсть была нежнее лебяжьего пуха [8].*

Данные изменения объясняются особенностями морфологии русского языка. Конечная флексия –а в имени, а также сочетание со словом «пантера» в женском роде обуславливают данную трансформацию.

Таким образом, изменение интерпретационного потенциала текста при переводе – сложный многоаспектный процесс, в основе которого лежат субъективные характеристики потенциальных читателей и переводчика, а также объективные различия в языковых системах. Данный процесс может быть представлен в виде следующей схемы (Рис. 2):

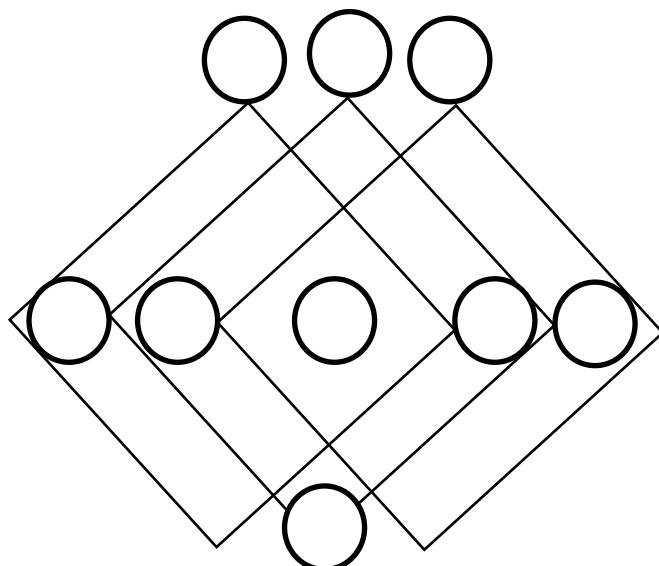

Рис. 2: Схема трансформации интерпретационного потенциала текста при переводе

1. Интерпретационный потенциал текста оригинала;
2. Интерпретация текста оригинала переводчиком;
3. Интерпретационный потенциал текста перевода;
4. Информация текста оригинала, переданная переводчиком без изменений на язык перевода;
5. Информация текста оригинала, которую переводчик не смог передать на язык перевода по лингвистическим и социокультурным причинам;
6. Часть интерпретационного потенциала текста оригинала, не воспринята переводчиком;
7. Инновации в тексте перевода, вызванные необходимостью адаптации по лингвистическим и социокультурным причинам и рассматриваемые переводчиком как непротиворечащие интенции оригинала;
8. Часть интерпретационного потенциала текста перевода, не совпадающая с интерпретацией переводчиком оригинала и собственного перевода;
9. Информация, полученная переводчиком в результате неправильной интерпретации текста оригинала по причинам принадлежности к чужой лингвокультурологической общности, но не переданная им в тексте перевода.

Заключение

Понятие «интерпретационный потенциал», исследуемое в данной статье, способствует лучшему пониманию трансформационных процессов, влияющих на восприятие содержания оригинала при переводе. Содержание оригинала не является однозначным и статичным, поскольку реализуется в сознании читателей при взаимодействии различных индивидуальных особенностей. Перевод представляет собой выбор одного из возможных способов интерпретации текста, сопровождающийся редукцией остальных и возникновением новых в результате объективации данной интерпретации в форме текста на материале иного языка и культуры.

Список литературы

1. Исследование национального характера и картины мира. Журнал «Отечественные записки» URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/issledovaniya-nacionalnogo-haraktera-i-kartiny-mira> [дата обращения: 3.03.2025].
2. Вардзелашвили Ж.А. Цикл лекций «Язык и знание». Языковая картина мира URL: <https://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html> [дата обращения: 3.03.2025].
3. Bailey J. “*Gone with the Wind*” and Controversy: What You Need to Know. New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/10/movies/gone-with-the-wind-controversy.html> [дата обращения: 6.03.2025].
4. Еськова Н. Что означает слово «мир» в названии романа Льва Толстого? Журнал «Новый мир». Выпуск № 7, 2006 г. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2006/7/chto-oznachaet-slovo-mir-v-nazvanii-romana-lva-tolstogo.html [дата обращения: 8.03.2025].
5. Lewis Carroll. *Through the Looking-Glass, and What Alice Found There*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/12/12-h/12-h.htm#link2HCH0003> [дата обращения: 6.03.2025].
6. Демурова Н.М. *О переводе сказок Кэрролла*. М.: Наука; 1991. 315с.
7. Kipling R. *The Jungle Book*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/236/236-h/236-h.htm#chap01>. [дата обращения: 7.03.2025].
8. Киплинг Р. *Книга джунглей*. URL: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0070.shtml [дата обращения: 5.03.2025].

References

1. Research of national character and worldview. Journal "Otechestvennye zapiski". Available from: <https://strana-oz.ru/2002/3/issledovaniya-nacionalnogo-haraktera-i-kartiny-mira> [accessed: 3.03.2025]. (In Russ.)
2. Vardzelashvili Zh.A. *Lecture series "Language and knowledge". Language picture of the world* Available from: <https://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html> [accessed: 3.03.2025]. (In Russ.)
3. Bailey J. “*Gone with the Wind*” and Controversy: What You Need to Know. New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/10/movies/gone-with-the-wind-controversy.html> [accessed: 6.03.2025].
4. Yes'kova N. *What does the word "world" mean in the title of Leo Tolstoy's novel?* "Novy Mir" Journal. Issue No. 7, 2006. Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2006/7/chto-oznachaet-slovo-mir-v-nazvanii-romana-lva-tolstogo.html [accessed: 8.03.2025]. (In Russ.)
5. Lewis Carroll. *Through the Looking-Glass, and What Alice Found There*. Available from: <https://www.gutenberg.org/files/12/12-h/12-h.htm#link2HCH0003> [accessed: 6.03.2025].
6. Demurova N.M. *On the translation of Carroll's fairy tales*. M.: Nauka; 1991. 315 p. (In Russ.)
7. Kipling R. *The Jungle Book*. Available from: <https://www.gutenberg.org/files/236/236-h/236-h.htm#chap01>. [accessed: 7.03.2025].
8. Kipling R. *The Jungle Book*. Available from: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0070.shtml [accessed: 5.03.2025]. (In Russ.)

Авторы публикации

Ганеев Руслан Рашидович –
преподаватель английского языка
ИП «Ruslan R. Ganeyev»
Караганда, Казахстан
Email: ganeyevruslan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1306-695X>

Альжанова Айнур Ырысовна –
старший преподаватель
ЧУ Академия «Bolashaq»
Караганда, Казахстан
Email: ainuralzhanova@bk.ru

Authors of the publication

Ganeyev Ruslan Rashidovich –
English Language Instructor
Ruslan R. Ganeyev Sole Proprietorship
Karaganda, Kazakhstan
Email: ganeyevruslan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1306-695X>

Alzhanova Ainur Yrysovna –
senior lecturer
“Bolashaq” Academy Private Institution
Kazakhstan, Kazakhstan
Email: ainuralzhanova@bk.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of in-

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

terest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.08.2025

Submitted: 02.08.2025

Одобрена после рецензирования: 10.09.2025

Approved after peer reviewing: 10.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 02.08.2025

Approved after peer reviewing: 10.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья

УДК 81'25

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.411-423>

ПЕРЕВОД УРБАНОНИМОВ: ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ

A.A. Гуреева¹, Е.Ю. Новикова², А.А. Новожилова³

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹*gureeva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5993-8138*

²*nov-elina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4442-9071*

³*novozirova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7601-9048*

Аннотация. В статье рассматривается вариативность перевода топонимов как элементов урбанистической сферы города. Переводческая вариативность определяется как выражение исходного текста различными средствами языка перевода в разных формах. Вариативность форм выражения смыслов исходного текста зависит от социальной идентичности участников коммуникации, определяется их территориальной принадлежностью и условиями коммуникативной ситуации.

В статье аргументируется, что вариативность перевода топонимов возникает в случаях, когда переводчики по-разному воспринимают и интерпретируют смыслы исходного текста. Вариативность обусловлена также языковыми средствами передачи информации, которые являются одинаковыми в определенном контексте, но различаются в рамках определенной языковой парадигмы. В каждом отдельном случае причины вариативности перевода топонимов различны – от характеристик исходного текста до профессиональной компетенции переводчиков.

На примере урбанизмов города Волгограда определяются ключевые факторы вариативности перевода топонимов: системно определяемый, дискурсивно зависимый и технологический. Принятие переводческого решения анализируется с точки зрения лингвистических и экстралингвистических факторов. Приведены результаты сравнительного анализа перевода урбанизмов города Волгограда системами машинного перевода, выделены типичные различия, демонстрирующие наиболее частые виды вариантов перевода топонимов.

Ключевые слова: топоним; урбанизм; перевод; переводческая вариативность; переводческое решение

Для цитирования: Гуреева А.А., Новикова Э.Ю., Новожилова А.А. Перевод урбанизмов: факторы вариативности. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 411–423. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.411-423>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.411-423>

TRANSLATION OF URBANONYMS: FACTORS OF VARIATION

A.A. Gureeva¹, E.Yu. Novikova², A.A. Novozhilova³

Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹*gureeva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5993-8138*

²*nov-elina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4442-9071*

³*novozirova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7601-9048*

Abstract. The article examines the variability of toponym translation as elements of the urban sphere of the city. Translation variability is defined as diverse expressions of the source text by

various means of the target language. These expressions are affected by communicants' social identities, their territorial belonging, and communicative situation.

It is explained that the variability of toponym translation arises when translators percept and interpret the source text meanings in a different way; variability is also caused by the linguistic means which transfer the information identical within a specific context and differ within a certain linguistic paradigm. In each individual case, the reasons of toponym translation variability are different – from the source text specific characteristics to the translators' professional competence.

Using the example of urbanonyms of the city of Volgograd, the key factors of variability of toponym translation are determined: systemically determined, discursively dependent and technological one. A translation decision is analyzed from the view of extra- and intralinguistic factors. The results of a comparative analysis of the translation of urbanonyms by machine translation systems are presented; typical differences are highlighted, demonstrating the most frequent types of toponym translation variants.

Keywords: toponym; urbanonym; translation; translation variability; translation solution

For citation: Gureeva A.A., Novikova E.Yu., Novozhilova A.A. Translation of Urbonyms: Factors of Variation. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 411–423.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.411-423>

Variability of translation solutions can be viewed as multiplicity of solutions within the limits of adequate translation, non-uniqueness of a translation solution and the use of different forms to convey the meaning of the source text in the target texts.

In linguistics, there are two main approaches to considering the variability of translation solutions:

1. translators interpret the source text differently and therefore use various translation means.
2. the source text interpretation and its understanding may be similar, while the means of conveying the same idea into the target language are different.

One of the reasons for translation variability is the difference between the source and recipient cultures: ideas, values and ways to express them may differ in the source and target languages. In addition to translation norms, translation variability is influenced by the translator's subjective perception as a native speaker of a certain language with his own individual idiolect, personal experience, and worldview. All this determines the translator's choice of one or another variant to convey the source text content.

We define translation variability as the expression diversity, determined by conditions, communicative situation, and communicants' social identity or territorial belonging. Translation variability can be caused by the translators' different perception and interpretation of the source text meanings; it also occurs due to the linguistic means different within a certain linguistic paradigm and can transmit information identical within a specific context, which makes translation process possible. In each specific case, the variability reasons are different – from the text features to the translators' professional competence.

The object of our study is an urban text viewed as a hypertext space which accumulates many genres reflecting the interests of urban communities. Toponymic systems are studied by sociolinguists [1; 2], researchers studying territorial marketing and branding [3; 4], ethnolinguists [5; 6; 7], translation scholars [8; 9], etc. Toponyms reflect the historical, geographical, social and cultural features of an area, as well as the evolution of language and society. Toponyms are an important link in the structure of an urban text, which forms the semiotic code of the urban urbosphere. Urbanonyms occupy a special place in the urban text linguistic diversity. Urbanonymicon is a complex structure that includes anthroponyms, toponyms, microtoponyms, godonyms, zoonyms, chrematonyms, econyms and other types of names. Urbanonyms form a space characterized by the unity of nominations, specific toponymic terms.

Our research is focused on urban sphere in Volgograd, namely translation variability. Toponymic nominations are often determined by social factors and characteristics of an object. The linguistic status of toponyms seems to be a complex interaction of extra- and intralinguistic factors. The translation status of such linguistic elements is determined by the intercultural nature and potential of the urban sphere. According to L.R. Sakayeva, “anthroponyms in the composition of urbanonyms, i.e. intra-city objects (streets, squares, parks, monuments, institutions, etc.) are exceptionally productive, which is explained by the desire of the city and regional residents to perpetuate the memory of individuals with special merits in various areas of public

life (statesmen, writers, military leaders, scientists, individuals recognized as saints, etc.)” [10, p. 103].

The regional toponymy presented in English is actively used in the tourism sector, including online city resources, guides, navigation applications, maps, and orientation systems. The names of the Volgograd objects are also widely used on billboards, posters and signs, creating a unique cultural and historical image of the city and emphasizing its national identity, which makes the study of urbanonym translation variability important.

Studying the toponym translation variability factors in the polycode text of the urban space, including the example of Volgograd, is an interdisciplinary task requiring the use of various methods and analysis of extensive materials. We used systemic and aspectual approaches based on the methods of observation, generalization, comparative-contrastive method of using toponyms in Russian and English; receptive-interpretive method of translation options for texts containing toponyms.

The empirical material is presented by the texts of street signs in Volgograd, the multilingual Internet portal “Volgograd Area Travel-friendly Land”, student translations of tourist-oriented texts, multimedia resources such as photographs, videos and audio recordings where toponyms are mentioned. The study is aimed at the translational analysis of the urban toponym features in the polycode text of the urban sphere and involves finding answers to the questions: 1) what factors determine the variable translation action in relation to toponyms? 2) can the machine translation carry out a correct and pragmatically adequate translation of toponymicon?

Even a cursory review of established translation variants for world-known toponyms, such as:

Eng. *The Shard: небоскреб «Шард», Осколок and Осколки стекла,*

Eng. *Big Ben: Биг-Бен and Большой Бен,*

Rus. “Родина-мать зовет!”: “*The Motherland Calls*”, “*The Mother Russia Calls!*” and “*Mother-Russia calls for!*”,

Rus. *Мамаев Курган*: *Mamayev Kurgan*, *Mamaev Kurgan*, *Mamayev Hill*, and *Mamaev Hill*;

as well as examples of translation blunders and errors, for example: *Blue Dali street* (Rus. *улица Голубые Дали*), *Dom Youth* (Rus. *Дом Молодежи*), *Tverskaya ulicza* (Rus. *Тверская улица*), *Memorial Submarine Museum* (Rus. *Мемориальный комплекс «Ворошиловская батарея»*) confirm the complex problem of toponym translation requiring detailed research within the translation studies.

In the case of toponym translation variability, we encounter a number of factors that are determined not only by the discursive features and translators' professional competence, but also by systemic and pragmatic factors. We propose to consider three groups of factors which can be considered key in matters of toponym translation variability.

The first factor is the System Determined Factor. We assume, the main factor in toponym translation variability is the absence and / or impossibility of a systematic approach in modern translation studies to the toponym translation technology. There is a lack of universal rules for the transfer of proper names in general, including urbanonyms. The attempts to systematize approaches to the regional toponyms translation have not led to the development of uniform standards, so far. Thus, the Toponymic Commission of St. Petersburg proposed some recommendations for adapting the names of city objects into English, taking into account their placement on information carriers [11]. However, the problem remains relevant due to differences in language systems, translation methods and the uniqueness of regional names. This leads to various translations of the same name (godonym). For example, when Volgograd was preparing to host the 2018 FIFA World Cup, the street signs in the city centre were translated into English. The translations of the same street name vary, which is caused by the translation order being completed by different translators, each of whom, in the absence of a single set of rules, chose one of the possible translation options:

Rus. *проспект В.И. Ленина*: *V.I. Lenina avenue*, *V.I. Lenina Avenue*, *V.I. Lenin prospect*, *Prospekt V.I. Lenina*, and *LENINA avenue*;

Rus. *улица Советская*: *Sovetskaya street* and *uliza Sovetskaya*.

There are other translation variants for these names on the websites of travel agencies, hotels and inns:

Rus. *ул. Советская*: *Sovetskaya Street*, *Ulitsa Sovetskaya*,

Rus. *проспект В.И. Ленина*: *prospekt V.I. Lenina*, *Prospect Lenin*, *Lenina Prospect*, *im V.I.Lenina pr-kt.*

The translation of the name *проспект В.И. Ленина* in the addresses of companies and organizations is even more variable: *Prospekt Im V.i.lenina*.

The second factor which we define is the System Determined Factor. Modern discourses combine elements of various styles and communicative spheres. For example, in a tourist discourse, official, cultural and educational, advertising and informational communication may intersect. Urban discourse, realized in the socio-cultural communication of the urbosphere, integrates all possible discourses of urban life. Such polysemy and polycode communication contribute to the multimodal genre paradigm formation, the centre of which is hypertext – “urban text”. Depending on the text genre and its target audience, translators choose different strategies. Among the authoritative translation studies devoted to the problems of translation and lingocultural transfer of proper names, including toponyms, we note the contribution of D.I. Ermolovich, who analyzes approaches to the translation of proper names and offers solutions for the most complex translation tasks [12; 13]. Based on his recommendations, we provide a number of examples of discourse-dependent translation variability. In the context of official business communication, the following techniques are used when translating texts with urbanonyms:

- foreign language insertions: the toponym is preserved in its original form (e.g. *улица Кирова* on Google Maps in English);
- generally accepted equivalents “*Волгоградская область*” – Eng. *Volgograd region*, *Volgograd Region*, *the Volgograd region*.

— transliteration or transcription “*Волгоградская область*” — Eng. *Volgograd oblast*.

2. In texts devoted to cultural and historical objects, such as guides and brochures, aimed at preserving the authenticity of names, translation variability is manifested in the following:

- a) established translation options, e.g. *Alley of Heroes* (Rus. *Аллеягероев*);
- b) clarifying words to improve understanding, Eng.: *The main height of Russia Mamayev Kurgan* (Rus. *Мамаев Курган*);
- c) combination of transcription and translation — *The ideal place to start the walk around the city centre is Square of the Fallen Fighters* (*Ploshchad Pavshikh bortsov*), *Nearby at the corner there is the Regional Museum of Local Lore* (*Kravyedchesky musey*), *The natural park of the Volga-Akhtuba Floodplain* (*Prirodny park Volgo-Akhtubinskaya Poyma*) *covers two regions of Astrakhan and Volgograd and also a part of the Republic of Kalmykiya*;
- d) words most frequently used in the target language, Rus. *Мамаев Курган* — Eng. *Mamayev Hill*;
- e) double names Rus. *железнодорожный вокзал* — Eng. *the Central Railway Station Volgograd-1* (*Tsentralny zheleznodorozhny vokzal*); considering the customer's requirements, if any.

To achieve the best results, translators often combine these approaches in practice.

The Technology Factor, which is the third and the last one, is revealed in two aspects: 1) translation method — machine translation or “human” translation with post-editing; 2) translator's professional competence.

Herewith, the results of our comparative analysis of the two versions of one Russian text fragment containing the names of various landmarks in Volgograd done by machine translators:

Source: *В зимний период мы, как правило, разделяем экскурсии по центральной туристической части и Мамаеву Кургану. Если спланировать на два дня, то можно в первый выйти из гостиницы «Космос», пройти часть основ-*

ной экскурсии: Здание ж/д вокзала, Музей Обороны Царицына, Главпочтамт, Собор Александра Невского, Новый Экспериментальный театр, Площадь Павших Борцов, спускаемся на Аллею Героев, затем на верхнюю набережную Волги и от нее, через музыкальный драм театр до Музея Сталинградской битвы (дом Павлова, мельница Гергардта, Фонтан «Бармалей») и от площади Ленина на трамвае до Кургана. Во второй день можно пройти от Космоса через Здание Царицынской Пожарной части в гор сад с историческими зданиями и по верхней и нижней террасам Волги – до места первой церкви Царицына, ресторана «Маяк», к речпорту, центрального концертного зала, пожарно-спасательного камира «Гаситель»), если останется время, то можно пройти по пойме реки Царица (Раздолье).

Google Translate	DeepL.com
In winter, we usually separate excursions to the central tourist area and Mamayev Kurgan. If you plan for two days, then on the first day you can leave the Cosmos Hotel, go through part of the main excursion: the Railway Station building, the Tsaritsyn Defense Museum, the Main Post Office, the Alexander Nevsky Cathedral, the New Experimental Theater, the Square of Fallen Fighters, go down to the Alley of Heroes, then to the upper embankment of the Volga and from there, through the Musical Drama Theater to the Museum of the Battle of Stalingrad (Pavlov's House, Gerhardt's Mill, the Barmaley Fountain) and from Lenin	In winter we usually separate the excursions to the central tourist area and Mamaev Kurgan. If to plan on two days, it is possible in the first to leave from hotel “Cosmos”, to pass a part of the basic excursion: Railway Station building, Tsaritsyn Defense Museum, Glavpochtamt, Alexander Nevsky Cathedral, New Experimental Theater, Square of Fallen Fighters, we go down to the Alley of Heroes, then to the upper embankment of the Volga and from it, through the musical drama theater to the Museum of the Battle of Stalingrad (Pavlov's house, Gergardt's mill, “Barmaley” fountain) and from Lenin Square by

<p>Square by tram to Kurgan. On the second day, you can walk from the Cosmos through the Tsaritsyn Fire Station building to the city garden with historical buildings and along the upper and lower terraces of the Volga – to the site of the first church of Tsaritsyn, the Mayak restaurant, the river port, the central concert hall, Fire and rescue boat “Gasitel”), if there is time left, you can walk along the floodplain of the Tsaritsa River (Razdolye).</p>	<p>streetcar to Kurgan. On the second day you can walk from Cosmos through the building of Tsaritsyn Fire Department to the mountain garden with historical buildings and along the upper and lower terraces of the Volga River to the place of the first church of Tsaritsyn, restaurant “Mayak”, to the river port, the central concert hall, fire rescue boat “Extinguisher”), if there is time, you can walk along the floodplain of the Tsaritsa River (Razdolie).</p>
---	---

Machine translators provide quite good translation variants with observance of the lexical and grammatical norms of the target language. At the same time, there is a variability of translation solutions explained by the peculiarities of the machine translators' architecture and functionality. DeepL works on the basis of neural networks and is trained on large volumes of data. Google Translate uses its own software, a self-learning machine translation algorithm.

Translation variability:

Source text	Google Translate	DeepL.com
a) Translation method		
Главпочтамт – abbreviation, shortening of the oikodomonym “main post office””	the Main Post Office (equivalent)	Glavpochtamt (transcription)
«Гаситель»	“Gasitel” (transcription)	“Extinguisher” (equivalent)
b) Transcription variants		
Мельница Гергардта	Gerhardt's Mill	Gergardt's mill

Раздолье	Razdolye	Razdolie
Мамаев Курган	Mamayev Kurgan	Mamaev Kurgan
c) Lowercase and uppercase letters		
Дом Павлова	Pavlov's House	Pavlov's house
мельница Гергардта	Gerhardt's Mill	Gergardt's mill
гостиница «Космос»	the Cosmos Hotel	hotel “Cosmos”
музыкальный драмтеатр	the Musical Drama Theater	the musical drama theater
d) Use / absence of the definite article		
Здание ж/д вокзала	the Railway Station building	Railway Station building
Музей Обороны Царицына	the Tsaritsyn Defense Museum	Tsaritsyn Defense Museum
Собор Александра Невского	the Alexander Nevsky Cathedral	Alexander Nevsky Cathedral
Новый Экспериментальный театр	the New Experimental Theater	New Experimental Theater
Площадь Павших Борцов	the Square of Fallen Fighters	Square of Fallen Fighters
Фонтан «Бармалей»	the Barmaley Fountain	“Barmaley” fountain
гостиница «Космос»	the Cosmos	Cosmos
ресторан «Маяк»	the Mayak restaurant	restaurant “Mayak”
e) Quotation marks		
ресторан «Маяк»	the Mayak restaurant	restaurant “Mayak”
Фонтан «Бармалей»	the Barmaley Fountain	“Barmaley” fountain
гостиница «Космос»	the Cosmos Hotel	hotel “Cosmos”

Machine translation performed by different programmes requires corrections and edits by a human translator; in some cases, it is necessary to use explanatory words to improve understanding.

Conclusion

Toponym translation presupposes not only a deep immersion in the context, but also consideration of the genre features, as well as the specifics of the tasks set by the client. The translator acts as a specialist in intercultural interaction, carefully selecting the most appropriate methods and techniques to preserve the meaning and cultural identity. Difficulties arise only with an insufficient level of professionalism or an inability to grasp the nuances of discourse. High-quality toponym translation is possible only with a comprehensive analysis of all aspects affecting the intercultural communication. Translation variability appears in cases when translation is done by a machine translator; affected by extra linguistic features at the level of the lack of a systematic approach to the translation of toponyms, as well as by linguistic features at the level of genre and typological characteristics of the text.

References

1. Lotman Yu.M. *Symbolism of St. Petersburg and problems of the city semiotics.* comp. L.N. Kiseleva, M.Yu. Lotman. SPb.: «Iskusstvo-SPB»; 2002. P. 212–213. (In Russ.)
2. Golomidova M.V. Urbanonyms as a resource of management of urban space perception. *Communication studies.* 2019;6(1):11–30. (In Russ.)
3. Gureeva A.A. Marketing function of place branding texts. Volgograd: Volgograd State University: *Homo Loquens: (aspects of linguistics and translation studies).* 2018;11:41–49. (In Russ.)
4. Mityagina V.A., Naumova A.P. Urban metadiscourse: city as a subject of communication. Volgograd: Volgograd State University: *Homo Loquens: (aspects of linguistics and translation studies).* 2021;14:95–106. (In Russ.)
5. Shmeleva T.V. The Citizen as a Reader. *Philological Discourse: Bulletin of the Institute of Humanities. Tyumen State University. The City as a Cultural Space.* 2012;10:7–11. (In Russ.)
6. Belyaev A.N. The problem of the etymology of the place name Leipzig. *Kazan Linguistic Journal.* 2021;3(4): 380–391. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.3.380-391>.
7. Wang Cui. Analysis Of Chinese Dish Names with Toponyms Against the Background of Linguistic Typology. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(1): 69–79. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>.
8. Novikova E.Yu. Tourism text translation: theory, approach, teaching methods. *PNRPU linguistics and pedagogy bulletin.* 2019;3:40–48. (In Russ.)
9. Novozhilova A.A., Korolkova S.A. Efficiency of machine translation in urban discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2021;20(3):87–98. (In Russ.)
10. Sakaeva L.R., Muryasov R.Z. Word-formation structure of toponyms in languages with different structures. *Doklady Bashkirskogo Universiteta.* – 2024;9(3): 101–107. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2024.3.12>.
11. Proposals of the Toponymic Commission of St. Petersburg on the principles and rules of transliteration and translation into English of names of the urban environment objects in St. Petersburg for placement on information carriers. URL: https://utr.spb.ru/info/Topo_%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf [accessed: 07.04.2025]. (In Russ.)

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Гуреева А.А., Новикова Э.Ю., Новожилова А.А. Перевод урбанизмов: факторы вариативности
Казанский лингвистический журнал. 2025; 8(3): 411–423

12. Ermolovich D.I. *Proper names at the crossroads of languages and cultures. Borrowing and transfer of proper names from the point of view of linguistics and translation theory.* Moscow: «R.Valent», 2001. (In Russ.)
13. Ermolovich D.I. Names and Titles in Translation. Moscow: «R.Valent»: *Bridges: Journal of Translators.* 2004;1:31–35. (In Russ.)

Список источников

1. Лотман Ю.М. *Символика Петербурга и проблемы семиотики города.* сост. Л.Н. Киселева, М.Ю. Лотман. СПб.: «Искусство-СПБ»; 2002. с. 212–213.
2. Голомидова М.В. Урбанизмы как ресурс управления восприятием городского пространства. *Коммуникативные исследования.* 2019;6(1):11–30.
3. Гуреева А.А. Маркетинговая функция текстов территориального брендинга. Волгоград: Волгоградский государственный университет: *Homo Loquens: (вопросы лингвистики и транслятологии).* 2018;11:41–49.
4. Митягина В.А., Наумова А.П. Урбанистический метадискурс: город как субъект коммуникации. Волгоград: Волгоградский государственный университет: *Homo Loquens: (вопросы лингвистики и транслятологии).* 2021;14:95–106.
5. Шмелёва Т.В. Горожанин как читатель. *Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук. ТюмГУ. Город как культурное пространство.* 2012;10:7–11.
6. Беляев Н.А. К проблеме этимологии топонима Leipzig. *Казанский лингвистический журнал.* 2021;3(4): 380–391. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.3.380-391>.
7. Ван Цуй. Анализ названий китайских блюд с топонимами на фоне лингвистической типологии. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(1): 69–79. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.69-79>.
8. Новикова Э.Ю. Перевод туристических текстов: вопросы теории и методики. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоизнания и педагогики.* 2019;3:40–48.
9. Новожилова А.А., Королькова С.А. Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоизнание.* 2021;20(3):87–98. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>.
10. Сакаева Л.Р., Мурясов Р.З. Словообразовательная структура топонимов в разноструктурных языках. *Доклады Башкирского университета.* – 2024;9(3): 101–107. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2024.3.12>.
11. Предложения Топонимической комиссии Санкт-Петербурга по принципам и правилам транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды Санкт-Петербурга для размещения на информационных носителях. URL: https://utr.spb.ru/info/Topo%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf [дата обращения 07.04.2025].
12. Ермолович Д.И. *Имена собственные на стыке языков и культур. Заемствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода.* Москва: Р.Валент, 2001.
13. Ермолович Д.И. Имена и названия в переводе. Москва: «Р.Валент»: *Мосты: Журнал переводчиков.* 2004;1:31–35.

Авторы публикации

Гуреева Анна Андреевна –
доцент
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: gureeva@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5993-8138>

Новикова Элина Юрьевна
профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

Authors of the publication

Gureeva Anna Andreevna –
Associate Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: gureeva@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5993-8138>

Novikova Elina Yurievna
Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia

Email: nov-elina@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Новоожилова Анна Алексеевна
доцент
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: novozilova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.04.2025
Одобрена после рецензирования: 10.08.2025
Принята к публикации: 15.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Email: nov-elina@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Novozhilova Anna Alexeevna
Associate Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: novozilova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 27.04.2025
Approved after peer reviewing: 10.08.2025
Accepted for publication: 15.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.424-432>

**ЭРГОНИМЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛФАСТА
A.P. Исмагилова**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия
ismalisha@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5970-151X>

Аннотация. Развитие международного сотрудничества и расширение сфер функционирования некоторых языков стало возможным благодаря экономическим, социальным, политическим и культурным изменениям. Наиболее важными элементами городского пространства, отражающими эти социальные процессы и изменения, являются эргонимы. Названия организаций – это пестрое полотно, которое демонстрирует языковое многообразие территории. Лингвистический ландшафт – это маркер, которые отражает социальные процессы и результаты языковой политики региона. Северная Ирландия – это территория разнообразных языковых и культурных контактов. В Белфасте большая часть населения ирландцы, но ирландский язык долгое время не имел статуса официального языка региона и относился к языкам меньшинств. В данном случае языковая политика выступает механизмом, способным повлиять на степень представленности ирландского языка в общественном пространстве. Также на лингвистический ландшафт оказывают влияние социальные процессы, такие как глобализация и вестернизация. Наименования городских объектов не только показывают предпочтительные языки номинации, но и могут отражать статус языков и степень их функционирования. В статье предлагается исследование лингвистического ландшафта г. Белфаста, сформированного под влиянием языковой политики Северной Ирландии и социальных процессов. Методы компонентного анализа, сопоставительного и описательного анализов отражают основные способы словообразования, семантические группы и языки – доминанты лингвистического ландшафта Белфаста.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт; языковая политика; глобализация; эргонимы; многоязычие

Для цитирования: Исмагилова А.Р. Эргонимы в лингвистическом ландшафте Белфаста. Казанский лингвистический журнал. 2025;8(3): 424–432. (In Eng.).
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.424-432>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.424-432>

ERGONYMS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF BELFAST

A.R. Ismagilova

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
ismalisha@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5970-151X>

Abstract. The development of international cooperation and the expansion of the spheres of functioning of some languages have become possible due to economic, social, political and cultural changes. The most important elements of urban space reflecting these social processes and changes are ergonyms. The names of organizations are a motley canvas that demonstrate the linguistic di-

versity of the territory. The linguistic landscape is a marker that reflects the social processes and results of the language policy of the region. Northern Ireland is a territory of diverse linguistic and cultural contacts. In Belfast, most of the population is Irish, but for a long time the Irish language did not have the status of an official language of the region and belonged to the minority languages. In this case, the language policy acts as a mechanism capable to influence the degree of representation of the Irish language in the public space. The linguistic landscape is also influenced by social processes such as globalization and westernization. The names of urban objects not only show the preferred languages of the nomination, but can also reflect the status of languages and the degree of their functioning. The article offers a study of the linguistic landscape of Belfast, shaped by the influence of the language policy of Northern Ireland and social processes. The methods of component analysis, comparative and descriptive analyses reflect the main ways of word formation, semantic groups and dominant languages of the Belfast linguistic landscape.

Key words: linguistic landscape, language policy, globalization, ergonyms, multilingualism.

For citation: Ismagilova A.R. Ergonyms in the linguistic landscape of Belfast. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 424–432. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.424-432>

The term linguistic landscape is relatively young, different scientists offer their own interpretations of this term. The linguistic landscape is considered by scientists as an integral system consisting of various components, such as astyonyms, oikodonyms, godonyms, gerotonyms, etc [1], [2]. For the first time, the definition of the term "linguistic landscape" was proposed by R. Laundry and R. Baurhis in 1997, who define the linguistic landscape as "one of the ways to describe the everyday existence of a language, consisting in the study of written signs in the public sphere, the public space of the urban environment" [3], [4].

The agents involved in the linguistic landscape can be business owners, public representatives and neighbors at the individual level [5]. Through reading and writing they suggest the ability to decide which messages are visible in public roads, what language elements they must contain and how they are interpreted in a series of ideological values linked to languages [6]. A city is largely determined by this linguistic agency through motivations, whether public or private space, and acquire informative or symbolic functions [7]. This sociolinguistics of space helps to interpret social relationships by providing meaning the roles that language adopt and the internships that different communities of speakers establish among themselves.

C. Fernández Juncal points out that the linguistic landscape has two main functions: informative and symbolic. By its informative function it limits the range of the

languages represented on the investigated territory, shows the range of languages spreaded thus pointing out of the territory under the investigation is monolingual, bilingual or multilingual [8]. The symbolic function refers to the sense of inclusion or exclusion of the languages in the linguistic landscape, especially of the minority languages [9].

The term ergonym was introduced into the Russian linguistic paradigm in 1978 by A.V. Superanskaya, who defines ergonyms as special onomastic units, names of social associations of people [10]. Turaeva A.R. adds that the totality of ergonyms in some territory, within the framework of the linguistic and cultural space, forms an obvious structure with certain systemic features [11]. The structure of an ergonym is a set of all potential features peculiar to one or another ergonym.

The collection of ergonyms of English districts was carried out on the streets of various types:

1) peripheral streets with a large number of objects, where from 80 to 150 objects are located (Lisburn Road - 143 objects, Woodstock road - 110 objects, Gregagh Road - 82 objects);

2) central streets with an average number of properties ranging from 40 to 80 (Royal Ave - 68 properties, Botanic Ave - 56 properties, Castlereagh road - 54 properties, Donegall Street - 54 properties, Great Victoria Street - 50 properties, Donegall Road - 46 objects, Castle Street - 44 objects, Dublin Road - 41 objects);

3) central streets with a small number of objects: from 6 to 39 (Fountain Street - 36 objects, Beersbridge Road - 33 objects, Bloomfield Ave - 31 objects, Queen street - 30 objects, Donegall PL - 29 objects, North Street - 28 objects, Chichester Street – 26 properties, Castlereagh street – 22 properties, University street – 21 properties, Bradbury Pl Street – 20 properties, Howard street – 19 properties, Linehall Street – 17 properties, May street – 15 properties, Adelaide Street – 14 properties, Franklin Street - 6 objects). The total number of ergonyms-names of objects on these streets was 1067.

In the ergonimy of the city of Belfast, there were 1067 analyzed ergonyms that by the languages of representation are divided on:

- 1031 ergonyms in English (travel agency **Oasis travel, Spar express store, Churchill's exclusive, Howard Buildings**);
- 2 contaminated ergonyms in Irish and English languages (**Ormeau Carpets store, Failte restaurant**);
- 2 English and Slovak contaminations (**Slovakpoint cafe u Mimky** lit. Slovak place atMimky, **Shop u Mimky store** lit. Shop at Mimka's);
- 1 English and Hindi contamination (**Indian Jaipur Kebab** lit. Indian Jaipur Kebab);
- 1 French and English contamination (**Rogue Hair Beauty Salon**lit. Red Hair)

Also, cases of using elements of various systems in one name were revealed:

- graphohybridization (9): **phones 4u, 4ur phone, Russel's shop4you, RE: lettings, Wok-A-Money, Cash-for-recycling, 366 the: hub, Eye-care-opticians, Fit4Life centre**;
- graphohybridization with ampersand (51): **Beauty & Nails Co, Sweets&Treats**, etc.;
- morphohybridization (3): **Nicola Hair, the streat, LabelS**;
- language game (4): **Bagel: bagel, Deli-licious, Turkish Kebab Kebabish, Lulu Blu.**

The transliteration of ergonyms of the English part of Belfast is implemented as follows:

- 5 cases from Hindi to Latin (**Kismat cafe** lit. Kismat, **Shimla cafe** lit. Shimla, **Sonali cafe** lit. Sonali, **Shikha shop** lit. Shikha, **Archana cafe** lit. Arkhana);
- 1 Urdu transliteration into Latin (**Cafe Moghul** lit. Mogul)

There are also presented 5 ergonyms on hieroglyphs: **さくら日本料理店**, **博士楊的傳統中國醫學診所** and 19 examples of borrowings from Spanish, Italian and French: **café Carlito's, Villa Italia** and etc.

The dominant language of nomination of the English part of Belfast is English. Out of 1067 ergonyms of the English part of Belfast, the Irish language is present in only two phrases with English.

In the so called «Irish Quarter» of Belfast, there are 24 ergonyms in Irish and 83 ergonyms in English. The main generating bases of these ergonyms are 47 examples of functional vocabulary: Whiskey café, Progressive Building Society, Oasis travel, Starbucks coffee, etc.; 32 anthroponyms: **St. George's Market, P.A. Duffy and Co solicitors, Lesley Studios, Kennedy recruitment, Richard Owens opticians** and others; 15 toponyms: **Oxford Exchange, Belfast city transport, China China, Vagabonds hostel Belfast** and others; 7 scononyms: **Sultan's grill, Queen's film theatre, Student guidance centre**, etc.; 2 mythonyms: **The red devil, Ande-abhaldearg** and 2 phytonyms: **Flowers areas, Rose garden**.

The analysis of generating bases also showed that in the ergonymicon of the Irish quarter of Belfast, the most preferred generating bases are functional vocabulary, anthroponyms and toponyms. The most frequent toponyms are the names denoting local referents: **Belfast** (5), **Northern Ireland** (2), **Ireland** (2), **Falls Road** (3), which makes up 87% of the considered ergonyms.

According to their form, the ergonyms of the Irish quarter of Belfast are divided into one-word, two-word and multi-word ergonyms. In the Irish quarter of Belfast, 12 one-word ergonyms formed from plural nouns were identified: **Mortgages, Flowers, O'hares**.

The classification of two-word and multi-word ergonyms was carried out on the basis of the theory proposed by Arakin V.D. Among the two-word ergonyms, the following patterns were identified:

- Kⁿ + Aⁿ (17): **Careers & Cleaning business center** (lit. Career and cleaning), **ITech Repairs service center** (Technical repairs), etc.;
- A^a + Kⁿ (34): **Little Chef Cafe** (lit. Little Chef), **Happy House Cafe** (lit. Happy House), **Red Dragon Cafe** (lit. Red Dragon), etc.;
- Kⁿ + A^a (1): **Hair terrific** (lit. amazing hair).

The verbose ergonyms of the Irish quarter are represented by the form $A^n + A^{n+} (A^n) + K^n$ (43): **Mother Teresa Holistic Foundation; public organization SinnFeinPoblachtach** (lit. Republic of Sinn Fein), social organization **Conflict Resolution Services Ireland**, etc.

According to the results of the analysis, the most characteristic form of ergonyms in the Irish quarter of Belfast are multi-word ergonyms formed according to the type $A^n + A^{n+} (A^n) + K^n$. After multi-word ergonyms, two-word ergonyms of the type $A^a + K^n$ are the most frequent.

The main producing bases of the ergonyms of Belfast are: 1) functional vocabulary (569): **business center Business services organization, Northern bank**, 2) anthroponyms (197): **Marty Quinn's barber shop, the Kennedy florists store, Karen Millen store**, 3) toponyms (105): **Oxford Exchange Business Center, River Ireland Business Center, the Beverly Hills travel agency**, 4) scononyms (98): **Burger King Café, Queen's Arcade store**, 5) Numeronyms (37): **Fit4Life centre store, the Russell's Shop4You store**, 6) phytonyms (32): **Sakura Restaurant, Orchid Lingerie store**, 7) zoonyms (23): **Diamond dogs animal hair salon**, 8) cosmonyms and astronyms (19): **The Sun store**, 9) mythonyms (2): **barbershop Angel**.

The city of Belfast has a large number of private commercial facilities, mainly shops, catering facilities, medical and legal services, which could not but be reflected in the ergonomics of the city. A large number of anthroponyms, namely 197, contain the names of modern residents of the city, leading or related to these organizations: **P.A. duffy and co solicitors, Howard Buildings, Nora Bradley LTD, Madison's Hotel, James Brown&Sons Funeral Directors, A.Mclean Bookmakers, Russell's Food and Drink, John Gilleece Dental Clinic, David Crymble and Sons**, etc. Lexical analysis of ergonyms of Belfast revealed specific features of the studied nominations: 1) 119 English-language names: **Windsor pharmacy, Anna Pink Flowers, Dickson&Co, Nico, Gerry Weber**; 2) 19 Scottish names: **Fred J. Malcolm, A.Mclean**; 3) nine Irish names: **Brennan's Bar, O'Brien's coffee** and 4) five Italian, French, Spanish names: **Morelli's Gelateria, Carl Scarpa** and etc.

The semantics of a number of toponyms (105) reflects the geographical the location of the city, the toponyms themselves are to some extent symbolic "emblems" of the city and / or country: **Belfast Health and Social Care Trust, Belfast city transport, Lipsy London, Vodafone Belfast, River Ireland, Oxfam Ireland, Northern Ireland Dental Care, Bank of Ireland** and etc.

Irish toponyms are also present in the names of executive authorities: **European Commission in Northern Ireland**, etc.; cultural sites: **Ulster Hall, The King's Hall Royal Ulster Society, Church of Ireland House**, etc.; business facilities: **Belfast computer repair**; medical institutions: **Belfast veterinary Clinic, Belfast Medicare, Belfast Health and Social Care Trust**.

76 (78%) ergonyms with toponyms in the production base contain phrases with the names of Irish referents "**Northern Ireland**" (43): **Northern Ireland Dental Care, British heart Foundation Northern Ireland**, as well as the words "**Belfast**" (24): **Belfast city transport, Belfast Health and Social Care Trust, Vodafone Belfast** and "**Ulster**" (9): **Ulster bank, Ulster property sales**, etc. Ergonyms are dynamic elements of the linguistic landscape of a city, but they are formed under the influence of historic and social changes. That is why it is clear the reason of the historical toponyms representation as they are the symbols of the investigated territory.

The integration of languages, their mutual influence and enrichment can erase the national framework of cities, and can lead to the spread of foreign language vocabulary in the nomination of urban objects. In the case of Belfast, the most preferred productive base is anthroponyms (197), and then toponyms (105). In the city of Belfast there are a large number of private commercial facilities, mainly shops, catering facilities, medical and legal services, which could not but be reflected in the ergonomics of the city. A large number of anthroponyms, namely 197, contain the names of modern residents of the city, who manage or are related to these organizations. The semantics of a number of toponyms (105) reflect the geographical location of the city; the toponyms themselves are, to a certain extent, symbolic "emblems" of the city and/or country. The linguistic landscape feels the influence of the process of

globalization and it is reflected in the urban nomination, but global can't be developed without the local.

Список литературы

1. Barni M. Linguistic landscape and language vitality. *Linguistic Landscape in the City. Multilingual Matters.* 2006:19–23.
2. Ben-Rafael E. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel. *International Journal of Multilingualism.* 2006:7–30.
3. Backhaus P. Multilingualism in Tokyo: A Look into the Linguistic Landscape. *International Journal of Multilingualism.* 2006:52–66.
4. Landry R. Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology.* 1997:23–49.
5. Сабирова Д.Р., Калегина Т.Е. К вопросу о влиянии пандемии на лингвистический ландшафт Франции на примере города Парижа. *Казанский лингвистический журнал.* 2023; 6(2):187–197.
6. Gorter D., Cenoz J. Linguistic landscape and minority languages. *Linguistic Landscape: New Approach to Multilingualism.* 2006:67–80
7. Coulmas F. Linguistic landscaping and the seed of the public sphere. *En Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. Routledge.* 2008:13–24.
8. Fernández-Juncal C. El paisaje lingüístico de un área urbana de transición del español y el vasco: identidades y símbolos. *Medellin.* 2020:713–714.
9. Gómez Pavón Durán A. The linguisitic landscape of the migration of the district Ruzafa in Valencia. *Cultura, Lenguaje y Representación.* 2021:135–154.
10. Суперанская А.В. *Общая теория имени собственного.* М.:Наука. 1973; 356.
11. Тураева А.Р. Социолингвистические и структурно-семантические аспекты эргонимических комплексов на юге Великобритании и России: диссертация кандидата филологических наук. Пятигорск; 2012.

References

1. Barni M. Linguistic landscape and language vitality. *Linguistic Landscape in the City. Multilingual Matters.* 2006:19–23.
2. Ben-Rafael E. Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel. *International Journal of Multilingualism.* 2006:7–30.
3. Backhaus P. Multilingualism in Tokyo: A Look into the Linguistic Landscape. *International Journal of Multilingualism.* 2006:52–66.
4. Landry R. Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology.* 1997:23–49.
5. Sabirova D.R., Kaledina T.E. The Impact of the Pandemic on the Linguistic Landscape of France. A Case Study of Paris. *Kazan Linguistic Journal.* 2023; 6 (2):187–197.
6. Gorter D., Cenoz J. Linguistic landscape and minority languages. *Linguistic Landscape: New Approach to Multilingualism.* 2006:67–80
7. Coulmas F. Linguistic landscaping and the seed of the public sphere. *En Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. Routledge.* 2008:13–24.
8. Fernández-Juncal C. The linguistic landscape of the urban territory of the Spanish and Basque: identities and symbols. *Medellin.* 2020:713–714. (in Spanish).
9. Gómez Pavón Durán A. El paisaje lingüístico de la migración en el barrio de Ruzafa en Valencia: una mirada a través del tiempo. *Cultura, Lenguaje y Representación.* 2021:135–154. (in Spanish).
10. Superanskaya A.V. *General theory of proper name.* M.: Nauka. 1973; 365. (in Russ.).

11. Turaeva A.R. Sociolinguistic and structural-semantic aspects of ergonomic complexes in the South of Great Britain and Russia. Dissertation of candidate of Philological Sciences. Pyatigorsk 2012. (in Russ.).

Автор публикации

Исмагилова Алия Ринатовна –
Доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ismalisha@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5970-151X>

Author of the publication

Ismagilova Aliya Rinatovna –
Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ismalisha@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5970-151X>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.05.2025
Одобрена после рецензирования: 10.08.2025
Принята к публикации: 15.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 05.05.2025
Approved after peer reviewing: 10.08.2025
Accepted for publication: 15.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**
**PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 811. 11

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.433-444>

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МОДУСОВ ДОПУЩЕНИЯ И ПОЛАГАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

C.C. Тахтарова¹, Мухаматшин А.Р.²

Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

¹SSTahtarova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

²ARMukhamatshin@kpfu.ru

Аннотация. Американский политический медиадискурс представляет собой обширное пространство для формирования определённого восприятия действительности. Несмотря на всё более многополярный характер мирового политического и экономического пространства, Соединённые Штаты по-прежнему являются одним из ведущих игроков глобальной политики. Медиаресурсы США остаются востребованным источником сведений не только для рядовых американцев, но и для множества людей во всём мире, внося серьёзный вклад в формирование политического сознания потребителей информационного контента. Высокий воздействующий потенциал американских медиа во многом основан на частом и эффективном обращении к манипулятивным технологиям, что говорит об актуальности изучения манипулятивной функции модусных операторов в текстах американского политического медиадискурса. Применение модусов допущение и полагания, как мы считаем, может позволить политическому обозревателю продвигать идеи субъективного характера, часто не имеющие должного подкрепления фактами. В большинстве выявленных нами примеров манипуляции через модификацию пропозиций в политических статьях CNN и The New York Times авторами применялся модус допущения. Модус полагания находил применение реже, преимущественно в выдержках экспертов, приводимых для подкрепления позиции журналиста.

Ключевые слова: политический медиадискурс; манипуляция; языковое воздействие; модусные операторы; модус допущения; модус полагания; речевая тактика; пропозициональное смягчение

Для цитирования: Тахтарова С.С., Мухаматшин А.Р. Манипулятивная функция модусов допущения и полагания в американском политическом медиадискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 433–444. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.433-444>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.433-444>

**THE MANIPULATIVE FUNCTION OF THE ASSUMPTION AND BELIEFS
MODES IN AMERICAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

S.S. Takhtarova¹, A.R. Mukhamatshin²

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹SSTahtarova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

²ARMukhamatshin@kpfu.ru

Abstract. American political media discourse represents a vast space for the formation of a certain perception of reality. Despite the increasingly multipolar nature of the global political and

economic space, the United States remains one of the leading players in global politics. US media resources remain a sought-after source of information not only for Americans, but also for many people around the world, making a significant contribution to the political consciousness formation of the information content. The high influencing potential of American media is largely based on frequent and effective use of manipulative technologies, which indicates the relevance of studying the manipulative function of modus operators in the texts of American political media discourse. The use of the assumption and belief modes, we reckon, can allow a political commentator to advance ideas of a subjective nature that are often not properly supported by facts. In most of the manipulation through proposition examples that we found in political articles on CNN and The New York Times, the authors used the assumption mode.

Keywords: political media discourse; manipulation; linguistic influence; modus operators; assumption mode; belief mode; speech tactics; propositional mitigation

For citation: Takhtarova S.S., Mukhamatshin A.R. The Manipulative Function of the Assumption and Beliefs Modes in American Political Media Discourse. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 433–444. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.433-444>

В современной лингвистике язык характеризуют, в том числе, как инструмент, позволяющий формировать у людей отношение к тем или иным событиям, личностям, идеям и т. п. Наиболее ярко это находит отражение в пространстве медиадискурса, представляющем собой особую среду функционирования языка. Подавляющее большинство информационного контента поступает в коммуникативное пространство из средств массовой информации, оказывая значительное влияние на общественное мнение. К медиадискурсу относятся тексты различных жанров и форм: новостные, аналитические, комментарии, дебаты. Каждому жанру присущи различные языковые инструменты, направленные на формирование определённых социальных настроений и эмоциональных реакций. Взаимодействие языка и общества в рамках дискурсивного пространства СМИ свидетельствует о значимости языка и его средств как важного инструмента при формировании и поддержании определённого восприятия актуальных событий, как во внутренней, так и во внешней политике [1; с. 177].

Нами выбраны для анализа тексты из популярных американских новостных сетей. Хотя Соединённые Штаты уже не являются единственным лидером в мировой политике, они остаются одним из ведущих игроков, обладающим серьёзным экономическим и военным потенциалом. Активное присутствие Соединённых Штатов в международной политике требует применения соответ-

ствующих информационных ресурсов, направленных, прежде всего, на легитимизацию внешнеполитических устремлений истэблишмента. Медиа ресурсы США по-прежнему оказывают сильное влияние на мировое инфополе, формируя желательную для властей Соединенных Штатов картину политической действительности в сознании людей. Такое положение вещей в информационном пространстве говорит об актуальности рассмотрения приёмов языкового воздействия, применяемых в американских новостных текстах с интенцией легитимизации в сознании читателей внешней и внутренней политики Соединённых Штатов.

Американские новостные ресурсы CNN и The New York Times имеют широкую известность среди зрителей и читателей, как внутри США, так и за их пределами. Помимо широкого охвата мировой аудитории, обе организации объединяют многочисленные скандальные истории, включающие частые обвинения в пристрастности при освещении событий. Исследователи СМИ Эдвард Херман и Дэвид Петерсон считают, что CNN находится в зависимости от правительства США. В связи с этим, как они полагают, большая часть информационных сводок формируется работниками организации в соответствии с основной линией властей Штатов. Исследователи критикуют CNN за симбиоз с финансовыми и политическими элитами страны, превращающий его в инструмент государственной пропаганды [2]. Скандалы, связанные с The New York Times, имеют ещё более длительную и впечатляющую историю. Известный американский философ и лингвист Ноам Хомский охарактеризовал данную организацию, как важнейшее издание в истории. По его словам, «история - это то, что появляется в архивах The New York Times; место, куда люди пойдут, чтобы узнать о происходящем, — это The New York Times. Поэтому крайне важно формирование истории надлежащим образом, чтобы определенные вещи появились, а другие игнорировались, чтобы задавались определенные вопросы, а другие не упоминались, и чтобы проблемы были сформулированы в нужном виде. Итак, в чьих интересах формируется история? Ну, я думаю, на это не

очень сложно ответить» [3]. Исходя из вышеизложенного, новостные тексты CNN и The New York Times на тему политики рассматриваются нами как значимый материал для исследования языковых приёмов, направленных на создание манипулятивного эффекта, в американском политическом медиадискурсе.

В работах лингвистов интересующее нас понятие модуса не имеет однозначной трактовки. Термин был введён в науку Ш. Балли, который не дал чёткого определения сути данного явления, а лишь ограничил его структуру двумя элементами – модальным глаголом и модальным субъектом [4; с. 206]. Как полагает Н. Д. Арутюнова, модус порождается произносимым или внутренним диалогом участника коммуникации и является выражением отношения адресата к реплике говорящего [5; с. 107]. Модусные операторы или предикаты пропозициональной установки (отношения) позволяют варьировать и градуировать истинность вербализуемого пропозиционального содержания. Их основная функция состоит в формировании истинности значения суждения, с элементом маркировки неуверенности адресанта в правильности собственных слов, если такая маркировка способствует снижению коммуникативных рисков [6; с. 122].

Значение пропозиционального отношения, согласно Н. Д. Арутюновой, связано с ментальной разновидностью модуса, которая подразделяется ещё на несколько подвидов. Особый интерес в рамках исследования для нас представляют «модус полагания» (я считаю, думаю, полагаю), обозначающий субъективность и возможную недостоверность суждения, и «модус допущения» (может быть, возможно, кажется), также дающий автору высказывания возможность делиться мнением, с акцентом на вероятной неточности приводимых данных и возможном существовании иной позиции по обсуждаемому вопросу [6, с. 123].

Применение модусных операторов, как правило, не связано с целью донести информацию как можно более точно. Такого рода языковые приёмы скорее ориентированы на выработку у получателя сообщения желательного отношения к высказыванию и его источнику. Они позволяют обезопасить адресанта от

возможной негативной реакции слушателя/читателя, позволяя ему сразу внести элемент сомнения в истинности передаваемого сообщения, тем самым снижая ответственность автора за погрешности в приводимых данных. Обращение к модусным операторам, по нашему мнению, может позволить участнику коммуникации высказывать субъективные суждения, порой не имеющие должного фактологического подкрепления. При этом наличие в тексте данного модуса снижает коммуникативные риски, что даёт адресанту шанс сохранить доверие получателя сообщения. Мы полагаем, что введение в текст модусных операторов может способствовать созданию манипулятивного эффекта в текстах американского политического медиадискурса.

Политический медиадискурс, которому присущи черты политического дискурса и дискурса СМИ, является, прежде всего, полем соперничества за власть, где основное пространство для конкуренции формируется популярными медиа ресурсами. Данная разновидность медиадискурса представляет собой явление в высшей степени субъективизированное, что во многом обусловлено присутствием медиа компонента, так как формат журналистского текста по определению субъективен. Основное содержание дискурсивного пространства СМИ крайне зависимо от запросов финансовых и политических элит. Подконтрольные им медиа ресурсы, как правило, занимают наибольшую нишу в плоскости СМИ, формируя идеологемы и тренды, полезные тем или иным политическим силам или же легитимизирующие деятельность государства в целом. Содержание текстов СМИ зачастую не является отображением реального положения вещей, а скорее должно расцениваться как форма интерпретации событий действительности. На этом основании можно заключить, что политический медиадискурс образует специфическое дискурсивное пространство, которому присущ манипулятивный компонент [7; с. 47].

Персуазивная составляющая политического медиадискурса выражается в том, что журналисты, работающие в сфере освещения событий из мира политики, регулярно применяют языковое воздействие, осуществляемое через разного

рода коммуникативные стратегии и тактики. В работе А. Б. Недзельской и О. О. Борискиной, посвящённой обращению к манипулятивному воздействию в текстах англоязычных медиа, был составлен список манипулятивных стратегий и тактик, которые наиболее часто выделяются в работах по данной тематике. К данным тактикам относятся, по мнению авторов тактики: анализ-минус, обвинения, обличения, угрозы, предположения, обращения к авторитету, создания образа врага, намёка, ухода от определённости, отвода критики и другие [8; с. 77]. Мы будем придерживаться этой классификации при рассмотрении примеров скрытого языкового воздействия в текстах американских СМИ.

Выбор именно американского политического медиадискурса отвечает задачам нашего исследования. Дискурсивное медиапространство США является сложным динамическим феноменом, который подвержен влиянию множества факторов, как действующих извне, так и внутренних. Политическому языку Соединенных Штатов свойственна особая подвижность, поскольку в данном государстве СМИ, ещё со времён 20-го столетия, расценивались как важнейшая составляющая в политической борьбе и легитимизации [9; с.456]. В своём труде «Производство согласия» С. Херман и Ноам Хомский пишут о предвзятости, которая не основана на симпатиях к идеям либералов или консерваторов, а базируется, прежде всего, на выражении интересов корпораций, которые являются хозяевами большей части этих СМИ [2]. Ноам Хомский придерживается мнения, что именно наиболее популярные СМИ в Соединённых Штатах формируют основную повестку дня. «Они делают это путём выбора тем, распределения проблем, акцентирования и постановки вопросов, фильтрации информации, ограничения дебатов определёнными условиями. Они определяют, отбирают, формируют, контролируют, ограничивают — чтобы служить интересам доминирующих, элитных слоёв общества» [3]. Такая расстановка сил в информационном поле позволяет небольшой группе медиа-конгломератов играть ключевую роль в создании и поддержании определённого видения политических реалий, как граждан Соединённых Штатов, так и значительного числа лю-

дей, живущих за пределами США, тем самым представляя собой серьёзный инструмент влияния, позволяющий легитимизировать экономические и политические устремления американской элиты в мировом инфополе.

Рассмотрим примеры осуществления манипулятивного воздействия через модусы допущения и полагания в статьях CNN и The New York Times.

“These problems in procurement and acquisitions raised questions about the quality of the equipment that the PLA had purchased earlier. How well do they actually function on the field? I think that’s quite debatable,” he said [10].

«Эти проблемы с закупкой и приобретением наводят на разные мысли о качестве оборудования, которое закупалось для НОАК ранее. Насколько хорошо эта техника на самом деле может функционировать в полевых условиях? Я думаю, это довольно спорный вопрос», — сказал он.

Приведённый пример был отобран в статье, где авторы негативно характеризовали состояние военного сектора КНР. Данный фрагмент – это комментарий эксперта, в котором применяется манипулятивная тактика анализ-минус, реализуемая через введение в текст модуса полагания. Такой модусный оператор зачастую находит применение именно в выдержках аналитиков, включаемых политическими журналистами в текст для усиления воздействующего потенциала материала. В этом случае эксперт стремится убедить читателя в низком качестве военного оборудования КНР. Интенция дискредитации основного военного и экономического соперника Соединенных Штатов воплощается не напрямую, а в завуалированном виде, через модус полагания «I think» (я думаю). Подобная форма высказывания сделать истинное намерение адресанта менее явным, что может способствовать большей эффективности языкового воздействия.

But Mr. Lewis said that the Oreshnik also had a “real military capability” in Russia’s war in Ukraine, noting that targeting the weapons factory in Dnipro would inhibit Kyiv’s forces. “We’ll see how much damage it did, but I don’t think they did this just to make a point,” he said [11].

Но г-н Льюис сказал, что у «Орешника» также есть «реальный военный потенциал» в войне России на Украине, отметив, что нацеливание этих ракет на оружейный завод в Днепре будет сдерживать силы Киева. «Мы посмотрим, какой ущерб он нанесет, но я не думаю, что русские сделали это лишь для демонстрации», - сказал он.

Выше представлен ещё один пример усиления манипулятивного потенциала высказывания через введение модуса полагания. Вновь использование данного модусного оператора зафиксировано в выдержке эксперта, который прибегает к манипулятивной тактике намёка. Он выражает скепсис в отношении того, что удар ракетой Орешник был лишь демонстрацией силы для сдерживания неприятеля и его партнёров. В соответствии с преобладанием в западном информационном поле агрессивного образа России, эксперт намекает читателю, что это оружие будет применяться вновь, и его роль не сводится лишь к сдерживающему фактору. Это субъективное мнение аналитика, но модусный оператор позволяет высказать данную идею, снижая коммуникативные риски через акцент на субъективном характере суждения.

North Korea has repeatedly conducted nuclear tests in the past few years as a way of demonstrating its weapons capabilities. Last year, it showed off what it claimed was its smallest-ever nuclear warhead, raising concerns that it could deliver one on smaller, solid-fuel rockets that could reach its regional adversaries [12].

За последние несколько лет Северная Корея неоднократно проводила испытания ядерного оружия, чтобы продемонстрировать свой военный потенциал. В прошлом году она явила миру то, что, по словам властей КНДР, было самой маленькой ядерной боеголовкой в арсенале этой страны. Случившееся вызвало опасения, что теперь северокорейские военные смогут доносить ядерный заряд на твердотопливных ракетах меньшего размера, которые могут достать до территории ее региональных противников.

Фрагмент выше иллюстрирует реализацию манипулятивной тактики создания образа врага через применение модуса допущения. Модусный оператор

«could» (могут) позволяет авторам высказать мнение о возможной угрозе, которую могут представлять новые северокорейские ракеты для Японии и Южной Кореи. Это является лишь предположением, не подтверждаемым фактами, но авторам важно обозначить в тексте враждебность КНДР, чтобы сформировать у читателя негативный образ государства, являющегося противником Штатов и их союзника. В этой связи модус допущения оказывается удобным языковым инструментом для выражения идеи, не имеющей должного фактологического подкрепления, но соответствующей американскому идеологическому нарративу.

It said China also seemed to be exploring the production of conventionally armed intercontinental ballistic missiles, which would give it another option — alongside its 135 or so nuclear long-range missiles — that could be used to threaten the continental United States [13].

В нём (отчёте Министерства обороны) говорится, что Китай также, по всей видимости, изучает технологии производства межконтинентальных баллистических ракет с обычным вооружением, что дало бы ему еще одно оружие, которое может представлять угрозу для континентальной части Соединённых Штатов, помимо примерно 135 китайских ядерных ракет большой дальности.

Во фрагменте, приведённом выше, также реализуется манипулятивная тактика создания образа врага, но уже в отношении КНР. Основной языковой единицей, призванной оказать скрытое воздействие на читателя, является глагол «threaten» (угрожать). Модусный оператор «could» выступает в качестве вспомогательного языкового инструмента, позволяющего выразить идею об угрозе в форме допустимого сценария развития событий. Таким образом, модус допущения маскирует истинную интенцию отправителя сообщения, придавая суждению форму ненавязчивого предположения.

Проведённое исследование политических статей CNN и The New York Times позволило выявить значительное число примеров использования модусов допущения и полагания в целях создания или усиления манипулятивного эф-

фекта. Следует отметить, что модус допущения является наиболее частотным способом оказания скрытого языкового воздействия в аспекте модификации пропозиции. Модус полагания находит подобное применение реже, что обусловлено особенностью формата политических новостных текстов, в которых больший объём занимают размышления журналиста, тогда как выдержки экспертов представлены в виде небольших фрагментов, призванных подкрепить слова автора. Именно в выдержках экспертов имеет место регулярное обращение к модусу полагания, которое в контексте политического освещения, на наш взгляд, имеет потенциал к созданию и усилению эффекта скрытого воздействия.

Исходя из данных, полученных в ходе анализа политических статей, можно сделать вывод о манипулятивном потенциале модусных операторов в рамках политического дискурсивного пространства американских СМИ. В текстах подобной направленности авторами достаточно часто преследуется цель продвижения тех или иных идей, которые недостаточно подкреплены фактами, но полезны для создания у читателя нужного впечатления. Модусы допущения и полагания в таких случаях оказываются важной составляющей высказывания, позволяющей адресанту доносить до читателя информацию субъективного характера и снижать риск возникновения негативной реакции в отношении себя или же источника, который журналист представляет. Всё вышеизложенное подтверждает актуальность и значимость изучения манипулятивной составляющей митигативной модификации пропозиции.

Список литературы

1. Луговских К.М. Манипулятивные приемы в политическом медиадискурсе США на примере предвыборных дебатов Д. Вэнса и Т. Уолца. Санкт-Петербург: *Litera*. 2025;2:176–182.
2. Хаммонд П., Герман Э.С. Институциональные ограничения CNN, снижение возможностей: СМИ и кризис в Косово. URL: <https://web.archive.org/web/20070314235027/http://www.thirdworldtraveler.com/Herman%20Mafac%20Consent%20Prop%20Model.html> (дата обращения: 07.06.2025)
3. Из разных интервью Ноама Хомского. URL: <https://web.archive.org/web/20060721164116/http://www.chomsky.info/interviews/1992---02.htm> (дата обращения: 02.06.2025)

4. Скубиёва Е.Н. Категории модуса как единицы описания модусного уровня в структуре диалогической языковой личности. Екатеринбург: *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022;3(117):205–208.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: "Наука"; 1988. 341 с.
6. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. ... д-ра фил. наук. Волгоград; 2010. 432 с.
7. Виноградова С.А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом. Горно-Алтайск: *Мир науки, культуры, образования*. 2010;4(23):45–47.
8. Недзельская А.Б., Борискина О.О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве. Воронеж: *Вестник Воронежского государственного университета, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021;2:73–82.
9. Соколова М.А. Специальная лексика в американском политическом медиадискурсе: вопросы классификации. Москва: *Преподаватель XXI век*. 2022;2(часть 2):453–461.
10. Насколько готовы военные силы Китая? Внезапное отстранение двух министров обороны вызывает вопросы. URL: <https://edition.cnn.com/2024/07/01/china/china-defense-ministers-downfall-analysis-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 06.07.2024)
11. Что из себя представляет российская баллистическая ракета «Орешник»? URL: <https://www.nytimes.com/2024/11/27/world/europe/russia-oreshnik-ballistic-missile.html> (дата обращения: 04.05.2025)
12. Почему Северная Корея отправляет войска для помощи России? Вот что нужно знать. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/24/us/politics/north-korea-russia-ukraine.html?searchResultPosition=31> (дата обращения: 17.05.2025)
13. Пентагон заявляет, что наращивание Китаем ядерного вооружения идет по плану, несмотря на скандальные истории о взяточничестве. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/18/world/asia/china-nuclear-buildup.html> (дата обращения: 25.04.2025)

References

1. Lugovskikh K.M. Manipulative Techniques in the US Political Media Discourse Based on the Example of the Pre-Election Debates of D. Vance and T. Walz. St. Petersburg: *Litera*. 2025; 2:176–182. (In Russ.)
2. Hammond P., Herman E.S. CNN's Institutional Constraints, Degraded Capability: The Media and the Kosovo Crisis. Available from: https://web.archive.org/web/20070314235027/http://www.thirdworldtraveler.com/Herman%20Manufacturac_Consent_Prop_Model.html (accessed: 07.06.2025)
3. Noam Chomsky interviewed by various interviewers. Available from: <https://web.archive.org/web/20060721164116/http://www.chomsky.info/interviews/1992---02.htm> (accessed: 02.06.2025)
4. Skubieva E.N. Categories of modus as units of modus level description in the structure of dialogical linguistic personality. Ekaterinburg: *International Research Journal*. 2022;3(117):205–208. (In Russ.)
5. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings: Evaluation, event, fact. M.: "Nauka"; 1988. 341 p. (In Russ.)
6. Takhtarova S.S. Category of mitigation (cognitive-discursive and ethnocultural aspects): dis. ... Doctor of Philological Sciences. Volgograd; 2010. 432 p. (In Russ.)
7. Vinogradova S.A. Political media discourse as a communicative phenomenon with manipulative potential. Gorno-Altaisk: *World of science, culture, education*. 2010; 4(23):45–47. (In Russ.)

8. Nedzelskaya A.B., Boriskina O.O. Manipulative strategies in the Russian-language media space. Voronezh: *Bulletin of Voronezh State University, Series: Linguistics and intercultural communication.* 2021;2:73–82. (In Russ.)

9. Sokolova M. A. Special vocabulary in American political media discourse: classification issues. Moscow: *Prepodavatel XXI vek.* 2022; 2 (part 2):453–461. (In Russ.)

10. How ready is China's military? Dramatic downfall of two defense ministers raises questions. Available from: <https://edition.cnn.com/2024/07/01/china/china-defense-ministers-downfall-analysis-intl-hnk/index.html> (accessed: 06.07.2024)

11. What Is Russia's Oreshnik Ballistic Missile? Available from: <https://www.nytimes.com/2024/11/27/world/europe/russia-oreshnik-ballistic-missile.html> (accessed: 04.05.2025)

12. Why Is North Korea Deploying Troops to Help Russia? Here's What to Know. Available from: <https://www.nytimes.com/2024/10/24/us/politics/north-korea-russia-ukraine.html?searchResultPosition=31> (accessed: 17.05.2025)

13. China's Nuclear Buildup Is on Track Despite Graft Scandals, Pentagon Says. Available from: <https://www.nytimes.com/2024/12/18/world/asia/china-nuclear-buildup.html> (accessed: 25.04.2025)

Авторы публикации

Тахтарова Светлана Салаватовна –
профессор
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: : SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Мухаматшин Артур Ринатович –
аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ARMukhamatshin@kpfu.ru

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.05.2025
Одобрена после рецензирования: 10.08.2025
Принята к публикации: 15.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Takhtarova Svetlana Salavatovna –
Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Mukhamatshin Artur Rinatovich –
graduate student
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ARMukhamatshin@kpfu.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 05.05.2025
Approved after peer reviewing: 10.08.2025
Accepted for publication: 15.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА**
**PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

УДК 81`25

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.445-456>

**ПЕРЕВОД КОРЕЙСКИХ КАТЕНАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПО АСПЕКТУ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ)**

S. Чжу

Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

endsoul0504@gmail.com, http://orcid.org/0000-0001-7594-3378

Аннотация. Данная статья посвящена проблематике перевода корейских катенативных глагольных конструкций. В ней рассматриваются особенности корейских катенативных глаголов и обсуждаются проблемы, возникающие при их переводе. Актуальность исследования обусловлена тем, что катенативные глаголы часто встречаются как в повседневной речи корейцев, так и в произведениях корейской литературы, и предложения, содержащие такие конструкции, представляют собой одну из самых сложных синтаксических задач в переводе. Рассмотрение катенативных глаголов с точки зрения синтаксических трансформаций, в отличие от подхода с позиций переводческих техник, позволяет переводчику оценить степень манипуляции с оригинальным текстом. Сначала в статье на основе предшествующих исследований анализируются катенативные глаголы, затем в общих чертах рассматривается, каким образом переводятся корейские катенативные глаголы на русский язык. В заключение автор стремится представить результаты анализа особенностей катенативных глаголов и синтаксических трансформаций, применяемых при их переводе. В данной работе в качестве иллюстративных примеров преимущественно используются предложения, в которых катенативные глаголы при переводе подвергаются опущению, сокращению или другим трансформациям.

Ключевые слова: переводоведение; синтаксический трансформация; катенативный глагол; перевод корейской литературы

Для цитирования: Чжу Сун Мен. Перевод корейских катенативных глагольных конструкций на русский язык (по аспекту синтаксической трансформации). *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(3): 445–456. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.445-456>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.445-456>

**TRANSLATING KOREAN CATENATIVE VERB CONSTRUCTIONS INTO
RUSSIAN: A STUDY IN SYNTACTIC TRANSFORMATIONS**

S. Ju

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic Tatarstan, Russia

endsoul0504@gmail.com, http://orcid.org/0000-0001-7594-3378

Abstract. This paper addresses the translation of Korean catenative verb constructions, discussing the characteristics of Korean catenative verbs and the challenges associated with their translation. This is motivated by the fact that catenative verbs are frequently used in everyday Korean expressions and are commonly found in Korean literary works. Sentences containing catenative verbs can be considered among the most syntactically challenging for translation. Examining catenative verbs from a syntactic-transformational perspective, as opposed to a purely translation tech-

nique-oriented approach, allows translators to understand the degree to which the original text is manipulated during the translation process. Initially, the paper discusses catenative verbs based on previous studies. Subsequently, it provides an overview of how Korean catenative verbs are typically translated into Russian. Finally, the paper aims to present conclusions based on the analysis of the characteristics of catenative verbs and the syntactic transformations employed when translating them. This paper uses representative examples of sentences where the translation of catenative verbs predominantly involves omission, abbreviation, or manipulation.

Keywords: translation studies; syntactic transformation; catenative verb; translation of Korean literature

For citation: Ju Sun Mean. Translating Korean Catenative Verb Constructions into Russian: A Study in Syntactic Transformations. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(3): 445–456. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.3.445-456a>

В отличие от других языков, корейский обладает уникальными особенностями, такими как выражения вежливости, и еще одной особенностью является цепочечность глаголов. Два глагола с разными значениями одновременно используются через соединительное окончание, объединяясь в одно событие, что называется катенативными глаголами (Catenative verbs). Из-за уникальности катенативных глаголов при переводе на другие языки приходится либо отказываться от одного из двух глаголов, либо сделать членение предложения. Целью данного исследования является сравнительный анализ перевода корейских катенативных глагольных конструкций с точки зрения синтаксических трансформаций и обсуждение проблем перевода таких конструкций. Объектом исследования данной статьи являются катенативные глаголы и синтаксические трансформации в произведениях корейской литературы. Методами исследования являются сравнительный анализ текста оригинала и перевода, а также метод компонентного анализа (анализ грамматических функций и компонентов исходного и целевого языков в синтаксической единице для определения соответствий и несовпадений). Прежде всего, на основе предшествующих исследований будет рассмотрено понятие катенативных глаголов. Затем будет дан общий обзор того, каким образом корейские катенативные глаголы переводятся на русский язык. И, наконец, в заключении представлены результаты анализа синтаксической трансформации (далее — СТ) в процессе перевода и ее применения.

Катенативный глагол (**연쇄동사**) представляет собой конструкцию, в кото-

рой два глагола соединены соединительным окончанием. Обычно соединение происходит посредством соединительного окончания «–ՕՒ/ՕՒ» [1, 2]. Под катенативной глагольной конструкцией понимается такая конструкция, в которой цепочка глаголов появляется в одном предоточном предложении (clause), разделяет время (tense) и вид (aspect) и обозначает одно событие [3, 4]. В связи с тем, что в примере ① один аргумент, «연서는 도시락을», совместно используется двумя глаголами, предложение ① может быть разделено на два предложения, как в примере ②.

① 연서는 도시락을 싸 가지고 가며 학교에 다녔다.

② 도시락을 쌌다. + 도시락을 가지고 다녔다.

Составные глаголы характеризуются тем, что не допускают разделения посредством выпадения между частями. Таким образом, «가지고 다니다 ('носить с собой')» можно считать составным глаголом, а конструкция «싸 가지고 다니다 ('упаковать и носить с собой')» является катенативной глагольной конструкцией, в которой соединен глагол и составной глагол. В качестве исключения, в предложениях, состоящих из катенативных глаголов, могут встречаться случаи, когда два глагола вообще не разделяют аргументы. Как правило, цепочечные конструкции глаголов с синтетическим значением разделяют аргументы, а цепочечные конструкции глаголов с несинтетическим значением не разделяют их. Примерами могут служить «누워지내다», «넘겨듣다», «돌아다니다» [5, с. 134].

С другой стороны, Yoon (2013) утверждает, что все конструкции «V₁ – V₂», соединенные посредством «–어» (집어먹다 – 'подбирать и есть'), «–고» (두고 가다 – 'оставить и уйти'), «–어다» (들여다보다 – 'высовывать (голову) и смотреть'), следует рассматривать как катенативные глагольные конструкции [6]. Он также утверждает, что в случае переходов от одного события к другому, как, например, в конструкции «물을 떠다 마시다 ('начерпать воды и выпить')», связанной соеди-

нительным окончанием «–어다(가)», трудно рассматривать «물을 떠다 ('черпание воды')» и «물을 마시다('питье воды')» как совершенно отдельные события, поэтому «떠다 마시다» следует рассматривать как катенативную глагольную конструкцию. Кроме того, Seo Chi-ah (2020) в своем обсуждении структуры катенативных глаголов классифицирует их на конструкции [$V_1 + \text{соединительное окончание} + V_2$], в которых соединены основной глагол и основной глагол, и конструкции [$V_1 -\Theta + V_2$], в которых соединены основной глагол и вспомогательный глагол. Seo Chi-ah (2020) предлагает классифицировать семантические особенности корейских катенативных глагольных конструкций в зависимости от семантических отношений между компонентами конструкции на следующие типы: катенативные глагольные конструкции типа «действие-действие», «движение-путь», «способ-движение», «способ-действие», «средство-убийство», «причина-следствие» и другие [5, с. 64-116]. В последнее время все больше сторонников набирает точка зрения, согласно которой категория катенативных глаголов в корейском языке формируется посредством связующего окончания.

В данной статье для сопоставительного анализа используются предложения, извлеченные из трех романов: «바리데기 (Принцесса Пари)», «식물의 사생활 (Тайная жизнь растений)» и «달려라 아비 (Беги, Папа!)». Ниже представлены предложения, взятые из вышеупомянутых романов, а также результаты сопоставительного анализа каждого из них. Как и в работе Хабибуллины Э.К., Чжу С. (2023), в нашем исследовании для сравнения текстов были разделены типы переводческого сопоставления синтаксической трансформации и переводческого сдвига (приема) [7]. Кроме того, каждый язык имеет свою собственную, своеобразную структуру, и переводчик должен это учитывать и различия в структурах исходного и переводящего языка вынуждают переводчика использовать различные трансформации [8].

(3) 돌아갈 길이 하나 있나 하고 뒤돌아 보았지만 길은 보이지 않고 끈끈하고 짙은 어둠

뿐이었다. [9]

④ Оглядываюсь, чтобы посмотреть, нет ли дороги назад, но там тоже ничего, кроме густого липкого мрака. [10, с. 13]

В предложении ③ «뒤돌아 보았지만» структура [глагол + соединительное окончание + глагол + соединительное окончание], в то время как в предложении ④ «Оглядываюсь, чтобы посмотреть» структура [глагол + соединительное наречие + глагол]. Соединительное окончание было заменено на соединительное наречие, но поскольку порядок глаголов в исходном языке (далее ИЯ) сохранен, то с точки зрения трансформационного сдвига (далее СТ), это можно рассматривать как полную замену, так и как пояснение, в зависимости от точки зрения. Поскольку часто случается, что несколько переводческих приемов проявляются одновременно и комплексно, трудно однозначно определить, какой именно прием использован в случае ③-④. С точки зрения СТ не произошло синтаксического уподобления, но потери смысла нет. Если рассматривать предложение в целом, то все смыслы, содержащиеся в сложном предложении ③, полностью переданы в предложении ④.

Катенативный глагол «뒤돌아 보았다» имеет значение «поворнув назад посмотрел», и его можно интерпретировать как «катенативный глагол типа действие-действие» или «катенативный глагол типа способ-действие». При этом кажется, что действие V_1 и действие V_2 являются одновременным единичным событием, а также представляются как последовательно происходящие сложные события (complex event), поэтому «뒤돌아 보았지만» обладает смысловой неоднозначностью, дополняя тревожное состояние персонажа. Однако переводчик выразил действие так, как если бы оно происходило последовательно, устранив смысловую неоднозначность.

⑤ 다급해진 나는 막다 남은 맥주 캔을 내버려두고 옥상에서 뛰어 내려갔다. [9]

⑥ Я выкинул банку из-под пива и кинулся вниз. [10, с. 143]

В предложении ⑤ «뛰어 내려갔다» представляет собой катенативный гла-

гол структуры [глагол + соединительное окончание + составной глагол]. В предложении ⑥ эта конструкция заменена на «кинулся вниз», что является изменением части речи. Структура катенативного глагола в ⑤ – это «катенативный глагол типа способ-путь», где время события происходит одновременно, и практически отсутствует смысловая и грамматическая неоднозначность. Однако в переводащем языке (далее ПЯ) опущены слова «다급해진», «먹다 남은» и «옥상에서», среди которых «먹다 남은» является катенативным глаголом и атрибутивным окончанием (adjective), определяющим «맥주». С точки зрения ТС, «뛰어 내려갔다» было разделено на сокращенное слово в ИЯ, поэтому использовалась техника сокращения. С точки зрения СТ не произошло синтаксического уподобления. В случае с «먹다 남은» с точки зрения ТС произошло опущение. Сложное предложение ⑤ состоит из четырех простых предложений, каждое из которых перечислено в порядке времени: сначала «다급해졌다», «나는 맥주를 먹나 남겼다», «나는 맥주캔을 내버려 두었다», «나는 옥상에서 뛰어서 내려갔다». А поскольку ⑥ было переведено как сложное предложение с двумя простыми предложениями, то с точки зрения СТ, хотя перевод и был выполнен из сложного предложения в сложное, сложное предложение в ПЯ можно назвать «сокращенным сложным предложением».

⑦ 원숭이 뿔에다 체네부랄은 못구하갔지만 조선에선 들판 보도 못한 거를 제꺽 구해다 올릴 테니. [11]

⑧ Не смогу я достать разве что обезьяны рога. А так — что угодно! Я найду даже то, о чём вы и не слыхали, и в глаза не видывали. [12, с. 184-185]

В предложении ⑦ «구해다 올릴 테니» сокращено до одного слова «найду» в предложении ⑧. Вместо «드리다», как вежливой формы от глагола «주다», использовано «올리다», которое означает, что нижестоящий передает вышестоя-

щему, чтобы утешить его. В то же время, окончание предложения использует фамильярную речь, а не вежливую форму, чтобы выразить дружелюбие. Кроме того, смысл усиливается грамматической конструкцией «←을 테니», которая выражает будущее намерение говорящего. Поскольку в ПЯ не существует грамматических конструкций, соответствующих этой грамматике, эти элементы, естественно, невозможно перевести. «구해다 올릴 테니» можно переписать в формате структуры фразы как [[[глагол + соединительное окончание] + глагол +] окончание предложения]. Однако также возможно [[глагол + соединительное окончание + глагол] + окончание предложения]. Поскольку «구해다» является сокращением от «구하여+다가», то компоненты предложения «구해다 올릴 테니» можно рассматривать как [обстоятельство + сказуемое] или [основной глагол + основной глагол]. Эта неоднозначная конструкция сведена к одному слову «найду». Если рассматривать предложение в целом, то одно сложное предложение в ИЯ переведено в ПЯ как два или три предложения, что является методом СТ, называемым расчленением предложения. Вторая часть предложения ⑦ «조선에선 듣도 보도 못한 거를 제꺽 구해다 올릴 테니» переведена как «Я найду даже то, о чём вы и не слыхали, и в глаза не видывали» в ⑧. При этом опущены «조선에선» и звукоподражательное слово «제꺽 (быстро и ловко)», а также инвертированным порядок придаточного предложения, выступающего в роли подлежащего (주어절), и придаточного предложения, выступающего в роли предикативного (서술절) в ⑦ и ⑧. В ⑦ воля говорящего найти что угодно и обязательно принести это сильно выражена не только с помощью таких выражений, как «조선에선 듣도 보도 못한 거를» и «제꺽», но и с помощью катенативного выражения глаголов в придаточном предложении, выступающем в роли предикативного. При сравнении пары сложных предложений ИЯ и ПЯ, сопоставительный анализ посред-

ством СТ помогает выявить конкретные потери смысла в ИЯ.

⑨ 나는 그녀의 겨드랑이를 잡아일으켜 루나 언니와 내가 서로 다투어 앓는 푹신한
팔걸이 소파에 끌어다 앓혔다. [13]

⑩ Я усадила её в мягкое кресло с подлокотниками, за которое мы вечно со-
перничали с Руной. мимо, простонал: [14, с. 184-185]

⑨ и ⑩ наглядно демонстрируют, что катенативные глагольные конструкции представляют собой сложный аспект для переводчиков при переводе с корейского на русский язык. Все три подчеркнутых места в ⑨ являются катенативными глаголами. «잡아일으켜» было опущено, «서로 다투어 앓는» переведено на «вечно соперничали», а «끌어다 앓혔다» переведено на «усадила». В случае с «서로 다투어 앓는» в ⑨ и «вечно соперничали» в ⑩ с точки зрения ТС имеет место модуляция, а в случаях с «끌어다 앓혔다» в ⑨ и «усадила» в ⑩ произошло опущение. Все три катенативных глагола представлены в форме катенативной глагольной конструкции, что указывает на конкретное описание действия.

В аспекте СТ можно сказать, что ⑨ преобразовано в ⑩ в «сокращенное сложное предложение». Это связано с тем, что предложение ⑨ можно разделить на три простых предложения, а ⑩ – только на два. То есть ⑨ можно разделить на следующие простые предложения: «나는 그녀의 겨드랑이을 잡아일으켰다.», «팔걸이 쇼파는 루나 언니와 내가 서로 다투어 앓는다.», «나는 팔걸이 쇼파에 그녀를 끌어다 앓혔다.». Видно, что в каждом предложении используется один катенативный глагол. В ⑩ добавлено слово «мимо, простонал:», которого не было в ИЯ. В ⑩ потеря смысла «겨드랑이를 잡아일으켜» привела к опущению конкретного описания действия персонажа. И подробные описания действий персонажей в ИЯ ⑨ выражены с помощью катенативных глаголов. Несмотря на то, что перевод катенативных глаголов приводит к увеличению длины предложения в ПЯ, представляется необходимым рассмотреть способы минимизации

смысловых потерь в ИЯ, даже если приходится отказываться от сохранения формы ИЯ.

⑪ 아버지는 허겁지겁 뛰어가다 연탄재에 발이 걸려 넘어지고 말았다. [13]

⑫ Он летел во всю мочь, пока, споткнувшись, не угодил в кучу угольной зо-
лы. [14, с. 11]

В предложении ⑪ «걸려 넘어지고 말았다» состоит из катенативной гла-
гольной конструкции типа средство-движение [глагол + соединительное окон-
чание + глагол + вспомогательный глагол] и вспомогательного глагола, имею-
щего значение завершенности. В предложении ⑫ конструкция сокращена до
деепричастия «споткнувшись», и добавлено слово «не угодил», отсутствующее
в ИЯ. В ⑫ присутствует значительная доля фальсификации со стороны пере-
водчика. Основной глагол, то есть главное сказуемое, в ⑪ – это «걸려 넘어지다».

«뛰어가다» – это составной глагол присоединительного предложения, связанный
соединительным окончанием «-다가». В ⑫ главным сказуемым является «ле-
тел», и можно предположить, что, перенеся конструкцию присоединительного
предложения с «летел» в начальную часть предложения и расположив остал-
ьные события, переводчик попытался согласовать порядок возникновения собы-
тий у персонажа со структурой расположения в ИЯ. В аспекте ТС замена кате-
нативного выражения на «споткнувшись, не угодил» является модуляцией. Од-
нако, поскольку конструкция [глагол + глагол + вспомогательный глагол] в ⑪
является придаточным предложением, выступающим в роли предикативного, а
в ⑫ она связана с предыдущим предложением как сочинительное предложение
в форме [деепричастие, частица отрицания + глагол], то с точки зрения СТ
можно говорить о замене типа синтаксической связи. В отличие от предыдущих
четырех языковых пар ③-⑩, в паре предложений ⑪ и ⑫ наблюдается доволь-
но активное вмешательство переводчика, поэтому следует сосредоточиться на
сравнении того, выводит ли каждое предложение одну и ту же логическую ин-
формацию, а не на выявлении потери смысла. Поэтому с точки зрения синтак-

сических трансформаций такой подход может быть не совсем оправданным.

Подводя итог проведенному выше обсуждению перевода корейских катенативных глагольных конструкций, заключение данной статьи будет основано на результатах их сопоставительного анализа с точки зрения синтаксических трансформаций.

Прежде всего, были обнаружены некоторые моменты, которые следует учитывать при переводе катенативных глаголов. Во-первых, корейские катенативные глаголы выражаются в состоянии неясности (размытости). В первом случае не возникло бы проблем, если бы перевод осуществлялся с логическим учетом времени возникновения события, но проблема в том, что в этом нет необходимости. В данной статье мы не утверждаем, что какой-то один подход (сохранение неопределенности, присущей корейскому языку, или ее устранение в процессе перевода) является правильным. Мы считаем, что вопросы, связанные с намеренными выражениями, такими как неопределенность, должны решаться переводчиком на основе его собственного усмотрения. Во-вторых, такие выражения, как катенативные глаголы типа действие-действие в корейском языке, описывают конкретные детали действий персонажа. В случаях ⑦–⑧, ⑨–⑩ можно увидеть, что пропуск таких глаголов приводит к опущению подробных описаний персонажей литературного произведения. Опущение подробных описаний становится преднамеренной смысловой потерей, что может негативно сказать на качестве перевода для некоторых читателей. Сравнивая соответствующие пары как синтаксические единицы по средством СТ, мы смогли получить результаты, которые нельзя было получить при сравнении ТС (или переводческого приема). Во-первых, как было показано на примерах выше, касающихся случаев, когда сложное предложение переводилось в сложное, но с меньшим количеством простых предложений по сравнению с оригиналом в ПЯ, и случаев замены типа синтаксической связи, исследование с точки зрения СТ может помочь в определении смысловых потерь оригинала или формы оригинала при переводе. Во-вторых, нам не удалось обнаружить предложений, в ко-

торых катенативный глагол в ИЯ образовывал бы синтаксическое уподобление с ПЯ. Корейские катенативные глаголы, несомненно, представляют собой сложную для перевода конструкцию в ПЯ. Перевод на ПЯ катенативных глагольных конструкций со структурой типа [глагол + глагол], [глагол + составной глагол] или [глагол + глагол + вспомогательный глагол] затруднен, что неизбежно повышает вероятность манипуляций со стороны переводчика. Рассмотрение катенативных глаголов с точки зрения синтаксических трансформаций, в отличие от рассмотрения с точки зрения переводческих приемов (ТС), позволяет оценить степень манипуляции с оригиналом в процессе перевода.

Список литературы

1. Ким Ки Хёк. Исследование корейской грамматики. “국어문법 연구”. Сеул: Изд–во. Пакиджон; 1995. 667 с. (на кор. яз.)
2. Нам Михэ. Исследование состава катенативных глаголов в корейском языке. “국어의 연속동사 구성 연구”. Кандидатская филологическая квалификационная диссертация. Сеульский национальный университет; 1996. 73 с. (на кор. яз.)
3. Бейкер Марк. Совместное использование объектов и проекция в последовательной глагольной конструкции. *Linguistic Inquiry*. 1989; 20(4):513–553. (на анг. яз.)
4. Себба Марк. Синтаксис последовательных глаголов: Исследование сериализации на спанском и других языках. Амстердам: Изд–во. Джона Бенджамина; 1987. 227 с. (на анг. яз.)
5. Со Чуй А. Исследование состава корейской глагольной цепочки. “한국어 동사연쇄구성 연구”. Кандидатская филологическая квалификационная диссертация. Сеульский национальный университет; 2020. 178 с. (на кор. яз.)
6. Юн Соён. Корейская конструкция серийного глагола «V₁-eta V₂». Язык. 2013;38(2):413–449. (на анг. яз.) <https://doi.org/10.18855/lisoko.2013.38.2.010>
7. Хабибуллина Э.К., Чжу С. Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):198–210. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2>. С. 198-210
8. Омарова Р.А., Кенжетаева Г.К. Особенности художественного перевода (на материале произведения Джек Лондона «Люди бездны» и его русского перевода). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2(2):42–53.
9. Ли Сын У. Частная жизнь растений. “식물의 사생활”. Сборник корейской литературы Мунхакдонне 007. Пхаджу: Изд–во. Мунхакдонне. Электронная книга; 2014. (на кор. яз.)
10. Ли Сын У. Тайная жизнь растений. Современная корейская литература VI. пер. с кор. М. Кузнецовой. СПб.: Гиперион; 2013. 192 с.
11. Хван Согён. *Париодэги*. “파리도제”. Пхаджу: Изд–во. ЧанБи. Электронная книга. 2007. (на кор. яз.)
12. Хван Согён. Принцесса Пари. пер. с кор. на А. Рыжкова. М.: Изд–во. Луч; 2015. 288 с.
13. Ким Эран. Беги, папа!. “들려라 아빠”. Пхаджу: Изд–во. ЧанБи. Электронная книга. 2009. (на кор. яз.)
14. Ким, Эран. Беги, папа!. пер. с кор. Л. Азариной. М.: Луч; 2015. 236 с.

Reference

1. Kim Kihyeok. Korean Grammar Research. Seoul: Pakijeong; 1995. p. 667. (in Kor.)
2. Nam Mihye. A Study on the Construction of Serial Verbs in Korean. Ph.D. qualification disserta-

- tion. Seoul National University; 1996. p. 73. (in Kor.)
3. Baker, Mark. Object Sharing and Projection in Serial Verb Construction. *Linguistic Inquiry*. 1989; 20(4):513–553. (in Eng.)
4. Sebba, Mark. *The Syntax of Serial Verbs: An investigation into serialisation in Sranan and other languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1987. p. 227. (in Eng.)
5. Seo, Chui Ah. A Study on the Construction of Korean Verbs. Ph.D. qualification dissertation. Seoul National University; 2020. p. 178. (in Kor.)
6. Yoon So-yeon. The Korean Serial Verb Construction “V₁ -eta V₂”. *Language*. 2013;38(2):413–449. (in Eng.) <https://doi.org/10.18855/lisoko.2013.38.2.010>
7. Khabibullina E.K., Ju S. Syntactic Transformations on the Example of Translating a Literary Work from Korean to Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):198–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2>.
8. Omarova R.A., Kenzhetayeva G.K. The peculiarities of literary translation (on the material of "The people of the Abyss" book by Jack London and its Russian translation. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2):42–53.
9. Lee Seung Woo. The Private Life of Plants. Munhakdongne Korean Literature Collection 007. Paju: e-book. Munhakdongne. 2014. (in Kor.)
10. Lee Seung Woo. The Private Life of Plants. Modern Korean Literature VI. Translation from Korean by M. Kuznetsova. St. Petersburg: Hyperion; 2013. 192 p. (in Russ.)
11. Hwang Sokyoung. Baridegi. Paju: e-book. Changbi. 2007. (in Kor.)
12. Hwang Sogyeong. Princess Paris. trans. from Korean by A. Ryzhkova. M.: Luch Publishing House:2015. 288 p. (in Russ.)
13. Kim Aeran. Run, Dad, Short Story Collection. Paju: e-book. Changbi: 2009. (in Kor.)
14. Kim Erran. Run, Dad. Translation from Korean by L. Azarinoi. M.: Луч: 2015. 236 p. (in Russ.)

Автор публикации

Чжу Сун Мен –
старший преподаватель
Казанский (Приволжский) Федеральный
Университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: endsoeul0504@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.04.2025
Одобрена после рецензирования: 10.08.2025
Принята к публикации: 15.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании
«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Ju Sun Mean –
senior teacher
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: endsoeul0504@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.04.2025
Approved after peer reviewing: 10.08.2025
Accepted for publication: 15.08.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 14.10.2025. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

Дата выхода в свет: 14.10.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

